КН
65А
С-17

Самойлов Ф.
Процесс большевистской фракции.-
М-Л, 1927 г. 4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

КН А
65
С17

Ф. Н. САМОЙЛОВ

ПРОЦЕСС БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ФРАКЦИИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

ЧАСТЬ IV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

(ИСТПАРТ)

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ.

Авдеев, Н. Революция 1917 года. Т. I. (Январь—апрель.) Издание 2-е испр. Стр. 213. Ц. 1 р. 40 к.

Авдеев, Н. Революция 1917 года. Т. II. (Апрель—май.) Стр. 307. Ц. 2 р. 50 к.

Владимирова, В. Революция 1917 года. Т. III. (Июнь—июль.) Стр. 400. Ц. 3 р.

Владимирова, В. Революция 1917 г. Т. IV. (Август—сент.) Стр. 422. Ц. 3 р. 50 к.

Рябинский, К. Революция 1917 года. Т. V. (Октябрь.) Стр. 308. Ц. 3 р.

Рябинский, К. Революция 1917 года. Т. VI. (Печатается.)

Максаков, В. и Нелидов, Н. Хроника революции. Вып. I. 1917. Стр. 143. Ц. 50 к.

СБОРНИКИ, СТАТЬИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Аркомед, С. Т. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. С 80-х г. по 1903 г. С предисл. к первому изд. Г. В. Плеханова. Стр. 181. Ц. 50 к.

Владимирова, В. Контр-революция в 1917 г. (Корниловщина.) Стр. 224. Ц. 1 р. 20 к.

Волков, Е. Среди моряков и речников торгового и военного флотов (1906—1914 г.г.) По данным процесса 1914 г. и личным воспоминаниям. Стр. 264. Ц. 1 р. 50 к.

Волковичер, И. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше. Подготовительный период партии „Пролетариат". Опыт исторического исследования. Часть I. Стр. 124. Ц. 1 р. 50 к.

Двадцать лет рабочей организации. Города Муром, Кулебаки, Выкса. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к.

25 лет РКП (б) (1898—1923). Иллюстрированный юбилейный сборник. Ц. 4 р.

Зеликсон-Бобровская, Ц. Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области 1904—1910 г.г. Воспоминания и документы. Стр. 114. Ц. 50 к. 12 отд. листов с иллюстрациями.

Из эпохи „Звезды" и „Правды". 1911—1914—г.г. Выпуск I. Стр. 191. Ц. 30 к. Выпуск II. Стр. 252. Ц. 40 к. Выпуск III. Стр. 291. Ц. 1 р. 35 к.

К двадцатипятилетию первого съезда партии. (1898—1923 г.г.)

Лелевич, Г. В дни самарской учредилки. Стр. 47. Ц. 6 к.

Лелевич, Г. Стрекопытовщина. Страничка из истории контр-революционных выступлений в годы гражданской войны. Изд. 2-е, испр. и знач. дополн. Стр. 64. Ц. 60 к.

Невский, В. И. Южно-Русский Рабочий Союз в Николаеве. 1897 г. С приложением письма Л. Д. Троцкого. Стр. 95. Ц. 25 к.

Ольминский, М. Из прошлого. Сборник статей. Изд. 2-е. Стр. 84. Ц. 25 к.

Памятник борцам пролетарской революции. 1917—1921 г.г. Изд. 3-е. Все 3 тома в одной книге. Ц. 4 р. 50 к.

Пионтковский С. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. Изд. 3-е. Стр. 104. Ц. 50 к.

Свечников, С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917—1918 г.г. (Воспоминания и материалы.) Стр. 112. Ц. 1 р.

Техника большевистского подполья. Сборник статей и воспоминаний. Изд. 2-е, испр. и дополн. (2 тома в одной книге.) Стр. 326. Ц. 2 р. 25 к.

Шляпников, А. Канун 1917 года. Воспоминания и документы о рабочем движении за 1914—1918 г.г. Часть I. Изд. 3-е испр. Стр. 221. Ц. 1 р. 20 к. Часть II. Изд. 4-е дополн. Стр. 135. Ц. 80 к.

Шляпников, А. Семнадцатый год. Книга I. (Январь. февраль и три дня марта.) Изд. 2-е. Стр. 267. Ц. 2 р. Книга II. (Март.) Стр. 328. Ц. 2 р.

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

КН А
65
С17

Ф. Н. САМОЙЛОВ

ПРОЦЕСС БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ФРАКЦИИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

ЧАСТЬ IV

ДАР
М. Г. Гайсинского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1927 ☆ ЛЕНИНГРАД

1

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 33268 1963

Гиз № 17947. Главлит № 68041. Тираж 3.000.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская улица, д. 16.

ОТ АВТОРА.

При составлении своих воспоминаний я пользовался следующими материалами: 1) отчетом о судебном процессе социал-демократической рабочей фракции IV государственной думы, помещенным в журнале «Право», №№ 8—11 за 1915 г., 2) «Правительственным Вестником» от 9 ноября 1914 г., 3) газетой «День» от 15 ноября 1914 г., 4) газетой «Русские Ведомости» от 10 по 14 февраля 1915 г.

Кроме того, для восстановления в памяти отдельных моментов из жизни и деятельности с.-д. рабочей фракции IV государственной думы и суда над нею большую помощь оказал мне мой коллега по IV государственной думе тов. М. К. Муранов (ныне член верховного кассационного суда), с которым я имел ряд бесед по этому вопросу.

Ф. Самойлов.

I.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ И ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ С.-Д. РАБОЧЕЙ ФРАКЦИИ С ПАРТИЙНЫМИ РАБОТНИКАМИ В ФИНЛЯНДИИ.

По возвращении из Швейцарии в Иваново-Вознесенск в половине сентября 1914 г., разыскав одного-двух товарищей с.-д., я созвал собрание членов с.-д. организации и сделал доклад на тему о текущем политическом моменте.

Иваново-Вознесенскую с.-д. организацию я нашел в это время сильно разгромленной властями. Подавляющее большинство старых виднейших членов ее находилось в тюрьмах и в ссылке, но в организации были уже и новые члены. На собрании выяснилось, что, несмотря на почти полную оторванность организации от высших руководящих партийных центров, все же иваново-вознесенские товарищи в отношении к войне занимали уже вполне определенную отрицательную позицию, выражавшуюся в лозунге «война войне». Я изложил им точку зрения ЦК партии по этому вопросу, которая в общем и целом совпадала с их точкой зрения. Иваново-вознесенские товарищи чутьем рабочих, классовым инстинктом пролетариев нащупали этот правильный путь и определенно стали на него еще в первые месяцы войны. Нехватало только санкции высшего партийного органа, ЦК партии. С моим приездом санкция эта была получена, организация начала подниматься на ноги и повела работу в духе противодействия войне.

В 20-х числах сентября я поехал в Петроград и, встретившись там с товарищами по фракции государственной думы, также изложил им точку зрения ЦК партии по вопросу о происходивших тогда событиях.

Ввиду того, что на местах с.-д. организации в это время всюду были разгромлены властями, руководящая и

организующая роль нашей думской с.-д. рабочей фракции была особенно важна. Было решено созвать совещание с.-д. фракции с рядом виднейших партийных работников, которое и состоялось 30 сентября 1914 г. в Финляндии, близ ст. Мустамяки, в деревне Нейвола, в квартире Л. Б. Каменева. Из депутатов на этом совещании участвовали: т.т. Петровский, Бадаев, Муранов и я. Из других товарищей были: Л. Б. Каменев, Финн-Енотаевский, Н. Иорданский, товарищ Елена и другие (всех сейчас уже не помню). На совещании, между прочим, был заслушан доклад Л. Б. Каменева о текущем политическом моменте и обсуждалось известное, напечатанное тогда в газетах, обращение к нам, русским социал-демократам, лидера бельгийских социалистов Вандервельде, в котором он выражал надежду, что мы, русские соц.-демократы, станем на его оборонческую точку зрения и поддержим всех шовинистов и соглашателей в империалистической войне. На этом же совещании был выработан наш ответ Вандервельде (см. № 33 «Социал-Демократа» за 1914 г.).

По окончании этого совещания было решено через месяц созвать второе, более широкое совещание с представителями местных с.-д. организаций из наиболее крупных промышленных пунктов. Затем большинство из нас, депутатов, разъехалось на места, имея в виду привезти с собой упомянутых представителей.

Вернувшись после совещания в Финляндии из Петрограда в Иваново-Вознесенск в первых числах октября, я снова созвал собрание партийных товарищей и сделал им доклад об этом совещании; затем ездил также в Тейково и посвятил тейковских товарищей во все злободневные вопросы того времени, при чем выяснилось, что они, как и иваново-вознесенцы, в своей партийной работе проводили линию решительных противников войны.

В 20-х числах октября из Петрограда от Г. И. Петровского я получил письмо с приглашением явиться «для разрешения ряда накопившихся вопросов». Для меня было ясно, что готовится назначенное на первом совещании в Финляндии второе наше совещание. Поэтому, снова собрав иваново-вознесенских товарищей, я предложил им выбрать пред-

ставителя от с.-д. организации, чтобы захватить его с собой в Петроград на совещание. Таким представителем был избран И. А. Воронин, рабочий одной из фабрик в Иваново-Вознесенске. Это был еще совсем молодой член Иваново-Вознесенской с.-д. организации; его я видел тогда, кажется, в первый раз. Тем не менее, другого, более старого партийного товарища почему-то тогда не нашлось. Как это случилось,—я теперь уж не помню. И вот в конце октября 1914 г. мы с тов. Ворониным выехали в Петроград. Чтобы не навлечь на себя лишних подозрений со стороны полиции, мы поехали каждый отдельно: Воронин поехал из Иваново-Вознесенска, а я—из Кинешмы и прибыл в Петроград дня за два, за три до назначенного совещания.

По приезде в Петроград пришлось несколько подождать некоторых еще не приехавших товарищей. Потом в квартире, кажется, Петровского или Бадаева (точно не помню) было устроено организационное собрание, на котором, между прочими вопросами, стал вопрос о квартире для совещания. Тут присутствовал член III государственной думы Шурканов, имевший тогда связь с Петроградским Комитетом (впоследствии оказавшийся провокатором). Ему и было поручено подыскать для совещания подходящую квартиру. Скоро квартира была найдена в Озерках, по Выборгскому шоссе, в доме № 28а. Занимали эту квартиру Гавриловы. Числа 2 ноября вечером, соблюдая большую осторожность, товарищи отправились на совещание, а меня послали в Финляндию за Л. Б. Каменевым [1]).

---

[1]) Л. Б. Каменев (Розенфельд) являлся членом и уполномоченным ЦК партии большевиков для работы в России.

II.

ВТОРОЕ СОВЕЩАНИЕ ФРАКЦИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ С.-Д. ОРГАНИЗАЦИИ В ОЗЕРКАХ.—АРЕСТ И ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ СОВЕЩАНИЯ.

Л. Б. Каменев жил на прежней своей квартире в Финляндии, близ станции Мустамяки, в деревне Нейвола. По моим наблюдениям доехал я к нему очень удачно, несмотря на сильную слежку за нами шпиков.

Когда я рассказал Льву Борисовичу, что для совещания все готово и что я приехал за ним, он ехать со мной не согласился. «Вы,—сказал он,—народ такой, что с вами, того и гляди, попадешь на шпика, и лучше уж вы поезжайте, а я приеду один на другой день». Я согласился с этим и вечером того же дня, оставив Льву Борисовичу адрес квартиры совещания, уехал от него.

Когда я приехал на место совещания, там уже были депутаты Петровский, Бадаев, Шагов и Муранов и представители местных организаций: Воронин—от Иваново-Вознесенска, Линде—от Риги, Яковлев—от Харькова и Козлов—от Петрограда. Я сообщил им, что Каменев приедет позднее. Решили подождать также ожидавшегося на это совещание Стеклова, который почему-то еще не прибыл. За ним кого-то посылали, но посланный не застал его дома. Потеряв надежду на прибытие Стеклова, мы, в ожидании Каменева, решили заняться некоторыми мелкими вопросами (кажется, обсуждали проект прокламации к студенчеству и еще что-то; что именно,—теперь уж не помню); главные же вопросы (обсуждение тезисов Ленина о войне, окончательная выработка нашей линии поведения в этом вопросе и практические шаги по ее проведению в жизнь) мы отложили до приезда Л. Б. Каменева.

Просидев довольно долго за полночь, мы легли спать, кто на тюфяках на полу, кто на стульях. Окна квартиры были плотно завешены, и мы ночь проспали спокойно, а утром, проснувшись, снова собрались за столом и снова стали поджидать Каменева. Наконец, он явился, и с ним тов. Антипов. Справились, как дело обстоит насчет шпиков. «Ничего, кажется, подозрительного не заметно»,—ответили они, после чего, будучи уверены, что собрание сойдет благополучно, мы снова приступили к делу.

Л. Б. Каменев сделал обстоятельный доклад о войне и надвигающейся революции, в котором, помню, он, между прочим, говорил о ближайших перспективах в том духе, что в случае поражения России революция неизбежна, что революция есть вопрос очень недалекого будущего и что поэтому наша задача двигать и приближать ее, быть к ней готовыми и т. д.

После доклада тов. Каменева были заслушаны доклады с мест о положении дел, о настроении рабочих, об их отношении к сборам в пользу ушедших на войну и их семейств и т. д.

Нам предстояло обсудить тезисы В. И. Ленина о войне (известные 7 пунктов) [1]).

Все решения совещания записывались в протоколе, который вел тов. В. Н. Яковлев [2]).

Совещание затянулось еще на сутки, и мы у Гавриловых ночевали еще ночь. Из помещения не выходили и, будучи уверены, что нам хорошо удалось скрыться от всех шпиков, чувствовали себя в безопасности. Но на третий день, в 5 часов вечера, когда мы уже заканчивали все свои дела (за исключением, кажется, указанных тезисов) и, сидя за самоваром около стола, пили чай, спокойно беседуя, со двора в наружную дверь квартиры вдруг раздался громкий стук, и вслед за этим, почти в тот же момент, с грохотом упала сорванная с петель дверь квартиры, застучали шаги множества ног и загудели голоса людей в прихожей. Мы остались спокойно сидеть за столом, и только депутат Шагов,

---

[1]) Тезисы привезены были мною и тов. Данским (Комаровским) из Берна от В. И. Ленина (см. мою кн. „Воспоминания“, ч. III, стр. 90—91).

[2]) В. Н. Яковлев расстрелян колчаковцами в Сибири.

прохаживавшийся перед этим по комнате, быстро заглянув в переднюю, сказал: «Полиция!». Тотчас же в нашу комнату ввалилась большая толпа околоточных надзирателей, городовых и стражников, во главе с жандармским ротмистром и каким-то типом в штатском.

Идя впереди толпы охранников и держа в руке револьвер, жандармский ротмистр скомандовал:

— Руки вверх! Ни с места! Что здесь за люди?

— А вам что нужно? Какое вы имеете право вламываться в чужие квартиры и ломать двери?—крикнул кто-то из нас в ответ.

— Я должен здесь произвести обыск, вот на основании этого,—сказал жандармский офицер и предъявил нам бумажку, в которой его начальство на основании 23 ст. военного положения (Петроград тогда был объявлен на военном положении) предписывало ему в занимаемой Гавриловыми квартире произвести тщательный обыск и арестовать всех находившихся там лиц.

Прочитав эту бумажку, мы встали с мест и заявили: что мы—члены государственной думы и что на основании статей 15 и 16 положения о государственной думе без разрешения пленума государственной думы ни обыскивать, ни арестовывать нас никто не имеет права, что это беззаконие властей в данном случае совершается вопреки изданным ими же самими основным государственным законам, что мы протестуем против этого и подчиняться этому беззаконию отказываемся, и т. д. Словом, мы начали шуметь и кричать на все лады, доказывая жандармскому ротмистру, что ничего сделать с нами он не имеет права. Тогда начали обыскивать остальных товарищей (Каменева, Воронина, Антипова, Козлова, Линде, Яковлева и хозяйку квартиры Гаврилову), а нас, депутатов, пока оставили в покое. Но мы в это время попрежнему продолжали шуметь, требуя, чтобы нас отпустили, так как задерживать нас жандармы не имеют права, и так далее.

Когда все товарищи были обысканы, жандармский ротмистр снова было приступил к нам, депутатам, но, ввиду наших решительных протестов, заколебался и ушел куда-то из помещения (как потом оказалось, он уходил в соседний

дом, чтобы звонить по телефону, так как в нашем доме телефона не было), а остальные охранники, в ожидании своего начальника, выстроились против нас, закрыв собой выход из нашей комнаты.

До возвращения жандарма прошло довольно много времени, и некоторые из нас, путешествуя с разрешения начальства в уборную, спровадили туда довольно много из имевшихся у нас различных документов; так, например, туда были отправлены протокол нашего совещания, записные книжки с разными адресами и т. д.

Жандармский ротмистр явился в сопровождении другого жандарма, кажется, в чине полковника, который, войдя в комнату вслед за первым, крикнул: «Обыскать, обыскать, всех обыскать, немедленно, без всяких церемоний!». И тогда толпа околоточных, городовых и стражников двинулась вперед. Нас окружили и, схватив первыми меня, Бадаева и Шагова, начали обыскивать. Мы сначала было сопротивлялись, но, видя всю бесполезность этого, подчинились грубой силе и были обысканы. У нас было отобрано все, вплоть до часов и перочинных ножей.

Петровский и Муранов сопротивлялись несколько дольше. Они еще раз заявили, что не подчинятся ни в каком случае и будут сопротивляться насилию, но их быстро вывели в соседнюю комнату, смяли и также обыскали.

Все ранее обысканные товарищи, не-депутаты, были отправлены в тюрьму. После этого началась длинная процедура составления протокола обыска, в который записывалось все у нас отобранное.

Важнейшими из отобранных у нас документов были следующие:

У Петровского отобрано: 1 экземпляр известной телеграммы Вандервельде, № 33 «Социал-Демократа» от 1 ноября 1914 г., тезисы В. И. Ленина о войне из 7 пунктов, 1 экземпляр брошюры программы и устава нашей партии, 1 экземпляр брошюры под заглавием «Всероссийская конференция РСДРП», список фабрик и заводов Петрограда и пр.

У Бадаева: та же телеграмма Вандервельде в 1 экземпляре, 1 экземпляр того же № 33 «Социал-Демократа», 1 экземпляр проекта нашего ответа Вандервельде, те же

тезисы из 7 пунктов о войне в 1 экземпляре, рукописный оригинал нашей прокламации студенчеству о войне, 1 экземпляр брошюры программы и устава нашей партии, 1 экземпляр брошюры «Всероссийская конференция РСДРП» и др.

У меня: 1 экземпляр того же № 33 «Социал-Демократа», карманный блокнот с конспектом доклада Иваново-Вознесенской организации и еще что-то.

У Муранова: тот же № 33 «Социал-Демократа», записная книжка и пр.

У Шагова почти ничего не было найдено.

У всех остальных также особо важного ничего найдено не было.

Все это время, так же, как и до обыска, мы вели себя совершенно свободно, продолжая протестовать против совершаемого над нами насилия, решительно требуя возвращения отобранных у нас документов и освобождения нас; но окружавшие нас охранники продолжали держать нас на положении арестованных, и только когда, наконец, процедура с протоколом окончилась, жандармы снова ушли, по-видимому, к телефону, за дальнейшими инструкциями высшего начальства и, вернувшись спустя довольно долгое время, начали освобождать нас поодиночке. А. Е. Бадаеву было первому объявлено, что он свободен. Но он, будучи удивлен тем, что освободили только его, а остальных нет, один не пошел, остался и стал ждать, что будет с остальными. Очень скоро и всем нам остальным, каждому по очереди, было также заявлено, что мы свободны и можем уходить.

После этого нам выдали обратно отобранные у нас некоторые предметы, как-то: членские билеты, часы, револьверы; у полиции остались только те из наших документов, которые компрометировали в ее глазах нас, как опасных революционеров. Мы снова потребовали возвращения всего отобранного у нас при обыске, но и на этот раз нам в этом было категорически отказано. После этого мы все пятеро вместе вышли из помещения и, пройдя мимо стоящих у дома автомобилей и полиции, пошли по Выборгскому шоссе до ближайшего трамвая.

Было уже около 5 часов утра 5 ноября ст. ст. 1914 г. Было

не холодно, но очень темно; шоссе освещалось редко попадавшимися тусклыми фонарями. По дороге мы рассуждали о том, что́ мы должны будем предпринять по поводу всего с нами происшедшего. Нам казалось, что ничего особенного со стороны полиции нам не угрожает.

Иллюзия «депутатской неприкосновенности» была у нас так сильна, что мы полушутя, полусерьезно говорили: «А все-таки она, мол, вертится», т.-е. неприкосновенность-то наша депутатская существует, и с ней не могут не считаться власти, которые нас потому только и отпустили, и т. д. Тем не менее, настроение наше в этот момент было не из веселых. Мы ясно сознавали, что власти предпринимают против нас—рабочих депутатов—решительный поход, и что так или иначе не в этот, так в другой раз нам не сдобровать, и тем или иным способом мы будем «изъяты из обращения»; да иначе и думать было трудно, ибо слишком непримирима и неприемлема была для них наша позиция по отношению к войне и к ним самим. Поэтому, несмотря на нашу иллюзию «депутатской неприкосновенности», для нас было ясно, что нужно готовиться к худшему. Садясь на трамвай по пути на квартиру, мы рассказали кондукторам о том, что с нами произошло и просили их осведомить об этом остальных их товарищей и всех рабочих, так как нам самим это сделать уж едва ли придется, потому что время нашего пребывания на воле, вероятно, сочтено.

Возвратившись на квартиру, мы тотчас же приступили к осмотру наших бумаг и сожгли в печке все могущее, по нашему мнению, послужить обвинительным материалом против нас. Так погибло тогда много ценных архивных материалов, но другого выхода не было.

Я остановился в квартире А. Е. Бадаева. Спать мы с ним легли уже перед рассветом и спустя короткое время снова поднялись. Скоро к нам пришли Петровский, Муранов и Шагов. Перед нами встал вопрос: что делать дальше, как реагировать на все происшедшее? Решили пойти в государственную думу и через ее председателя потребовать, чтобы она вмешалась в наше дело—выступила с протестом против произведенного над нами насилия и потребовала привлечения к законной ответственности виновных в нару-

шении нашей «депутатской неприкосновенности». Затем решили постараться довести обо всем до сведения широких рабочих масс.

Приняв такие решения, мы вышли из квартиры Бадаева и направились к Таврическому дворцу. На улице около квартиры на всех углах и перекрестках стояли подозрительные типы. Мы поняли, что это были шпики. В этом не было бы ничего особенного, если бы их не было так много и если бы они вели себя не так нагло. Когда мы проходили мимо них, они не только не старались быть незамеченными нами, как это было обычно раньше, но, наоборот, самым циничным образом смотрели нам в глаза и шли за нами чуть ли не по пятам. Когда мы сели в вагон трамвая, чтобы ехать к Таврическому дворцу, несколько шпиков, нисколько не стесняясь, вошли вслед за нами в вагон и частью сели, а частью стали на площадке, в виде какой-то особой охраны.

Видя это совершенно новое, никогда небывалое явление, мы понимали, что тут кроется что-то неладное, но что именно,—мы не знали.

На одной из остановок в вагон сел кто-то из знакомых мне думских представителей печати (кажется, корреспондент «Биржевых Ведомостей», но точно теперь уж не помню). Я тотчас же заговорил с ним и передал ему кратко всю нашу историю. Он очень заинтересовался ею и начал задавать мне по этому поводу вопросы. Отвечая ему, я, в свою очередь, спросил его, как он думает, почему нас сегодня в таком количестве атаковали шпики.

— А где же они?—удивленно спросил он.

— А вот видите эти рожи,—говорю я ему так громко, что шпики ясно слышат мои слова, и указываю на них пальцем.—Вот этот, этот и этот. Все время от самой квартиры, не отставая ни на шаг, следуют за нами. Раньше этого никогда не бывало.

— Вот как!—говорит он.—По-моему, ввиду происшедшего, вас всех в первое время хотят изолировать от рабочих во избежание каких-либо выступлений с их стороны.

Это объяснение мне на первый взгляд показалось довольно правдоподобным, и, обменявшись по этому поводу

мнениями, мы все признали правдоподобность такого толкования.

Когда мы вышли из вагона и направились в Таврический дворец, шпики снова последовали за нами, но остановились у входа,—повидимому, с намерением, дождавшись нашего обратного выхода, снова последовать за нами.

Войдя в здание государственной думы, Петровский и, кажется, Бадаев направились в кабинет председателя Родзянко и, рассказав ему о случившемся, потребовали от имени нашей фракции принятия необходимых мер для привлечения к ответственности виновных в нарушении закона о депутатской неприкосновенности. Выслушав товарищей, Родзянко высказал сожаление по поводу всего происшедшего, наружно даже сильно возмутился и обещал принять все зависящие от него меры.

Остальных нас встретила в прихожей толпа депутатов разных фракций и закидала вопросами. Мы кратко сообщили им обо всем. Помню, находившийся среди депутатов Милюков, выслушав нас, сказал что-то вроде того, что «эх, мол, вы, господа, господа, вы все еще мечтаете о разных нелегальных способах борьбы с реакцией, вооруженных восстаниях и революции,—бросили бы это; бесполезно, ведь все равно ничего не достигнете».

Депутат от евреев Фридман говорил: «Зачем теперь бороться против войны, ведь прекратить ее все равно невозможно, бессильны мы в этом. Теперь нам остается одно—помогать нашим страдающим воинам, перевязывать им раны и только». А известный кадетский депутат, юрист Аджемов, на мой вопрос, как он смотрит на произведенное на нас нападение полиции, насколько оно незакономерно с юридической точки зрения и что может и должна тут сделать государственная дума, насколько мне помнится, ответил, что правительство при желании может истолковать статьи 15 и 16 основных государственных законов о неприкосновенности личности депутатов так, как ему будет наиболее выгодно.

Когда Петровский и Бадаев вернулись от Родзянко, мы с М. К. Мурановым отправились, от имени нашей фракции, к Н. Д. Соколову, состоявшему тогда нашим юрисконсуль-

том, чтобы ознакомить его с происшедшим событием, узнать его мнение и получить необходимые советы.

До квартиры Соколова мы добрались в сопровождении шпиков, которые от нас не отставали всю дорогу. Выслушав наш подробный рассказ, Соколов решительно высказался в том духе, что нам пока не угрожает никакой опасности: если нас отпустили после обыска, то это означает что власти не решились нарушить 15 и 16 статей положения о государственной думе, поэтому опасаться чего-либо серьезного пока оснований мало. Таким образом, наш юрисконсульт Николай Дмитриевич Соколов нас успокоил, дав новую пищу нашим иллюзиям насчет нашей якобы «депутатской неприкосновенности». Мы с тов. Мурановым ушли от него в довольно хорошем настроении, и, когда передали мнение Соколова остальным товарищам, они тоже несколько повеселели.

Затем я пошел искать для себя квартиру и снял комнату на Невском проспекте в доме № 81 (это были, кажется, меблированные комнаты «Белград»), после чего отправился к товарищам и, беседуя с ними по разным вопросам, просидел у них довольно долго. Явился я к себе уже около одиннадцати часов вечера.

Чувствуя сильную усталость после всего пережитого за последние дни, я тотчас же запер дверь комнаты и, быстро раздевшись и потушив огонь, лег в постель, в полной уверенности, что, наконец, удастся хорошенько выспаться... Голова еще была полна всевозможных мыслей о пережитом за последние дни. Но усталость взяла свое, я очень скоро крепко уснул и, засыпая, чувствовал, как счастливое состояние сна охватывает меня всего, как быстро забываю я обо всем пережитом и как, наконец, исчезает все: шпики, жандармы, полицейские, а блаженная тишина и покой воцаряются полностью,—я как бы утопаю в них. Сознание спит. Действительность исчезла... Но... вдруг рождается где-то шум и, долетая до спящего сознания, сначала кажется каким-то неизмеримо далеким и хаотично-неясным, потом начинает быстро приближаться и скоро превращается в какие-то неприятные дребезжащие звуки, назойливые, как жужжание мух, и, не переставая, упорно гудит

в ушах, и чем дальше, тем все назойливее и упорнее, решительно нарушая столь желанную тишину и покой. Просыпаюсь и соображаю: стучат в дверь, стучат громко, так что позвякивают где-то стекла и какие-то металлические предметы. «Кто там?»—спрашиваю я, не поднимаясь с кровати. «Откройте, г. Самойлов, — полиция», слышится за дверью.

Наскоро накидываю костюм и открываю дверь. Входят два здоровенных, толстых полицейских чиновника и тип в штатском, тот самый, который накануне был на обыске у Гавриловых.

— Вы член государственной думы Самойлов?—спрашивает один из полицейских (тот, который потолще).

— Да,—отвечаю я.

— Я—полицейский пристав Московской части, а это вот мой помощник,—продолжает дальше полицейский, указывая на другого полицейского чиновника.—У нас есть распоряжение вас арестовать, вот извольте прочитать.

С этими словами он вручает мне бумажку. Я беру и читаю ее. В ней судебным следователем по особо важным делам Машкевичем, «ввиду обвинения по признакам преступления, предусмотренного ст. 102 уголовного уложения» (принадлежность к с.-д. партии), предписывается меня арестовать и препроводить в Петроградский дом предварительного заключения (одиночная предварительная тюрьма на Шпалерной, 25). «Так будьте добры, потрудитесь собраться, а вот они уже доставят вас, куда следует»,—говорит он дальше, указывая на своего помощника, и, сказав что-то последнему, он вместе с шпиком, который от времени до времени о чем-то с ним тихо перекидывался словами, вышел из комнаты. Оставшись вдвоем с помощником полицейского пристава, я быстро собрал вещи и, взяв свою багажную корзинку, направился вместе с ним к выходу.

Когда мы вышли на Невский, полицейский пристав, обращаясь ко мне, сказал: «На чем желаете ехать—на извозчике или на автомобиле?». «Не все ли равно, как добраться до тюрьмы, ведь от этого она не станет ни лучше, ни хуже»,—хотел было я ответить полицейскому чиновнику, но в тот же момент сообразил, что ехать быстро смысла нет;

наоборот, пробыть на улице лишних несколько минут, хотя бы и в обществе полицейского чиновника, гораздо приятнее, чем в тюрьме, и ответил последнему: «На извозчике». Тут же мы наняли извозчика, и через переполненный пестрой толпой буржуазии, сверкающий огнями Невский проспект быстро поехали по направлению к предварительной тюрьме.

Настроение было не очень плохое, но нельзя сказать, что и хорошее. Чувствовалось уже совершенно ясно, что власти берутся за нас решительно, а это не шутка. Проехали довольно большое расстояние молча. Не доезжая кварталов двух до тюрьмы, на Литейном проспекте, попался газетчик с вечерней «Биржевкой» (газета «Биржевые Ведомости»). Я попросил разрешения купить. Полицейский чиновник разрешил, но тут я обнаружил отсутствие кошелька с деньгами и вспомнил, что он остался в комнате под подушкой на кровати. Я заявил об этом полицейскому приставу. Он ответил, что нужно написать заявление и кошелек будет мне доставлен, и «любезно» уплатил свои 2 копейки за газету. В газете ничего особенного не было, но, просмотрев «Биржевку», я все же кладу ее в карман из соображения, что в тюрьме газеты уже больше не получишь... Вот и тюрьма... Всюду стоят часовые... Сходим с извозчика. Открываются тяжелые железные ворота и, поглотив нас, снова шумно со звоном закрываются за нами. Входим в здание и мимо угрюмых фигур часовых идем какими-то мрачными коридорами. В них обычный тяжелый тюремный воздух, сильно насыщенный специфически-казарменными запахами. На момент становится немного жутко, потом ничего. Новизна обстановки резко бросается в глаза и поглощает внимание. Скоро входим в канцелярию. Это обычная средней величины комната с письменными столами и несколькими стульями, но окна с толстыми решетками. Нас встречает какой-то угрюмо-свирепого вида средних лет тюремный чиновник, которому помощник полицейского пристава меня и передает.

После краткого разговора с полицейским приставом тюремщик отдает распоряжение меня обыскать; ко мне подходят два тюремных надзирателя, и начинается обыск. Меня раздевают до белья и тщательно обыскивают: выворачивают все карманы костюма, пальто, щупают в сапогах, в носках,

за подкладкой и т. д. и отбирают все, вплоть до часов и подтяжек брюк. «Зачем же подтяжки отбираете?—спрашиваю я,—без них очень неудобно».—«Не разрешается»,—получается ответ. Кончается обыск, начинаю снова одеваться.

Когда я оделся, старший тюремщик, обращаясь к одному из надзирателей, сказал: «Отвести на третий этаж, в камеру № 142». «Слушаю»,—отвечает надзиратель, беря под козырек, и, обращаясь ко мне, говорит: «Ну, идемте». И мы пошли. Выйдя из канцелярии и оглянувшись, я вдали, в коридоре, увидел Петровского, Шагова и Муранова. Их вели тоже в эту канцелярию. В момент появляется мысль перекинуться с ними парой слов, но в это время мы поворачиваем в другую сторону, и товарищей становится не видно, я снова иду по длинным пустынным коридорам, освещенным тускловатыми дежурными лампочками. На пути изредка попадаются лишь тюремные надзиратели, кругом тишина. Проходим первый, второй и часть третьего этажа, мимо множества одиночек, и, наконец, останавливаемся у двери камеры № 142. Ловкой, привычной рукой с громким металлическим звоном надзиратель открывает дверь, зажигает электричество, и мы входим вовнутрь камеры. «Вот вам камера, раздевайтесь и ложитесь»,—говорит надзиратель и, быстро повернувшись, направляется к выходу. «А сколько сейчас времени?»—задаю я ему вопрос. Он на секунду останавливается и, не поворачиваясь ко мне, говорит: «Без часов живем», затем быстро идет, и в следующие две-три секунды звонко гремит дверь запираемой им камеры.

III

ПЕРВЫЙ ДОПРОС У СЛЕДОВАТЕЛЯ.

В камере настает полная, уже ничем не нарушимая, жуткая тишина. Оставшись один посреди четырех каменных стен, я остановился посредине камеры и стал обозревать это новое мое жилье. Оно оказалось очень невзрачным. Каменные стены имели грязновато-темнозеленый цвет. Потолок светло-серый в виде крышки гигантского гроба, пол асфальтовый, черный. В стене против двери, у самого потолка, очень маленькое с толстой железной решеткой окошечко. Дверь железная, какого-то неопределенно-темного цвета, с маленьким круглым окошечком посредине. Налево, у самой двери, приделанная к стене железная койка с серым матрацем, одеялом и подушкой. Против койки у другой стены приделанные к ней же—в виде двух железных окрашенных в желтовато-серый цвет листов, один повыше, другой пониже,—стол и табуретка, а еще повыше, у самой двери, маленькая железная полочка с лежащими на ней алюминиевыми кружкой, миской, тарелкой и деревянными ложкой и солонкой. К самому окну у этой же стены уборная и раковина с краном водопровода. Над столом электрическая лампочка, а посредине этой же стены, от пола до потолка, проходила труба парового или водяного отопления. В вышину камера была аршина четыре, в длину шесть шагов и в ширину четыре шага.

Таково было мое новое жилье, в котором я тогда, несмотря ни на что, все же довольно неожиданно очутился. Осмотрев камеру, я невольно отдался нахлынувшему в голову целому потоку всевозможных, большей частью невеселых, мыслей, оценивая создавшееся положение, как се-

рьезное. Я отдался всецело этим охватившим меня мыслям, и предо мной начали вырисовываться перспективы участи втородумцев (членов социал-демократической фракции II государственной думы, осужденных на каторгу). Охваченный мыслями, я незаметно для себя самого на некоторое время как бы забыл, где я нахожусь. Вдруг слышу: «Раздевайтесь, г. Самойлов, и ложитесь спать, иначе я погашу огонь, тогда будете раздеваться без огня». Это говорит сквозь дверное окошечко надзиратель. Я отрываюсь от своих мыслей и с намерением раздеться и лечь подхожу к койке, щупаю матрац и подушку, но оказывается, что они так жестки, что на них без привычки лежать очень трудно. Вместо сена или соломы, как это тогда вообще было принято в тюрьмах, они были набиты какими-то жесткими и даже колючими палками. В особенности была жестка подушка. Тем не менее, выхода не было. Надо было так или иначе ложиться. Раздеваюсь и пробую лечь, но почти в ту же минуту вынужден встать снова. От лежания на подушке было страшно больно ухо и щеку, я решил подложить под голову шапку, но очень скоро находившиеся в подушке палки и сквозь шапку снова дали о себе знать. Тогда я одел пальто, закрыл воротником уши и, надев на голову шапку, снова лег на койку. В это время погас свет, и в камере стало совершенно темно. Лежа одетый в таком неудобном положении, в эту первую ночь в одиночке я заснул уже, должно быть, под самое утро, а когда проснулся и открыл глаза, вокруг был какой-то полумрак. Некоторое время напрягал мозг, не понимая, где я нахожусь. Оттого, что спал очень мало, глаза смотрели плохо, и в них чувствовалась боль, но, когда сообразил, что я в одиночке, первая мысль об этом обожгла, как огоньком. Сразу слетело состояние недоспанности. Быстро встал, снял пальто и шапку, в которых пролежал всю ночь, и, вновь осматривая камеру, обнаружил, что полумрак в камере происходил оттого, что окно ее выходило в какой-то узкий тупик и упиралось в противоположную стену. Поэтому и свет в него проникал очень слабый, и это обстоятельство делало мою камеру особенно угрюмой и мрачной.

Едва успел умыться из раковины водопровода холодной,

как лед, водой, как вдруг в коридоре раздались крики: «Кипяток! Кипяток!»—и вслед за этим в открывшееся в двери маленькое окошечко показались нос и усы надзирателя, крикнувшего: «Приготовьте кружку для кипятка». Я беру последнюю с полки, просовываю ее в окошечко двери, и налитая кипятком кружка почти в этот же момент просовывается обратно, вслед за ней мне передают тем же путем большой кусок (фунта два) черного хлеба, и окошечко закрывается.

Это был завтрак. Поставив его на железный столик, я попробовал было выпить несколько глотков кипятку, но края металлической кружки были так горячи, что это оказалось невозможным, и, вновь размышляя о создавшемся положении, я машинально зашагал по камере. В голове преобладали все те же мысли о неизбежности участи втородумцев, но настроение было все же неплохое. Скоро я вспомнил о завтраке, кипяток уже был не очень горяч, и, к моему приятному удивлению, я с аппетитом уничтожил порядочный кусок посоленного солью черного хлеба, выпил почти весь кипяток и снова зашагал по камере. «Вот она, неприкосновенность-то наша депутатская!—думал я.—И как это в наших головах могла иметь место эта столь очевидная иллюзия, когда мы, марксисты, знали твердо правило, что в политической борьбе все споры решает только реальное соотношение сил борющихся сторон: на чьей стороне бывает перевес этих сил в каждый данный момент, та и является победительницей и делает все, что диктуется ей ее интересами, несмотря ни на какие бумажные конституции и прочие «юридические нормы». Это теперь казалось мне почти непонятным, и я приходил к выводу, что люди, должно быть, таковы, что без иллюзий в своей жизни никак обойтись не могут и, сознавая весь их вред и все время борясь с ними, в то же время держатся за них, как бы не замечая этого, и часто, несмотря на самую очевидную их несбыточность и вздорность, все же продолжают как-то помимо своей воли лелеять их в душе до тех пор, пока суровая действительность не разбивает их самым беспощадным образом.

Рассуждая таким образом, я, должно быть, незаметно для самого себя убил немало времени, которое, как мне

казалось, близко подходило уже к полудню, и вот в это время снова открывается дверное окошечко, и слышится голос надзирателя: «Приготовьтесь на прогулку». Я одеваю пальто, шапку и галоши и с большим любопытством ожидаю, когда выпустят из камеры, в тайной надежде, что во время прогулки, может быть, удастся увидеть кого-нибудь из своих, а может быть, и перекинуться парой слов с ними, или же в крайнем случае удастся увидеть вообще живых людей. Но вот входит надзиратель и говорит: «Пожалуйте». Я выхожу в коридор и иду за надзирателем. В коридоре уже поджидает другой надзиратель. Идя между ними двумя, я спускаюсь с лестницы на второй этаж, потом в самый низ, на первый этаж, и выхожу во двор.

Посредине двора вижу какую-то круглую дощатую постройку с расхаживающими по ее крыше надзирателями.

Когда я подошел к этому странному сооружению, надзиратель впустил меня в какую-то боковую дверь и тотчас же ее запер за мной. Я очутился в каком-то окруженном тремя высокими дощатыми стенами треугольнике, так же один, как и в камере. Было ясно, что прогулки будут так же одиноки, как и сидение в камере, и ни о каких встречах во время них не может быть и речи. Это открытие сразу же изрядно испортило мое настроение.

В треугольнике одна стена, которая выходила наружу, была решетчатая, и сквозь нее был виден находящийся против нее небольшой участок двора, через две другие стены были видны только два-три верхних этажа тюрьмы, а вверху треугольника вместо потолка виднелся треугольный же кусочек неба. Вот и все, что можно было видеть из этого треугольного помещения на прогулке.

Поняв всю строгость изоляции от всего остального мира, в которой я очутился, и будучи сильно разочарован в своих ожиданиях хоть на прогулках встречать кое-что интересное, я, прошагав в треугольнике, без всякого интереса к новому месту, положенные двадцать минут, в сопровождении тех же надзирателей, в изрядно подавленном состоянии, снова вернулся в свою камеру.

Не успел я еще раздеться, как в коридоре раздалось: «Обед! обед!», а через минуту в таком же порядке, как

и утренний кипяток, я получил миску супу и тарелку гречневой каши с салом. Еда эта была очень грубая и невкусная, но аппетит взял свое, и я скушал ее довольно порядочное количество.

После обеда время потянулось медленно, и с мыслями о том, когда же должно так или иначе выясниться положение, я долго шагал из угла в угол в сером полумраке камеры. В четыре часа пил принесенный кипяток и дальше снова шагал по камере.

Часов около шести вечера снаружи вдруг загремел замок двери, в камеру вошел надзиратель и сказал: «Ну, г. Самойлов, пойдемте».—«Куда?» — спрашиваю я. — «Там узнаете»,—отвечает он. Мы довольно долго идем с ним по коридорам. Наконец, приходим в какую-то большую сравнительно чистую комнату с большими шторами на дверях, и там я неожиданно встречаю всех остальных товарищей-депутатов.

Здороваемся и начинаем быстро обмениваться мыслями о создавшемся положении, при чем, конечно, оказывается, что все одинаково не знали, что ожидает нас в ближайшем будущем, хотя для каждого и было ясно, что раз уже попали в руки врагов так крепко, то ждать хорошего не приходится, но что именно конкретно правительство намеревалось с нами проделать,—предугадать было для всех одинаково трудно. Время и обстановка, в которых возникло наше дело, были особенные. Озерки, т.-е. то местечко, где мы были задержаны полицией, тогда находились на военном положении, и их население жило в особой обстановке исключительных военных законов и правил; выходило, что формально мы подлежали суду военных властей. Это сильно усугубляло наше положение. Мы это сознавали, но что именно нам конкретно угрожало,—предвидеть в тот момент все же не могли.

Побеседовать между собой нам удалось очень мало, так как очень скоро к нам вышли судебный следователь по особо важным делам Машкевич, который вел наше дело, и еще кто-то из прокуратуры и, сообщив нам, на основании каких статей мы были арестованы, в заключение сказали: «Дальнейшая ваша судьба будет всецело зависеть от того,

как вы себя будете вести дальше, какие дадите показания на предстоящем сейчас вам допросе».

После этого нас тут же изолировали друг от друга и начали вызывать поодиночке на допрос, при чем первым вызванным на допрос с другими, еще не бывшими на допросе, уже не позволяли видеться, уводя их немедленно в свои камеры.

У нас была мысль отказаться всем от показаний, но, говоря об этом между собой перед допросом, мы каким-то образом окончательного решения по этому поводу не приняли. Поговорили как-то мельком об этом и только. Почему это произошло, потому ли что не успели, или еще почему,— теперь уже не помню, но поэтому у нас здесь получилась порядочная неорганизованность. Наше поведение на допросе было без единого общего плана. Каждый был предоставлен самому себе и вел себя на допросе так, как ему подсказывала его собственная совесть и как он сам считал наиболее правильным. Поэтому в показаниях наших (как это позднее выяснилось) хотя большой пестроты и не получилось, но была допущена та большая ошибка, что на эти показания вообще мы пошли и вследствие этого сразу же стали на ложный путь, который только затруднял и осложнял наше положение.

Показания из нас пятерых давали четверо: Бадаев, Петровский, Шагов и Самойлов. На главные вопросы о виновности в предъявленном нами обвинении все отвечали отрицательно. Этот первый допрос был краток. На нем нам были поставлены только главные основные вопросы обвинения, и ответить на них отрицательно было нетрудно, но самый путь ответов на вопросы следователя был нехорош, ибо в дальнейшем он обязывал на всех предстоящих допросах к длинным разговорам, совершенно для нас ненужным и крайне невыгодным со всех точек зрения. Поэтому наиболее правильно поступил пятый из нас, депутатов, М. К. Муранов, который отказался от дачи показаний, решительно заявив следователю, что он считает свой арест незаконным и ни на какие вопросы отвечать ему не будет. Как следователь ни бился, он так-таки никаких показаний от товарища Муранова и не получил. Этим самым тов. Муранов и в даль-

нейшем совершенно избавил себя от всяких разговоров с судебным следователем и поставил себя и политически в более выгодное положение.

После этого допроса нам было объявлено, что предъявленное нам обвинение остается в силе и следствие по делу будет продолжаться, а, в виде меры пресечения, мы будем находиться попрежнему под стражей, т.-е. сидеть в одиночной тюрьме вплоть до окончания следствия и суда.

По возвращении в свою камеру, шагая из угла в угол и продолжая рассуждать о нашем положении, я приходил к выводу, что если там, за стенами тюрьмы, ничего особенного в ближайшее время не произойдет, если наши избиратели-рабочие не предпримут тех или иных решительных мер против совершающегося над нами насилия, то, несомненно, нам придется туго. Кара предстоит жестокая, тюремную жизнь придется испытать довольно основательно, если не будет чего-либо еще худшего [1])...

---

[1]) См. „Тов. Зиновьев об аресте РСДР Фракции“ (приложение № 1).

IV.

ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ И МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ.

Эти мысли создали неважное настроение, но, с другой стороны, мысль о том, что капиталистический мир переживает небывалую еще по своим размерам в истории человечества кровопролитную войну и что виновники ее, враги рабочего класса, рано или поздно должны будут за нее расплатиться, и тогда настанет и «на нашей улице праздник»,—мысль эта вселяла уверенность в близости и неизбежности революции и коренным образом изменяла создавшееся подавленное настроение. Я снова начинал себя чувствовать довольно сносно, и если бы не тревожила мысль о семье и о моей физической слабости, то было бы совсем хорошо. Больше всего меня беспокоило мое очень неважное здоровье. Перед арестом, всего месяца за полтора, я только что приехал из Швейцарии (см. часть III моих «Воспоминаний»), где, несмотря на продолжительное лечение, я поправился не совсем хорошо, а теперь произошла такая резкая перемена в обстановке жизни. Совсем недавно перед тюрьмой были живительный горный воздух Швейцарии, здоровая культурная обстановка, хорошие врачи и т. п., и вдруг все это сменяется мрачной одиночкой тюрьмы, усугубленно тяжелым тюремным режимом, плохой пищей и т. д.,—словом, для меня было совершенно ясно, что такая резкая перемена в жизненной обстановке не может не повлиять на мое здоровье в сторону его ухудшения, и это меня главным образом и тревожило. Не будь этого, будь я физически посильнее, тюрьма не была бы для меня страшна, но делать было нечего, пришлось утешать себя мыслью, что если враги решили с нами так или иначе расправиться, то, может быть, долго возиться с нами не будут, до суда

долго сидеть не заставят, а суд еще неизвестно что сулит, и так далее.

В этот день, часов около восьми, давали какой-то ужин, а после него, приблизительно через час, в коридоре раздался глухой дребезжащий удар колокола; вслед за этим надзиратель, открыв дверное окошечко, крикнул: «Раздевайтесь и ложитесь спать, через десять минут огонь будет погашен», и окошечко закрылось.

Посмотрев на койку еще раз и снова пощупав руками ее матрац и подушку, как и накануне, я раздетым лечь спать не решился и снова лег в пальто и шапке. Почти в ту же минуту в окошечке двери на момент показалась часть лица надзирателя, и огонь погас. В камере воцарилась полная тьма.

На этот раз я заснул довольно скоро, но проснулся еще до рассвета, и, как и в первый раз, первая мысль о тюрьме чем-то горячим обожгла мозг и сердце, отчего по коже пробежали мурашки. Полежал несколько минут, размышляя над вопросом о том, что делается теперь на воле, не шумит ли уже, как бурное море, рабочая масса, разбуженная, возмущенная и вызванная снова на улицу нашим арестом, или же она все еще молчит, но тогда—сколько же еще времени она будет молчать, где же предел ее долготерпению? Но ответом были тишина стен и мрак камеры, которые казалось хранили в себе какую-то большую неведомую тайну. Встал, как был, одетый и молча зашагал по камере. Так прошло много времени, а сколько,—неизвестно. Часов не было. Жизнь была «без часов».

Стекла помещенного под потолком окна стали голубовато-серыми, и от них медленно и скупо полился в камеру серовато-синий полусвет. Скоро из коридора начали доноситься неясные, глухие шорохи, стуки и, как отдаленное эхо, очень заглушенные толстыми тюремными стенами людские голоса. Это были первые звуки пробуждения тюрьмы.

Разделся и умылся ледяной водой из водопровода. В камере воцарялся уже обычный дневной полумрак. Скоро в коридоре послышалось вчерашнее: «Кипяток! кипяток!», и тюремный день начался.

Перед обедом в камеру явился надзиратель и повел меня

в тюремную амбулаторию. Там я встретил тов. Муранова, перекинулись парой слов. Нас осмотрел врач, взвесил на весах, и снова увели каждого в свою камеру. И потянулись длинные скучные дни тюремного одиночества, похожие в подавляющем большинстве своем, как две капли воды, один на другой. Вначале было скучно, главным образом от полного безделья: не было ни книг, ни бумаги, ни карандаша, и потому можно было заниматься только бесконечным хождением из угла в угол по камере, с головой, полной всевозможными мыслями.

День на третий или четвертый с момента ареста позвал надзирателя, оказавшегося молодым, еще малоопытным парнем, и, узнав от него порядок получения книг и письменных принадлежностей, я выписал тетрадку, карандаш, чернила и почтовую бумагу с конвертами, затем спросил каталог тюремной библиотеки, чтобы выписать что-нибудь для чтения. Надзиратель ушел за каталогом и, вернувшись через несколько минут, сказал:

— Каталога сейчас нет, он на руках у кого-то из заключенных, но я вам принесу книгу без каталога, вам ведь нужны книги политические, я вот вам их и принесу,— говорил он наивно.

— А почему вы знаете,—спрашиваю я,—какие мне нужны книги?

— Потому что вы—политик, и я знаю уж, какие вам нужны книги.

— Ну, а какие же вы думаете мне принести?—спрашиваю я дальше.

— Хорошие,—вот увидите,—отвечает он.

— Ну, давайте,—говорю я.

Надзиратель уходит, через несколько минут возвращается и, подавая мне довольно объемистую, в простом коленкоровом переплете, книжку, говорит:

— Вот, пожалуйте, очень хорошая политическая книжка. Читайте, а когда прочитаете, принесу еще.

Я взял книжку и прочитал в заголовке «Вестник Европы» за 18... год.

— Хорошо,—говорю надзирателю,—только вы все-таки принесите мне каталог.

— Как только он освободится, так и принесу,—говорит он и уходит.

Усевшись за столик после ухода надзирателя и раскрыв книгу, я быстро убедился, что днем в камере читать почти невозможно,—свет в ней был так слаб, что уже через минуту после чтения глазам становилось больно. Тогда я подошел к передней стене и, прислонившись к ней спиной, поднял в руках по направлению к окну раскрытую книгу, попробовал читать так и тотчас убедился, что так читать можно, глаза видят недурно, зато очень скоро начинали уставать руки; поэтому в конце концов все же становилось ясным, что в моей камере сносно читать было возможно только вечерами, когда горит электричество. Это обстоятельство меня неприятно поразило. Сидение целыми днями в одиночке без чтения сильно усугубляло одиночество, но делать было нечего,—приходилось мириться с необходимостью и читать днем как можно меньше, щадя глаза и руки.

Еще дня через два получил прошнурованную, с тюремной сургучной печатью тетрадку, пару листов почтовой бумаги с конвертами к ним, карандаш и чернила.

Быстро написал письма близким и одну телеграмму домой и сдал их надзирателю. Потом, под влиянием гнетущей скуки от безделья и одиночества, занялся некоторого рода литературными опытами и в первое же время о первых тюремных впечатлениях написал следующее стихотворение:

КАМЕРА № 142.

Вот закрылась дверь тюремная,
Звук засова прогремел,
Одиночка полутемная
Мне досталася в удел.

Осмотрелся,—стены серые
Смотрят сумрачно кругом,
Стекла точно закоптелые
У окна под потолком.

Обстановка—три предметика,
Все железные они:
Койка, стол и табуреточка,
Все приделаны к стене.

И к осмотру в довершение
Оказалось, что в длину
Шесть шагов лишь помещение
И четыре в ширину.

Жуткий холод в душу ринулся,
Думы тучкою взвились,
И едва я с места двинулся,
Как они уж понеслись...

Перспектива одиночества,
Годы целые в тюрьме,
В виде мрачного пророчества
Встала мысленно в уме

За стремленье наше честное
Разогнать неволи тьму...
Дело старое, известное...
Знал и прежде я тюрьму.

Потянулись дни тюремные.
За бывалую вину.
Вековые силы темные,
Снова я у вас в плену...

Так шли дни за днями, и мне казалось, что они шли так медленно, как никогда еще во всей моей жизни. Тюрьму я испытал несколько раз еще раньше, до этого ареста. Поэтому новостью она для меня не была. Но такой строгой изоляции от всего остального внетюремного мира, как в этот раз, я еще никогда не испытывал. Во время моих прежних арестов, хотя и не без труда, но все же можно было так или иначе сноситься с внешним миром и с товарищами по заключению, а теперь, благодаря еще невиданной мною строгости надзора тюремщиков, я был совершенно оторван как от всего внешнего мира, так и от товарищей по заключению и изо дня в день видел только стены камеры да изредка угрюмо-молчаливые лица тюремных надзирателей, с которыми могли быть только очень краткие деловые разговоры, да и то лишь в самых необходимых случаях.

Вся тяжесть этой обстановки сильно давала себя чувствовать и все время заставляла работать мозг в направлении подыскивания тех или иных способов смягчения этой обстановки. В первую голову сильнее всего было желание так или иначе снестись с внешним миром или хотя бы с кем-нибудь из товарищей по заключению, и тут можно было прибегнуть к перестукиванию через стену или через трубу отопления.

Этот способ я знал уже во время моих прежних арестов и пользовался им, но за него тюремная администрация строго преследовала, поэтому с ним была нужна очень большая осторожность, а постучать соседу по камере очень хотелось, но мысль, не подсажен ли в соседнюю камеру шпик (что практиковалось тогда часто), вначале заставляла меня от этого воздерживаться.

Но вот однажды вечером я самым неожиданным образом раздавшимся извне стуком был втянут в это дело. Застучали по трубе отопления, я подошел и, прислушиваясь к разговору-стуку, к моему немалому удивлению, узнал, что двое моих верхних соседей по заключению вели беседу о нашем деле. Речь шла об отобранных у нас при обыске тезисах

Владимира Ильича Ленина о войне. Из этого я делал вывод, что разговор идет между двумя моими товарищами по делу, и я решил узнать, кто они. Когда стук наверху прекратился, я постучал о трубу:

— Кто вы?

И получился ответ:

— Каменев.

— А с кем вы только что говорили?—спрашиваю я дальше.

— С Петровским,— получается ответ.

Дальше выяснилось, что тов. Л. Б. Каменев сидел на 4-м этаже, как раз надо мной, а Петровский на 5-м этаже, над Каменевым.

Это открытие было для меня чрезвычайно приятно, так как давало возможность от времени до времени «перестукнуться» с близкими товарищами несколькими словами, и оно создало у меня хорошее настроение. Но в этот раз я успел с тов. Каменевым обменяться еще лишь несколькими словами. Так, помню, я его спросил, как он думает, что нас ожидает? И он ответил, что, по его мнению, «вероятно, ссылка на поселение». А дальше тов. Каменев вдруг перестал отвечать мне, и надо мной в его камере послышался какой-то глухой шум. С минуту я недоумевал, в чем дело, но потом сообразил, что тов. Каменева на стуке поймал надзиратель. По этому поводу и происходил шум в его камере, и я стук немедленно прекратил.

После этого в разное время я пробовал еще несколько раз стучать тов. Каменеву, но ответа все не было, и, решив, что тов. Каменева перевели куда-нибудь в другое место, в дальнейшем я, наконец, прекратил совсем эти попытки и, несколько успокоившись, уже почти совсем потерял всякую надежду на какие бы то ни было сношения с внешним миром и снова начал убивать время в разных размышлениях и в бесконечном шагании из угла в угол по камере, если не считать небольшого чтения по вечерам, да еще одного маленького развлечения—кормления голубей. Правда, последнее не всегда было приятно ввиду того, что, несмотря на свой чрезвычайно безобидно-невинный вид, эти «птицы небесные» из-за всякой брошенной им крошки хлеба так от-

чаянно между собой дрались, что видеть это порой становилось крайне неприятно.

О разговоре путем перестукивания после описанной выше неудачи я почти совсем забыл. Но однажды, лежа с книгой на койке, я вдруг совершенно неожиданно услышал стук соседа с левой стороны. Тогда я вынимаю из кармана азбуку, прислушиваюсь и разбираю слова:

— Кто вы?

Забыв осторожность, быстро отвечаю:

— Рабочий депутат, член государственной думы.

— Политический?—снова спрашивает сосед.

— Да,—отвечаю я.

— За что сидите?—слышится дальше.

Стараясь быть кратким, я объясняю и, в свою очередь, об этом же спрашиваю собеседника. Он отвечает:

— За растрату пятисот рублей казенных денег.

— Давно?—спрашиваю дальше.

— Уже год,—получился ответ.

Дальше он сказал, что я неправильно стучу, потому что не вполне точно знаю азбуку перестукивания, и что ее он мне как-нибудь постарается передать во время прогулки.

Я так увлекся этой беседой с соседом, что окончательно потерял всякую осторожность и, должно быть, уже начал стучать слишком громко. И вот в самый, так сказать, разгар этого занятия, совершенно для меня неожиданно, со звоном и грохотом открывается дверь моей камеры, и передо мной у койки появляется с грозным выражением лица фигура надзирателя. Я моментально скомкиваю маленький листочек бумаги с написанной на нем азбукой перестукивания и незаметно для надзирателя бросаю его под койку, а последний быстро берет у меня из рук книгу, начинает ее трясти и перелистывать и, не найдя в ней ничего, наконец, спрашивает:

— Где азбука?

— Какая?—отвечаю я, делая вид, что я ничего не знаю.

— А та, по которой вы сейчас перестукивались с соседом?

— У меня нет азбуки,—говорю я.

— Как нет, сейчас была у вас в руках,—продолжает он.

— Так и нет. Ищите, если не верите,—говорю я снова.

— Ну, хорошо,—говорит он,—на этот раз ладно, я смол-

чу, а если это повторится, буду докладывать начальнику тюрьмы, тогда будете за это отвечать,—имейте в виду!—потому что это строго запрещено и за это сажают в карцер. На своего соседа вы не смотрите: пускай он хоть колотится о стенку головой, а вы ему не отвечайте,—тогда будет все хорошо; а если будете стучать, вам же будет хуже.

С этими словами он быстро вышел из камеры и снова запер ее.

После этой истории я решил воздержаться на некоторое время от бесед с соседом, тем более, что он был уголовный и большого интереса для меня не представлял. Поэтому на одну-две его попытки вновь со мной заговорить я не ответил.

А время продолжало тянуться так медленно, что прошедшая первая неделя в одиночке показалась длинной, как никогда в жизни. А желание получить хотя какую-нибудь весточку с воли было очень сильное. Но время шло и шло, а вестей никаких не было и не было.

Но вот однажды (это было, кажется, недели через две после ареста) я получил несколько штук белья и открытку. Белье бросил на койку и с жадностью впился глазами в открытку. Писала А. А. Бадаева, жена А. Е. Бадаева. Она сообщала, что посылает мне белье, и справлялась о моем здоровье и самочувствии и только. О нашем деле, по понятным причинам, в открытке не было ни слова. Поэтому письмо это никакого интереса как будто и не представляло, тем не менее самый уже факт этой маленькой связи с волей произвел на мою психику хорошее действие и на некоторое время улучшил мое настроение.

Прошло несколько дней, и у меня снова выросло желание во что бы то ни стало заговорить с соседом и, во избежание повторения прежней истории, я уже придумывал разные способы предосторожности на этот счет. Но в это время неожиданно открылась камера и вошедший надзиратель сказал:

— Ну, г. Самойлов, собирайтесь, забирайте все ваши вещи, кроме казенных, и пойдемте.

— Куда же?—спрашиваю я.

— Пойдемте, там увидите,—отвечает надзиратель.

Недоумевая, в чем дело, я забираю свои вещи, мы с надзирателем выходим из камеры, он запирает ее, и довольно

долго мы идем мимо длинного ряда одиночек и, наконец, останавливаемся у камеры № 172. Надзиратель говорит: «здесь», затем быстро отпирает дверь, и мы входим в камеру. «Вот вам новая камера, чистая, светлая и веселая, в ней вам будет лучше и удобнее, и, если будете вести себя покойно, останетесь в ней на все время»,—говорит надзиратель. После этого он быстро уходит и запирает камеру.

Оставшись один и осмотрев камеру, я пришел к выводу, что, в сравнении с первой камерой, эта оказалась гораздо более удобной, светлой, чистой и даже «уютной». Окно ее выходит прямо на широкий тюремный двор, и в него виднеется кусочек голубого неба. Потолок вместо серого белый. У двери стена выступала каким-то углом вперед, и между этим выступом и передней стеной помещалась койка.

Эта неожиданная перемена в сторону улучшения обстановки в первое время произвела на меня хорошее впечатление. Перспектива возможности целый день читать, писать и видеть небо, а иногда и солнце, создала у меня недурное настроение и, шагая по камере под этим впечатлением в продолжение первых нескольких дней, я чувствовал себя великолепно и с увлечением читал и писал.

Но одиночная тюрьма, как таковая, несмотря ни на что, скоро снова дает себя чувствовать. Гнет одиночества бьет по нервам. Все сильнее становится желание говорить. Потребность убить время продолжает усиливаться чем дальше, тем все больше и больше.

Не курил уже несколько лет, и не хочется снова приниматься за курение. Но как быть с нестерпимо-тихо идущими часами, днями, неделями! Решил курить. Выписаны и получены хорошие папиросы. Раскупориваю коробку и закуриваю. Первая папироса с непривычки действует сильно и сразу изменяет настроение в лучшую сторону. За первой скоро идет вторая, потом третья и т. д... Иногда покруживается голова, но в общем настроение как будто улучшается, и скоро курение входит в привычку. Но скоро же начинаю чувствовать его вредное влияние на организм, оно действует ослабляюще, я стараюсь курить реже, и настроение снова начинает ухудшаться. Снова неудержимо хочется так или иначе снестись с внешним миром.

И вот однажды утром я не выдержал и постучал по трубе соседям (верхнему или нижнему,—все равно, кто бы ни ответил). У меня завязался разговор с верхним соседом, и здесь, как и в первой камере, по счастливой случайности, сосед оказался своим товарищем—студентом петроградского университета, одним из тех, которые были арестованы за участие в организации протеста (который имел тогда место в петроградском университете) против нашего ареста. К сожалению, я сейчас не помню его фамилии.

Эта удача принесла мне немалое удовольствие. Соблюдая всевозможные меры предосторожности, при помощи стука мы с соседом с этого момента ежедневно повели краткие беседы на разные темы. По утрам в первую голову мы приветствовали друг друга с добрым утром, затем справлялись о самочувствии друг друга и перекидывались еще несколькими словами. Он был арестован на много дней позднее нас, депутатов. Поэтому сообщил мне кое-что такое, что для меня было новостью. Так, он рассказал мне, как они, студенты, в петроградском университете организовали митинг протеста против нашего ареста и как их, порядочную группу организаторов и участников этого дела, переарестовали по квартирам и т. д. Затем он передал мне содержание правительственного сообщения по поводу нашего ареста, напечатанного тогда в газетах через несколько дней после нашего ареста, и еще кое-какие новости.

В дальнейшем мы уговорились ежедневно видеть друг друга. Для этого мы решили проделывать следующее: когда мой сосед идет на прогулку, он сообщает мне об этом тремя ударами по трубе; это означало, что после этого минуты через две я должен был встать на стул уборной, ухватиться за решетку окна и смотреть во двор в прогулочные треугольники, а он, как только попадал в треугольник, должен был, повернувшись в сторону наших камер, поднести к глазам носовой платок. Это был условный знак, по которому я его узнавал. То же самое проделывал он в камере, а я в треугольнике, когда на прогулку выходил я.

Несмотря на всю строгость надзора, эти наши сношения по трубе и «свидания через окна», благодаря нашей особой осторожности, продолжались довольно долгое время. Как ни

трудны были способы наших сношений, все же они сильно смягчали нам одиночное заключение и в нашем положении были большим для нас плюсом. Но особая бдительность тюремщиков скоро все же положила этому предел.

Однажды, держась за решетку окна, я смотрел на гулявшего в одном из треугольников моего товарища. Вдруг дверь моей камеры внезапно открылась, и вошел старший по отделению надзиратель.

— Г. Самойлов, в окно смотреть не разрешается, отойдите от окна, а то вон этот старик-надзиратель (старший надзиратель, находившийся на дворе во время прогулок) увидит,—будет и вам и мне большая неприятность.

Я отошел от окна, и надзиратель вышел из камеры, а через минуту в коридоре действительно старший прогулочный надзиратель уже что-то кричал на надзирателей по поводу того, что заключенные смотрят в окна, что надзиратели плохо за ними следят, и т. д.

Об этом в этот же день я сообщил своему товарищу, и мы на-время наши «свидания через окна» прекратили, но переговариваться при помощи стука по трубе изредка продолжали, и это продолжало нам сходить благополучно.

Но вот однажды с правой стороны мне постучал сосед. Он спрашивал, нет ли у меня покурить. Я имел папиросы и собирался уже ответить соседу, что у меня они имеются, но не знаю, каким способом ему их передать. Но едва я стукнул два-три раза в стенку, как открылась дверь камеры и вошел надзиратель.

— Г. Самойлов, пожалуйста, прекратите стук,—это строго запрещено, и если узнает начальник тюрьмы, то будет большая неприятность.

— А откуда вы знаете, что я стучу?—спрашиваю я его.

— Я слышал, г. Самойлов. Вам дали хорошую светлую камеру, и дорожили бы ей, а то ведь могут перевести в плохую, если будете стучать.

— Ну, ладно, ладно, не читайте мне ваших нравоучений,—говорю я.

— Я не читаю, а только говорю, что стучать нельзя, и предупреждаю вас, что из этого могут выйти большие для вас неприятности,—отвечает надзиратель.

— Ну, хорошо, хорошо,— говорю я, и надзиратель уходит.

После этого случая я порядочное время не стучал, да и мой верхний товарищ тоже почему-то молчал. Это последнее было для меня непонятно, и меня сильно интересовал вопрос, что это значило. Наконец, я не выдержал и постучал товарищу, почему он молчит, но ответа не последовало. Я снова постучал, ответа снова не было. Предполагая, что товарища почему-либо временно нет в камере, я стук прекратил, и через несколько часов снова постучал, но ответа снова не было и на этот раз. Потом я стучал на другой день и также безрезультатно. Решив, что товарищ совсем выбыл из камеры, я прекратил стук.

Стало скучнее, и, чтобы избежать упадочных настроений, я решил возобновить свои литературные опыты.

Был конец ноября. На воле в это время стояли холодные зимние дни, в форточку окна, проносясь над тюрьмой, сердито постукивал резкий холодный ветер и, заглядывая иногда сквозь открытую на минутку форточку в камеру, быстро облетал все углы и с закрытием форточки как бы снова уносился обратно. А в моем воображении почему-то рисовались летние картины зеленых полей, лесов, рек, лугов... И в душе от этого рождалось непреодолимое желание вырваться из своей тесной каменной клетки, чтобы очутиться среди этих манящих к себе картин вольной природы. Под влиянием создавшегося настроения я написал тогда следующее сохранившееся в моем архиве стихотворение:

В ОДИНОЧКЕ.

Я сегодня уже был не одинок,
Залетел ко мне в окошко ветерок.
Закружился он, забился по углам,
Как порхает там, на воле, по полям.
В одиночку гул заводов он принес,
Запах поля, шум лесов и влагу рос.
Я приятную беседу с ним имел.
Он поведал мне о воле, как умел,
Рассказал он, как от солнечных лучей
Ярко блещет жизнерадостный ручей
И бежит, бежит средь зелени лугов,
Извиваясь меж цветущих берегов.

Рассказал он про степные ширь и гладь,
Где он любит на просторе погулять,
Где пестреют травы бархатным ковром,
Колосятся нивы зрелые кругом.
Как, волнуясь, шелестят они под ним,
Когда, резвясь, пробегает он по ним.
Как на фабриках, заводах, рудниках
С челноком, с киркой да с молотом в руках
Ткут полóтна, роют уголь, сталь куют
И под взмахи песни вольные поют.
Как гуляет он над безднами морей,
Волны бурные вздымая средь зыбей,
Разбивая о прибрежные скалы
Голубые белогривые валы.
Рассказал и про тенистые леса,
Что вершинами уходят в небеса,—
Что и в них он шутки вольные творит
И нередко дубы мощные валит;
Что везде, где льются реки и ручьи,
Уж поют в зеленой чаще соловьи.
Говорил он и о небе голубом,
Что раскинулось лазоревым шатром,
И, лаская взоры нежной синевой,
Порождает грезы светлые собой.
Под конец сказал, что солнышка лучи
Ослепительно ярки и горячи.
Золотым дождем в безоблачные дни
Щедро льются с неба ясного они.
Обо многом я спросить еще хотел,
Но мой гостик уж вспорхнул и полетел.
Лишь одно успел сказать ему во след:
„Передай ты вольной волюшке привет,
Голубому небу ясному,
Ручейкам и солнцу красному,
Лесу темному, тенистому,
Соловейке голосистому,
Степи, полюшку привольному,
Морю синему раздольному.
Еще к братьям на заводы ты слетай,
Им особенный привет мой передай.
Расскажи им про неволюшку-тюрьму,
Что сидеть в ней тяжеленько одному,
Что работать с ними хочется и мне,
Но... решетка очень крепкая в окне...
Да почаще залетай ты дорогой,—
В одиночке веселее мне с тобой“.

* *
*

Улетел он на простор своих степей,
И вокруг меня все тот же звон цепей,
Те же стены и с решеткою окно,
И опять в душе тоскливо и темно.
Посетила меня яркая мечта,
Увлекла ее шальная красота,
От ее неотразимых властных чар
Запылал в груди измученной пожар.
Целый день горел, лишь к вечеру утих,
И в огне его родился этот стих...

Декабрь 1914 года.

Петроградская одиночная тюрьма.

Времени прошло уже около месяца, а наше положение продолжало оставаться неясным. За все это время никакие свидания ни с кем не разрешались, и эта особая строгость изоляции становилась уж особенно тяжела. Поэтому, чтобы хотя несколько поразнообразить тяжелые будни одиночества, приходилось прибегать почти ко всему, что только представлялось возможным. Когда однажды надзиратель спросил, не желаете ли пойти в церковь, я пошел, но—увы!—как и в прогулках, в этом меня постигло такое же разочарование.

В церкви я был заперт в какой-то ящик, шага два в ширину, три в длину и аршина три в вышину. Задняя и обе боковые стенки ящика были глухие, без каких бы то ни было отверстий, и только в передней стене виднелось отверстие, в виде очень маленького с железной решеткой окошечка, через которое вдали у алтаря виден был только маленький кусочек какой-то иконы да порой мелькал краешек блестящей парчевой ризы попа, и больше ничего не было видно из моего ящика, похожего на стойло лошади, или на «конюшню», как его называли в тюрьме.

Постояв некоторое время в этой конюшне, я вернулся в свою камеру, как говорится в пословице, «не солоно хлебавши».

Вначале долгое время не брился, не зная, что есть парикмахерская, и сильно оброс. Когда же однажды надзиратель спросил: «Не желаете ли пойти в парикмахерскую?»,—

поняв, что таковая в тюрьме есть, я ответил: «Да, желаю». И надзиратель, выпустив меня из камеры, повел в парикмахерскую.

Оказалось, что это—одна из обычных одиночных камер, но с зеркалом и со всеми другими принадлежностями парикмахерской.

Когда я вошел в парикмахерскую, кроме одетого в обычный белый халат молодого парня—парикмахера и еще одного надзирателя, никого не было.

— Здравствуйте,—говорю я.

— Здравствуйте, садитесь!—отвечает парикмахер.

Я сел.

— Побриться и постричься?—спрашивает он.

— Да,—отвечаю я.

И парикмахер взялся за работу.

По наружности он производил впечатление недурное, и я решил перекинуться с ним несколькими словами. Первый мой вопрос был, есть ли у меня седые волосы или еще нет.

— Да не видно,—отвечает он.

— А я полагал, что должны быть. Давно уже я не видал себя в зеркале и не знал об этом точно,—продолжал я начатый разговор.

— А вы, ведь, кажется, недавно еще сидите?—спрашивает он.

Я сказал, сколько времени нахожусь в тюрьме.

— Ну,—говорит он,—это еще очень мало. Вот когда посидите еще годика два, тогда, наверное, и седые волосы появятся.

В дальнейшем разговоре выяснилось, что и парикмахер тоже из заключенных и сидит уже давно по какому-то уголовному делу. Стоявший у двери надзиратель разговору не мешал, и я, решив перевести разговор на более серьезную тему, спросил парикмахера, а что слышно с воли, есть ли там какие новости.

— Там все спокойно, никаких волнений нигде нет, настроение патриотическое, и ваша выходка прошла незаметно,—отвечает он с какой-то иронией в голосе.

— Какая выходка?—спрашиваю я, сразу чувствуя, что мной овладевает злоба.

— А ваше выступление и агитация против войны и правительства,—отвечает он.

— Откуда вы это знаете?—задаю я снова вопрос, продолжая все сильнее волноваться.

— Знаю я, очень хорошо знаю. Вот выкинули выходку, а теперь и расплачиваетесь за нее,—говорит он снова, переглядываясь насмешливо с надзирателем.

— Ничего вы не знаете и ничего в этом деле не понимаете,—резко обрываю я его, чувствуя, что он из враждебного нам лагеря, и прекращаю совершенно с ним всякие разговоры.

По возвращении в камеру мне стало особенно скучно, и я постучал соседу с левой стороны. Оказался политический, осужден по 129 статье (за противоправительственную агитацию) на три года в крепость, сидит уже $1^1/_2$ года. На вопросы, как здоровье, как переносит заключение, отвечал, что «на здоровье не жалуется, к тюремной обстановке привык и переносит ее легко».

Вот это хорошо,—подумал я,—надо привыкнуть к условиям тюрьмы и не замечать всей их тяжести. Но сколько нужно времени, чтобы к ним привыкнуть, и сколько нужно истратить на это сил, а сил мало. Однако надо постараться последовать примеру товарища-соседа как можно скорее; это необходимо, ибо другого выхода из положения нет.

V.

ЗАПИСКА ПЕТРОВСКОМУ. — ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ С ЖЕНОЙ. — БОЛЕЗНЬ.—СОЖИТЕЛЬ ПО КАМЕРЕ.

Однажды утром после чаю, когда я по установившемуся уже обычаю медленно шагал по камере, вдруг с легким стуком открылось дверное окошечко и чей-то негромкий голос сказал: «Приготовьте записку Петровскому», и окошечко быстро закрылось.

Решив, что это—один из обслуживающих одиночные камеры краткосрочных уголовных, через которых обычно удается завязать связь с товарищами по заключению, я быстро достал кусочек бумаги (от чайной обертки), написал карандашом записку Г. И. Петровскому, положил ее в карман жилета и в ожидании «вестового» снова зашагал по камере. Прошло около часа времени, все было тихо, окошечко в двери не открывалось, и никто за запиской не являлся. В голове создавалось предположение, что записку, может быть, удастся передать во время прогулки. Но в это время вдруг загремел замок, открылась дверь, и в камеру вошел надзиратель.

— Ну, г. Самойлов,—сказал он,—выкладывайте все из ваших карманов на стол и пойдемте.

— Куда?—спрашиваю я.

— На свидание,—отвечает он.

— Ага,—думаю я,—наконец-то, что-нибудь узнаю о своей дальнейшей судьбе,—и начинаю выкладывать все, имевшееся у меня в карманах.

Надзиратель мне «помогает» и, вытаскивая у меня из карманов бумажки, спички, карандаш и т. д., он вытащил и мою записку к Петровскому и вместе со всем остальным положил ее на столик.

В записке ничего особенного написано не было. В ней я справлялся у Петровского о его здоровьи и спрашивал, что ему известно о нашем деле,—и только, но самый факт переписки в случае, если бы он стал известен администрации тюрьмы, мог вызвать еще большее усиление изоляции и надзора. Поэтому, отправляясь на свидание, я имел основание опасаться, как бы моя записка не попала в руки тюремщиков. Но делать было нечего, скрыть от надзирателя записку было невозможно, и она осталась на столике.

Выйдя из камеры вместе с надзирателем, я долгое время шел разными тюремными коридорами и, придя в какой-то большой,—должно быть, главный—коридор, я был передан двум солдатам.

Солдаты вынули из ножен свои шашки, подняли их над головами, стали один впереди, другой сзади меня и, скомандовав: «шагом марш», в таком порядке повели меня через новый ряд длинных коридоров в здание окружного суда к судебному следователю по особо важным делам Машкевичу.

Когда меня ввели в камеру этого следователя, я увидал жену. Она сидела у стола, а против нее с другой стороны стола сидел сам Машкевич.

— Вы—Самойлов?—спросил меня Машкевич.

— Да,—ответил я.

— Вам разрешено свидание, можете садиться сюда к столу и беседовать с вашей женой так, чтобы я вас мог слышать, при чем разговор может итти только о семейных делах, а вашего судебного дела ни в какой мере касаться не должен,—добавил Машкевич.

В 20-минутной беседе от жены я узнал, что на воле все спокойно, но что был момент, когда было не очень спокойно,—это в первые дни после нашего ареста, когда в некоторых петроградских газетах было напечатано, что, по имеющимся сведениям, мы, депутаты, и все остальные арестованные вместе с нами товарищи предаемся военному суду, что поэтому нам угрожает очень короткая расправа, и так далее.

После появления этого известия в газетах, в рабочих кругах и некоторой части учащейся молодежи были волне-

ния, и наши близкие товарищи и родственники пережили немало тяжелых часов, но потом «выяснилось», что это сообщение газет было «неосновательно».

— Вас хотели предать полевому суду,—волнуясь, сообщала мне жена.

— Ну, уж и полевому!—вмешиваясь в наш разговор, возразил Машкевич.—Это—только пустые слухи. Однако прошу дела вашего не касаться, иначе я лишу вас свидания,—добавил Машкевич.

И дальше о нашем деле выяснить ничего уже не удалось.

Свидание кончилось, и я под конвоем тех же солдат с обнаженными шашками в том же порядке был доставлен обратно в тюрьму, сдан надзирателю и прибыл в свою камеру.

После этого путешествия «со свечками», как оно называлось на тюремном жаргоне, очутившись снова в своей камере, я понял, что в нашем деле был уже «кризис» и как будто он уже «благополучно» для нас миновал. Я соображал, что газетные сведения о предстоявшей якобы жестокой с нами расправе были инспирированы правящими верхами, чтобы узнать, как на это будут реагировать рабочие, и получилась картина, не обещавшая в случае, если бы эта расправа последовала, для правительства ничего хорошего, и тогда был дан отбой.

Шагая по камере с такими мыслями, я делал вывод, что очень хорошо, что сведения об этом дошли до меня после того, как эти нависшие было над нами грозовые тучи уже в значительной степени рассеялись. Поэтому никаких тяжелых переживаний мне испытать не пришлось. Но у меня вставал вопрос, было ли известно об этом остальным товарищам, моим сопроцессникам, и, учитывая всю строгость нашей изоляции, вследствие которой не удавалось получать с воли никаких сведений, я делал предположения, что и всем остальным ничего известно не было. Впоследствии оказалось, что я ошибался, но об этом речь будет ниже.

Занятый всеми этими мыслями, я совершенно забыл об оставленной мною на столике перед уходом на свидание записке Петровскому, и только когда я обдумал все выплывшие благодаря свиданию вопросы и несколько отделался

вообще от всех впечатлений, полученных от этого свидания, я вспомнил, наконец, про записку Петровскому и, подойдя к столику, к немалому моему удивлению, увидал ее на столике, вместе с карандашом, несколькими перьями и некоторыми другими предметами, совершенно нетронутой, в том же виде, в каком она была оставлена мной, когда я уходил на свидание.

Было очевидно, что ни у кого из тюремщиков в руках записка не побывала. «Что это значит?—задал я себе вопрос.—Хитрость, халатность или же своего рода «благородство», порядочность моих охранителей?» И, придя к выводу, что это скорее всего хитрость, проделанная с целью заслужить с моей стороны некоторое доверие, чтобы легче было меня ловить в подобного рода вещах, решил быть более осторожным. Тем не менее, записку я взял в надежде, что, может быть, ее еще удастся как-нибудь передать по назначению, но, проносив записку еще несколько дней в жилетном кармане, я убедился, что ее передать не удастся, и уничтожил ее.

Хорошее впечатление от перевода в светлую камеру с течением времени незаметно рассеялось, не оставив и следа, и тюрьма, хотя и светлая, снова уже казалась только тюрьмой, и я считал сначала дни, потом недели, потом уже стал считать месяцы проведенного в тюрьме времени, и чем дальше шло время, тем медленнее, казалось, оно тянулось. Особенно сильно начинало тяготить сознание неопределенности нашего положения. Скоро я стал чувствовать разные недомогания: испортились аппетит и сон, появились мигрени, сильно ухудшилось состояние нервной системы и прочее, появились припадки сильного сердцебиения по ночам. Ввиду всего этого я написал заявление Машкевичу, чтобы ко мне в камеру перевели кого-нибудь из товарищей, моих сопроцессников, но в этом было отказано, и старший по отделению надзиратель объяснил мне, что, вероятно, возможно будет перевести ко мне только кого-нибудь из уголовных. Подумав немного, я решил разрешить вопрос в этом духе, и отделенный надзиратель (считавшийся «хорошим») взялся подыскать мне наиболее «порядочного» человека из уголовных.

На мое второе заявление о переводе ко мне в камеру подходящего человека из уголовных получился удовлетворительный ответ. Но прошло немало времени, а человека мне все не давали. Между тем состояние здоровья моего все ухудшалось, и я по ночам уже боялся очутиться в беспомощном положении, если случится особенно сильный сердечный припадок (которые к этому времени продолжали усиливаться). На мой вопрос старшему надзирателю, почему долго нет человека, последний ответил:

— Никак не могу найти подходящего: тут сидят такие уголовные, которые на людей не похожи, озорники, хулиганы и безобразники, такие, что если перевести к вам кого-нибудь из них, то сами не рады будете. Вы уже еще немного подождите, тогда я вам найду порядочного человека.

Я согласился с его доводами и стал терпеливо ждать.

Прошло еще несколько дней. Однажды после утреннего чая открылась дверь камеры, и вошел старший надзиратель, а с ним среднего роста крепко сложенный седой человек, на вид лет пятидесяти.

— Ну, г. Самойлов, вот привел вам сожителя. Думаю, что будет человек подходящий, во всяком случае лучшего, чем этот, не нашел,—говорит надзиратель.

— Хорошо,—говорю я надзирателю.

Он уходит и закрывает камеру.

— Как вас звать?—задаю я вопрос вновь прибывшему по уходе надзирателя.

— Иван Степанович,—отвечает он.

— А вас как?—спрашивает он меня в свою очередь.

Я называю себя, мы знакомимся, закуриваем, и между нами начинается длинная беседа, из которой, между прочим, я узнал, что Иван Степанович сидит в тюрьме уже несколько месяцев и обвиняется в соучастии во взломе какого-то магазина и «обвиняется,—по его словам,—совершенно напрасно», потому что во время взлома его и в городе-то не было, что подтвердили и хозяева его квартиры, допрошенные в качестве свидетелей по этому делу. Несмотря на это, он все-таки сидит вместе с настоящими участниками этого дела и ждет суда.

Старик оказался действительно простым, недурным че-

ловеком. Крестьянин по происхождению, он много рассказывал мне о своей деревне; кроме того, он рассказывал мне всевозможные истории и сказки, главным образом из жизни разных атаманов разбойничьих шаек и вообще из быта уголовного мира. И из этого, несмотря на его отрицание виновности в предъявленном ему обвинении, было видно, что он все-таки к уголовному миру имел большое отношение.

Но это меня не касалось. Мечтать о его исправлении было бессмысленно, и я об этом с ним старался говорить меньше.

На его вопросы о нашем деле я пробовал ему отвечать возможно понятно и подробно, объясняя, что такое классовая борьба, политические партии, государственная дума, рабочие депутаты и т. д.

Он соглашался со мной на словах во всем, но для меня было ясно, что он неспособен серьезно разбираться в этих вопросах. Был он очень вежлив и услужлив, всегда старался быть мне полезным, и с ним сидеть было недурно.

Скоро старику дали работу (клеить коробки для папирос), а так как наша камера № 172, ввиду имевшегося в ней особого выступа стены, была несколько меньше других обыкновенных нормальных камер, и для сработанных папиросных коробок помещения в ней было мало, нас скоро перевели в другую камеру на этом же этаже (кажется, № 178). Здесь уже мой старик усиленней принялся за работу, работая беспрерывно с утра до вечера, ежедневно складывая целую гору готовых папиросных коробок и зарабатывая таким образом всего копеек 5—6 в день. (Насколько помню, только $^1/_3$ часть заработка полагалась заключенному работнику, а остальные $^2/_3$ шли в казну.)

Мои недомогания продолжали постепенно усиливаться. Вначале, получая из тюремной библиотеки книги, я читал старику вслух разную беллетристику, и он, слушая во время своей работы мое чтение, был этим очень доволен, да и у меня за чтением время проходило скорее и интереснее, а потом я уже не был в состоянии это делать, потому что от чтения стала кружиться голова. И время снова потянулось скучно и медленно, а здоровье все ухудшалось: головные боли и сердечные припадки по ночам все усиливались.

Поэтому все чаще и чаще приходилось прибегать к помощи тюремного фельдшера.

Фельдшер приносил порошки «фенацетина» и некоторые другие лекарства. Он вечно был пьян и, придя в камеру, нередко справлялся, нет ли покурить или чего-нибудь из съестного, и, получив нужное, делался довольным и старался сказать что-нибудь утешительное, вроде того, что «болезнь у вас цустяковая, вы только не придавайте ей никакого значения, и она пройдет, и дело ваше тоже не страшное, серьезного вам ничего не угрожает, и в конце концов наверное ничего вам и не будет», и т. д. Принося какой-нибудь порошок, он говорил:

— Принимайте, не бойтесь: это совершенно безвредное.

— А польза будет?—задавал ему вопрос иногда мой старик.

— Польза большая будет, очень большая,—отвечал фельдшер, бегая полупьяными глазами по камере и высматривая, чем бы «поживиться».

Когда фельдшер уходил, мы с Иваном Степановичем часто немало шутили над ним. Иногда вместе с фельдшером в камеру приходил один из помощников начальника тюрьмы. При нем фельдшер вел себя иначе, ни в какие разговоры не пускался, давал лекарство, говорил, как его принимать, и скоро уходил. А помощник говорил:

— Нужно точно узнать, отчего у вас болит голова,— тогда только можно будет правильно и лечить ее. Бывает голова болит от сердца, бывает от желудка, от простуды и от разных других причин. У вас, наверное, от нервов.

Иногда хотелось ему на это ответить: не от нервов, а от тюрьмы и от тюремщиков, оттого, что не дают людям жить по-человечески, и т. д. Но головные боли были так сильны, что часто совершенно не было сил что-нибудь сказать.

Однажды, во время одного особенно сильного припадка головной боли, фельдшер, давая мне два порошка «фенацетина», сказал: «Один примите сейчас и, если не поможет, через час примите другой», и ушел. Я так и поступил. Первый мне не помог, но спустя час, когда я принял второй порошок, у меня получился сердечный припадок, да такой

сильный, что мне казалось, что я уж совсем умираю. Снова был вызван фельдшер и дал чего-то, но сердечный припадок прошел еще раньше его прихода. После этого с порошками я стал осторожнее: или не принимал их вовсе, или принимал не более чем по одному порошку во время головной боли.

Состояние моего здоровья все ухудшалось, и скоро я ослаб настолько, что при возвращении с прогулок мне стало очень трудно подниматься в лестницу. Я пошел к врачу и сообщил ему об этом. Осмотрев меня, врач сказал, что он даст распоряжение, чтобы меня перевели этажом ниже (с третьего на второй).

На другой день нас со стариком, действительно, перевели во второй этаж, в камеру № 85, и на прогулки ходить стало немного легче (ходил я один, а старик, по причине отсутствия подметок у его сапог, ходить не мог). Камера оказалась очень плохой, темной и настолько сырой, что со стен постоянно текло, и мои мигрени в ней еще более усилились. Поэтому я снова потребовал врача и, показав ему мокрые стены, заявил, что в этой камере я сидеть не могу. В результате я скоро был переведен в другую камеру, № 62, на этом же этаже. В этой камере было сравнительно светло, а главное—очень тепло и сухо. Пол ее был постоянно теплый и настолько, что можно было ходить разутым. Это произвело на меня хорошее впечатление, в особенности же был доволен мой старик. Как только мы перешли в эту камеру, он сейчас же сбросил свои «без подметок сапоги» и, радуясь теплу, как ребенок весело и быстро начал ходить босыми ногами по теплому асфальтовому полу. В первые дни после перевода в теплую камеру, благодаря произведенному ею хорошему впечатлению, я стал чувствовать себя как будто бы несколько лучше. Но это было только в первые дни. Скоро снова стало худо. И в то время как старик, сидя за столиком, беспрерывно клеил свои коробки для папирос, я целыми днями лежал на койке, а он часто в это время рассказывал мне свои истории и сказки про разных атаманов и разбойничьи шайки, а нередко кое-что рассказывал из разных прочитанных мною ранее книг и я ему. И время таким образом шло довольно сносно.

К этому времени я уже снова не курил, а старик не часто, но покуривал. Поэтому, чтобы освежить от табачного дыма камеру, время от времени я открывал на минутку форточку окна.

— Это хорошо, очень хорошо, чистый воздух нужен, только надо одеваться, а то можно простудиться,—говорил в таких случаях старик.

— Ты одень-ка свое пальто-то, а мне брось вон читальник-то мой,—добавлял он, указывая на лежавшую у меня в ногах на койке до крайней степени заношенную его коротенькую тужурку, которая на уголовном тюремном жаргоне имела почему-то название «читальник». Я бросал ему его «читальник», и старик, накинув его на плечи, продолжал свою работу.

Часто ночью, после того как уже погашено электричество, лежа в постелях, прежде чем уснуть, мы со стариком долгое время вели разные разговоры, и тогда надзиратель в дверное окошечко кричал:

— Почему не спите?

— Не хочется, и не спим,—отвечал ему старик.

— Нужно спать, ночью разговаривать нельзя,—говорил на это надзиратель, и окошечко закрывалось.

После этого мы замолкали, но, лежа на своей койке, я долго еще слышал, как мой старик ворочался с боку на бок, кряхтел, пыхтел и не спал. Иногда я тихо спрашивал его:

— Не спишь, Иван Степанович?

— Нет,—отвечал он.

— Почему же?

— Да мешает петрушка.

— Какая петрушка?—спрашиваю я.

— Да разная: лезет вот в голову да лезет, и не дает спать, и никак сладить с ней не могу.

— А ты попробуй считать до ста и дальше,—советую я.

— Пробовал, не помогает,—говорит он.—В это время снова слышится стук в дверное окошечко, и надзиратель уже в более решительном тоне требует, чтобы мы прекратили разговор, после чего мы снова умолкаем, в камере наступает тишина, и мы постепенно засыпаем.

Время шло медленно и однообразно, и некоторое разнообразие вносили только происходившие два раза в неделю свидания с родными (через решетку), ванны через каждые десять дней и время от времени путешествия «со свечками» на допросы к судебному следователю по особо важным делам Машкевичу.

В ванну водили нас всегда по одному, и как ни хотелось иногда заговорить с прислуживающим у ванны уголовным арестантом, это никак не удавалось, так как находившийся при ванне надзиратель ни на секунду никуда не отходил.

Но зато однажды, когда подходил срок итти в ванну, в камеру к нам явился какой-то новый надзиратель и, к моему удивлению, сказал:

— Ну, собирайтесь и пойдемте в баню.

Недоумевая, в чем дело, я задал ему вопрос:

— В баню—вы говорите?

— Да, да,—ответил надзиратель.

— А что, вы не хотите, что ль?—спросил он дальше.

Не успел я еще собраться с ответом, как мой старик, что-то сообразив, быстро ответил за меня:

— Нет, нет, мы пойдем с удовольствием, мыться мы никогда не отказываемся.

— Собирайся, Федор Никитич,—добавил он, взглянув на меня многозначительно.

Я понял, что старик что-то соображает важное, и молча быстро начал собирать белье и прочее. И через несколько минут в сопровождении надзирателя мы со стариком отправились, но, идя по коридору, я думал, что приглашение нас в баню надзирателем было простой ошибкой, и он, наверное, ведет нас все-таки в ванну, но скоро убедился, что это не так. Нас, действительно, ввели в настоящую общую баню, где уже было много народа.

Быстро разделись и вместе с остальными приступили к делу. Кругом кричали, спорили, ругались, смеялись и шумели на все лады. И этот шум человеческих голосов после нескольких месяцев одиночки, несмотря на всю его бестолковщину, показался мне какой-то особенной музыкой; я был им особенно доволен. Но мне все продолжало быть

непонятным, почему мы попали в общую баню после такой изоляции, которой в течение несколько месяцев я был подвергнут. На мой вопрос, что это значит, мой старик ответил:

— Молчите; это дурак-надзиратель нас по ошибке сюда привел,—ему за это, наверное, влетит, если тюремное начальство об этом узнает,—а наше дело не зевай, надо пользоваться всяким их промахом. Мойтесь, знайте, видите, как здесь хорошо, светло, тепло и весело.

Баня была недурная, с хорошим душем, а главное—люди. Хотя это были все уголовные элементы, но самый уже вид людской толпы, независимо от качества ее состава, после длительной одиночки был особенно интересен. Говорить пришлось мало, так как своих политических тут не было. Но все же и несколько незначительных слов, которыми пришлось перекинуться с некоторыми из присутствовавших, совершенно незнакомых мне, людей, для меня явились большим развлечением.

Содержания краткого разговора с некоторыми из находившихся в бане я теперь уже точно не помню, но он вращался вокруг вопросов: давно ли сидите, за что, сколько еще осталось сидеть, что слышно с воли, и т. д. Было видно, что люди эти принадлежали к числу краткосрочных уголовных, и когда они узнавали, кто я, то очень удивлялись тому, что я к ним попал, так как таких политических, как я, к ним никогда не пускают. На мои вопросы о положении дел «на воле» ничего интересного я от них не узнал, так как сами они этим интересовались мало.

Вымывшись, мы со стариком вернулись в свою камеру в хорошем настроении.

VI.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ДОПРОСЫ У СЛЕДОВАТЕЛЯ.—ОКОНЧАНИЕ СЛЕДСТВИЯ.

Среди отобранных у меня при обыске документов в упомянутом уже выше моем карманном блокноте имелся конспект доклада, сделанного мною Иваново-Вознесенской организации, следующего содержания:

«1) О поездке в Швейцарию. 2) По приезде в Россию: а) поездка в Питер, б) совещание в Финляндии, в) доклад Муранова, телеграмма Вандервельде и ответ на нее, наш и ликвидаторский, г) наше отношение к сборам в пользу запасных и их семейств (резолюция), д) выпуск листовок в Питере (листок)».

Кроме того, в блокноте имелась запись под заглавием: «Кое-что о работе фракции во время моего отсутствия: 1) Уход Малиновского. 2) Третейский суд по этому делу. 3) Поведение с.-д. в историческом заседании государственной думы. 4) Предстоящая конференция и порядок дня ее».

Этот конспект меня беспокоил больше всех остальных моих документов, попавших в руки полиции, так как по своему содержанию он мог послужить для властей важным обвинительным материалом. И я не ошибся. На допросах Машкевич документу этому действительно придавал особенно важное значение, что было видно из того, что по поводу его он старался допрашивать меня особенно тщательно, расспрашивая, по поводу каждого отдельного его пункта, подробнейшим образом его значение. И как я ни старался отвечать на его вопросы краткими малозначащими словами, все же отделаться от него было мне очень трудно. На его вопросы я отвечал, что это конспект доклада, который я собирался сделать во фракции, при чем по вопросу о совещании в Финляндии я говорил, что собирался справиться у товарищей

по фракции, так как сам об этом только слышал от кого-то. Относительно пункта предстоящей конференции объяснял, что здесь речь идет о предстоявшей тогда международной социалистической конференции, и т. д. Относительно некоторых пунктов отказался дать определенные ответы, ссылаясь на свою плохую память.

Тем не менее, этот документ, на-ряду с отобранными у Петровского известными тезисами о войне В. И. Ленина, прокуратурой был положен в основу всего предъявленного нам обвинения, и в своей обвинительной речи прокурор высказывал мнение, что этот мой конспект представлял собой не что иное, как порядок дня нашей конференции (настоящий порядок дня удалось во время обыска уничтожить и отправить в уборную).

Следствие по нашему делу велось усиленным темпом, и к 25 декабря 1914 г. (по ст. ст.) оно было уже закончено. И вот 24 декабря этого же года утром в мою камеру явился надзиратель и пригласил меня итти с ним. «Куда?»—по обыкновению задал я вопрос.—«Там увидите; кажется, к следователю»,—ответил он. Когда мы пришли в главный коридор тюрьмы, там я увидел всех остальных моих товарищей-сопроцессников.

Это была первая наша встреча после первого нашего общего допроса следователем Машкевичем, имевшего место на второй или третий день после нашего ареста. Поэтому встрече были все очень рады. Поздоровались и быстро засыпали друг друга вопросами, при чем оказалось, что у большинства настроение было неплохое.

Поговорить пришлось мало, потому что нас очень быстро выстроили в шеренгу и между каждыми двумя из нас поставили по конвойному солдату, после чего, под команду: «Шашки наголо, шагом марш!», под конвоем с обнаженными шашками над головами, мы двинулись по коридору по направлению к зданию окружного суда.

Это было наше первое всей группой путешествие «со свечками» из тюрьмы в здание окружного суда.

Когда мы, пройдя довольно большое расстояние, по разным коридорам и лестницам дошли до какого-то большого зала окружного суда, там нас встретили несколько женщин,

жен некоторых из нас, и делали попытки приблизиться к нам и задать вопросы, вроде: «скажите, все ли здоровы, что вам известно о суде», и т. д. Но грозные оклики конвойных солдат: «не подходить!», «не разговаривать!» не позволяли нам отвечать на их вопросы. И, пройдя мимо них, мы направились дальше.

В камере судебного следователя Машкевича нам предложили сесть к столу на поставленные около него стулья, после чего нам было объявлено, что следствие по нашему делу закончено, и что теперь нам предстоит заслушать содержание всего добытого следствием обвинительного материала. Началось чтение этого обвинительного материала, которое длилось около трех дней (с 24 по 26 декабря включительно). Читали его нам Машкевич со своим секретарем попеременно. За это время к Машкевичу и обратно мы совершили несколько групповых путешествий «со свечками».

По мере того как чтение двигалось, наше настроение начинало все более и более падать. Нам было видно, что обвинительный материал был большой и подобран и обработан так, что создавалось впечатление, что сурового каторжного приговора ни в коем случае не избегнуть. Во время перерывов многие из нас высказывались по этому вопросу именно в этом духе. Помню, Г. И. Петровский говорил, что дело, мол, ясное: в этой тюрьме мы застряли на много лет.

Однажды на чтении присутствовал кто-то из представителей прокуратуры, и на обращенные к нему со стороны некоторых из нас вопросы, что он думает о нашем деле, и т. п., он ответил, что ему еще неизвестно, какой суд нас будет судить, военный или гражданский, поэтому ответить на заданные ему вопросы он очень затрудняется, и т. д. Из его уклончивого ответа было видно, что наше положение в тот момент оставалось все еще очень и очень неясным. Это обстоятельство также не могло способствовать улучшению нашего настроения.

После окончания чтения следственного материала для нас снова наступил тяжелый момент выжидания дальнейшего выяснения нашей судьбы, т.-е. суда, от которого ждать чего-либо хорошего у нас не было никаких оснований.

VII.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ. — ОЗНАКОМЛЕНИЕ С ДЕЛОМ. — НАШИ ГЛАВНЫЕ ПОКАЗАНИЯ.—НЕУДАЧНОЕ ОБВИНЕНИЕ НАС В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ.

Оставшиеся на воле жены некоторых из нас и наиболее близкие товарищи позаботились об организации защиты, которая с нашего согласия была поручена Н. Д. Соколову. Вначале в качестве защитников предполагалось пригласить Грузенберга (бывшего защитником в известном деле Бейлиса), Зарудного и членов государственной думы кадетской фракции: Маклакова, Александрова и Аджемова, но Грузенберг отказался (по словам Н. Д. Соколова) из-за опасения испортить отношения с правительством и таким образом умалить шансы на отмену черты еврейской оседлости, на что он вместе с рядом других еврейских либеральных политиков питал тогда иллюзию. Зарудный тоже отказался (не помню уж, почему), а трое последних отказались в силу постановления своей думской фракции, которая, ввиду наших коренных разногласий во взглядах на происходившую тогда мировую войну, рекомендовала своим членам воздержаться от участия в нашей защите.

После отказа упомянутых юристов за организацию защиты взялись Соколов и Керенский, которыми она и была организована в составе следующих одиннадцати лиц: присяжные поверенные А. Ф. Керенский, М. Л. Гольдштейн, Н. Д. Соколов, Н. К. Муравьев, П. Б. Полонский, П. Н. Переверзев, А. А. Демьянов, М. В. и В. В. Бернштамы и помощники присяжных поверенных К. Д. Кучин и И. П. Храпков.

В течение приблизительно месяца мы снова были совершенно изолированы друг от друга, сидя каждый в своей ка-

мере. И только в самом конце января 1915 г. мы, наконец, получили копии обвинительного акта и повестки, извещавшие нас, что судить нас будет особое присутствие петроградской судебной палаты, с участием сословных представителей, 10 февраля 1915 г. в Петрограде, в здании петроградского окружного суда.

Одновременно с нами об этом были извещены и наши защитники, которые с этого момента с разрешения начальства начали нас посещать. Помню, по день нашего суда (10 февраля) из наших защитников у меня перебывали Керенский, Соколов, Муравьев и кто-то еще (теперь не помню), при чем некоторые из них были у меня раза по два, а может быть, и больше.

Свидания с защитниками происходили в нижнем этаже в одной из свободных одиночных камер. О чем я беседовал с защитниками,—точно не помню. Помню, что речь шла об отобранном у меня при обыске карманном блокноте с порядком дня одного моего доклада Иваново-Вознесенской организации и о других отобранных при обыске документах, о вызове свидетелей, о том, как нам нужно вести себя на суде, и т. д.

Вначале, ввиду моего очень сильно к этому времени пошатнувшегося здоровья, поднимался вопрос о выделении моего дела, но потом это нашли нецелесообразным и оставили. Свою копию обвинительного акта я передал одному из защитников.

Хотя принадлежность к партии была почти очевидна и защитники предлагали в этом признаться открыто, но вначале нам всем казалось это излишним. «Зачем давать в руки прокурора лишний козырь? Пускай он сам как хочет, так и доказывает нашу принадлежность к с.-д. партии»,—рассуждали мы.

На вопросы защитникам, что, по их мнению, нам угрожает, они определенно отвечали: «каторга». Но Керенский, помню, между прочим, однажды говорил, что они, защитники, все-таки постараются, чтобы мы получили минимальный срок каторги, т.-е. не 8 лет, а 4 года (102 ст. 1-й ч. предусматривает от 4 до 8 лет). Мне тогда казалось, что он это только для красного словца говорит, так как, судя по

копии обвинительного акта, наше дело представлялось весьма серьезным.

В это время, по совету защитников, мы написали в судебную палату заявление о желании лично ознакомиться с обвинительным материалом, после чего очень скоро нас всех снова одновременно вызвали в здание окружного суда.

Здесь нас ввели в небольшую комнату и положили на столы три толстые объемистые книги нашего дела. Мы сели к столам, а конвойные солдаты разместились частью у дверей комнаты, частью за нашими спинами около столов.

Прежде всего, как только первая книга была открыта, на первой же ее странице наше внимание привлек собой царский указ. Недоумевая, в чем дело, мы быстро прочитываем и узнаем из него, что царь Николай II по своей «милости» повелевает изъять наше дело из суда военного и передать суду гражданскому по принадлежности и т. д., т.-е. особому присутствию петроградской судебной палаты.

Из этого нам стало уже совершенно ясно, что нас будут судить в обычном порядке по 1-й части 102 ст. (за простую принадлежность к с.-д. партии), которая предусматривает кару не свыше 8 лет каторги, а в особо исключительных случаях, когда являются особо смягчающие вину обстоятельства, все же не ниже лишения всех прав и преимуществ и ссылки на вечное поселение в Сибирь.

Ясно было также и то, что эта «царская милость» продиктована была правящим верхам соображениями чисто политического характера. Правительство Николая II не решилось на более жестокую с нами расправу исключительно под влиянием боязни взрыва негодования рабочих масс, могущего внести особо резкий, ничем не изгладимый «диссонанс» во «всеобщий» шовинистический угар, охвативший и объединивший «в едином патриотическом порыве», кроме нас, большевиков, почти все остальные политические партии от меньшевиков, с Плехановым во главе, до крайних черносотенцев включительно.

После обмена мнениями по поводу указа мы приступили к дальнейшему ознакомлению с материалами, при чем, кроме отобранных у нас при обыске важнейших документов, оказалось, что в деле фигурирует записная книжка М. К. Мура-

нова с конспектом доклада о поездке по Уралу, которая была найдена в клозете квартиры Гавриловых и позднее присоединена к делу, и другая записная книжка его же, найденная при обыске в его квартире в Харькове уже 14 ноября, т.-е. через 10 дней после нашего ареста, в которой имелся список объезженных им предприятий на Урале, и бумаги, найденные там же,—в них имелось около сотни адресов разных товарищей; затем дневник Петровского, в котором прокурор нашел материал для характеристики всех нас, депутатов, главным образом, «как людей большею частью малограмотных и людей настроения», а не убеждения, и т. д.

При ознакомлении с показаниями, данными (за исключением Муранова, который, как я уже говорил, отказался дать показания) нами судебному следователю, выяснилось, что никто из нас в предъявленном нам обвинении виновным себя не признал, а мы, четверо депутатов—Петровский, Бадаев, Шагов и я,—к этому добавили, что состоим членами Российской Социал-Демократической Рабочей Фракции IV государственной думы, но к партии не принадлежим. Муранов же не только отказался дать показания, но и отказался подписать протокол у судебного следователя.

О причинах, побудивших нас собраться 3—4 ноября 1914 г. в квартире Гавриловых, в общих чертах показания были такие: Гаврилова объяснила, что мы у нее собрались частным образом «попить чаю» и отчасти ввиду годовщины ее свадьбы и т. д. Шагов подтвердил показания Гавриловой и добавил, что совещания у Гавриловых никакого не было, а была только беседа о больничной кассе, об издании рабочей газеты и пр. Бадаев сообщил, что был приглашен к Гавриловым через Шагова, и подтвердил показание Шагова, что на собрании у Гавриловых говорили только о страховании рабочих, о рабочей прессе и т. п. Петровский объяснил, что он получил приглашение «на пирушку» к Гавриловым через лицо, которое назвать он отказывается. Причины пирушки не помнит и т. д. Я объяснил, что у Гавриловых встретился с застигнутыми полицией лицами случайно. Нахождение там приезжих из разных мест лиц объяснил тоже случайностью, ввиду того, что нас, членов думы, по разным делам часто посещали рабочие, а так как всякое открытое соприкоснове-

ние с нами, депутатами, угрожало им разными полицейскими карами, то встречи с рабочими нам приходилось делать нередко у третьих лиц. Так было и в данном случае и т. д. Козлов объяснил, что пришел по приглашению Бадаева, переданному ему через Антипова, для переговоров о больничной кассе, но на собрании о страховании рабочих ничего не говорилось, а читали 33 № «Социал-Демократа» и прочее. Каменев показал, что он был приглашен Петровским для переговоров об издании рабочей газеты, что разговор у Гавриловых между собравшимися там лицами носил злободневный характер, но совещания там никакого не было. В заключение он заявил, что содержание приобщенных к делу документов, в которых излагается отношение РСДРП к военным событиям, решительно противоречит его взгляду на текущий момент. Антипов объяснил, что пришел к Бадаеву просить его содействия для поступления на работу, так как был в это время без работы, а последний направил его к Гавриловым, где он, по его словам, должен был встретить лиц, могущих устроить его на работу. Воронин утверждал, что приехал в Петроград к депутату Самойлову, чтобы посоветоваться с ним о больничных кассах, а последний и привел его к Гавриловым, где разговор шел только об издании рабочих газет и т. д. Яковлев сказал, что приехал в Петроград искать работы, случайно встретил на Невском знакомого ему депутата Муранова и по его приглашению вместе с ним пришел к Гавриловым. Печак (Линде) заявил, что приехал в Петроград для ознакомления с постановкой там дела больничных касс и, узнав по справочной книжке «Спутник рабочего» адрес депутата Петровского, явился к нему на квартиру, а Петровский, узнав от него причину его приезда, пригласил его к Гавриловым.

Кроме того, у Петровского были важные показания по поводу найденных у него при обыске известных тезисов В. И. Ленина о войне из 7 пунктов, в которых к одному из этих пунктов, трактовавшему об опасности для российской свободы победоносной войны, была сделана рукой Петровского поправка, не изменяющая самого смысла его содержания, а лишь несколько смягчающая его форму. По поводу этого документа он объяснил, что указанную поправку он пи-

сал под диктовку лица, которое он отказывается назвать, и что документом этим он рассчитывал воспользоваться для своей думской речи. К этому Петровский добавил, что его точка зрения на настоящую войну не соответствует высказанной в № 33 газеты «Социал-Демократ» и в упомянутой резолюции [1]). Сокрытие и замалчивание нашей точки зрения на войну и нашей связи с ЦК партии исходило из тактических соображений—не давать прокурору лишних козырей для обвинения. Это была ошибка, которую т. Петровский уже на суде не повторил и исправил.

Путешествия для осмотра дела продолжались в течение нескольких дней, пока мы не ознакомились с делом полностью. При чем вначале несколько раз мы ходили все 12 человек вместе, а потом нас разбили на депутатов и не-депутатов и несколько раз водили уже каждую группу в отдельности.

Во время самого ознакомления с делом мы кое о чем сговорились по части нашего поведения на суде. Так, мы ознакомились с проектом речи Петровского на суде [2]), при чем было решено, что Петровский эту речь произнесет от имени нашей фракции, как ее председатель, а остальные депутаты, присоединяясь к Петровскому, добавят каждый от себя то, что будет нужно.

Во время одного из наших путешествий в главном коридоре мы встретились с А. М. Гертиком, одним из ответственных сотрудников закрытой еще 8 июля 1914 г. нашей газеты «Правда». Он был арестован вместе с целым рядом других сотрудников этой газеты, тотчас же после ее закрытия. Привлекался он, кажется, вместе со всеми остальными товарищами по делу газеты по 129 ст. и сидел в тюрьме

---

[1]) Что вызывалось той небывало тяжелой политической обстановкой, в которой происходил наш процесс и которая характеризовалась как правительственной реакцией, так и, в особенности, той грязной шовинистической волной, которая захлестнула тогда всю страну и в первое время сильно задела не только крестьянство, но и часть рабочего класса.

[2]) Проект этой речи через дневального уголовного арестанта Петровский посылал к тов. Каменеву на просмотр, но тов. Каменев этому вопросу почему-то должного внимания не уделил. По словам Петровского, он ни поправок, ни изменений никаких не внес, а ограничился только общим одобрением.

к тому времени уже около 7—8 месяцев. С разрешения конвойной стражи мы поздоровались, но поговорить удалось очень мало, так как нас скоро увели.

В другой раз в этом же коридоре встретились с другим бывшим сотрудником «Правды» М. Кудриным. Он в 1907—1908 гг. был техническим секретарем союза ситцепечатников в Иваново-Вознесенске (см. мою книжку «Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении 1906—1911 гг.», ч. II) и одно время (1913 г.) выполнял обязанности личного моего секретаря в бытность мою членом IV государственной думы. Сидел он в тюрьме также уже несколько месяцев и за это время так изменился, что я его совершенно не мог узнать. Когда, проходя мимо нас, он кивком головы с нами поздоровался, я спросил Бадаева, кто это. И, услыхав ответ: «Кудрин», я так был изумлен его переменой, что мне стало немного страшно.

Когда до суда осталось всего 2—3 дня, настроение создалось нервное, напряженное, «стороны» готовились к решительной и окончательной борьбе словами.

К этому времени атмосфера, созданная в так называемых «общественных кругах» правительственным сообщением, напечатанным в газетах через несколько дней после нашего ареста, которое шельмовало нас всячески и обвиняло в государственной измене, совершенно рассеялась, и, вопреки желанию правительства, в этих «общественных кругах» изменниками нас никто не считал, да и самое предусмотренное 102 статьей предъявленное нам обвинение ясно и определенно говорило о том, что нас обвиняют в принадлежности к с.-д. партии—и только.

Таким образом, несмотря на все старания состряпать дело по обвинению нас в государственной измене, правительству это не удалось. И наш процесс по своей форме получился одним из тех многочисленных судебных процессов, которые в практике царских судов над членами нашей партии наблюдались до революции в течение многих десятков лет. Особенностью его было только то, что на этот раз на скамье подсудимых в числе 12 человек обвиняемых 5 были членами государственной думы, которые являлись тогда в этой думе единственными настоящими представителями рабочего класса

России, как по форме (все от специальных избирательных рабочих курий), так и по самой классовой сути своей (все пришли в думу с фабрик и заводов непосредственно), вследствие чего наш моральный авторитет представителей рабочих и всей остальной части трудящегося населения России был особенно велик. Правительство Николая II это чувствовало и понимало, что просто «изъять нас из обращения» ему было мало. Ему необходимо было так или иначе уничтожить или, по крайней мере, подорвать и умалить наш авторитет, а потом уже и произвести с нами свою жестокую расправу. Иначе в глазах наших избирателей-рабочих и остальной части трудового населения России, считавшей нас своими представителями в государственной думе, мы были бы только мучениками, павшими жертвой своего честно исполненного долга депутатов. Поэтому правительство в начале процесса и стремилось обвинить нас в государственной измене и вообще в деяниях, равносильных этому. А когда это ему не удалось, когда никаких материалов для того, чтобы заклеймить нас клеймом изменников, не оказалось, тогда отступать было уже поздно. И чтобы наш арест хотя сколько-нибудь оправдать в глазах трудящегося населения, обвинитель в своей речи на суде старался доказать, что если мы и не являемся изменниками в прямом смысле этого слова, то, тем не менее, вся наша деятельность, как депутатов и членов с.-д. партии, будучи направлена к организации стачек и восстаний внутри страны, к дезорганизации нашей действовавшей тогда против Германии армии и т. д., умаляла шансы на победу над внешним врагом и на деле, значит, помогала врагам отечества, немцам, и т. д. Чтобы возможно шире оповестить об этом население России, судить нас решено было при открытых дверях, т.-е. с допущением в зал суда публики [1]).

---

[1]) На это старое царское правительство, боясь придавать гласности самый факт существования в стране революционного движения и революционных партий, решалось очень редко, только в особых исключительных случаях. Обычно же по 102 ст. (принадлежность к партии) царские суды судили при закрытых дверях, т.-е., кроме самих подсудимых, свидетелей, защитников, прокурора и судей, во время судебного разбирательства дел в зал суда допускались только некоторые из близких родственников (мать, отец, жена), а

Дня за три до суда я написал в своей тюремной тетрадке небольшой конспект коротенькой речи, которую решил сказать на суде. По мере приближения дня суда настроение становилось все более и более нервным, и в ночь с 9 на 10 февраля я спал неважно, а 10 февраля 1915 г., после утренней прогулки, около $9^1/_2$ час. утра, в камеру явился надзиратель и сказал: «Ну, г. Самойлов, пойдемте в суд!».

Распрощавшись с моим стариком, с дрожью в голосе и со слезами на глазах пожелавшим мне «счастливого пути», я вместе с надзирателем вышел из камеры и направился к главному коридору. А когда явился туда, там уже было несколько наших, но собрались еще не все. Поздоровались и стали обмениваться вопросами о самочувствии, затем перекинулись некоторыми словами о предстоящем суде. Настроение у всех было достаточно нервное, но в общем нельзя сказать, чтобы плохое. Только депутат Шагов имел довольно убитый и подавленный вид, его пробовали разными шутливыми замечаниями развеселить, но он этому поддавался плохо и не изменял своего угрюмого вида.

для всех остальных граждан двери суда по таким делам были закрыты. В печати же публиковались только краткие резолюции приговоров, да и то не всегда, и ничего больше. А как происходил суд, в чем и как обвинялись подсудимые,—об этом никто не знал.

VIII.

СУД И ПРИГОВОР.

Скоро собрались все; нас выстроили в обычном порядке, и через несколько минут мы вошли в большой судебный зал первого отделения окружного суда.

Места для публики и для представителей печати в зале и на хорах были густо заполнены. Защита была уже на своих местах, обвинитель тоже. На местах сзади судей видно было также несколько каких-то типов, среди которых были граф Витте и наш следователь по особо важным делам Машкевич. Судей еще не было. На местах для публики видно было значительное количество членов государственной думы, среди которых я узнал к.-д. Милюкова, Родичева, прогрессиста Ефремова, меньшевиков: Скобелева, Чхенкели и многих других. В первых рядах находились жены подсудимых и другие их родственники.

Заняв свои места на скамье подсудимых и окинув беглым взглядом зал суда, мы обменялись кивками головы с некоторыми знакомыми депутатами, родственниками и женами, затем поздоровались с подошедшими к нам нашими защитниками и повели с ними разговор (поскольку это было возможно в той обстановке) о нашем поведении на суде.

Скоро раздалась обычная команда судебного пристава: «Прошу встать! Суд идет». Показались судьи. Впереди шел председатель Крашенинников, за ним члены палаты Зейферт, Олышев и Гречин и так называемые «сословные представители»: от дворян—губернский предводитель дворянства Сомов, от владельцев промышленных предприятий—член городской управы Лаврентьев и от крестьян—какой-то волостной старшина.

Начинается поверка свидетелей и подсудимых. После

этого защитник Л. Б. Каменева Берентштам ходатайствует (вторично, первый раз это ходатайство было возбуждено им еще в период предварительного следствия по нашему делу и было отклонено) перед судом о вызове Н. Иорданского [1]) (социал-патриота, бывшего редактором известного журнала «Мир Божий»), который должен показать, что Л. Б. Каменев в беседе с ним о войне высказывал мысль, совершенно противоположную той, которая приписывается подсудимым обвинительным актом. Другими словами, Иорданский должен был показать, что Каменев говорил ему о нежелательности печального для России исхода войны.

Прокурор Ненарокомов возражает против этого ходатайства, заявляя, что частный разговор между подсудимым Каменевым и Иорданским для дела значения не имеет.

После совещания (длившегося около 40 минут) палата в ходатайстве отказывает, мотивируя свой отказ тем, что в беседе с Иорданским Каменев мог быть неискренним, поэтому беседа не опровергает ни принадлежности Каменева к РСДРП, ни участия его в направленной против войны конференции в квартире Гавриловых.

Оглашается обвинительный акт, которым мы обвиняемся в принадлежности к партии с.-д. большевиков, противников войны, стремящихся к организации революции с целью уничтожения самодержавия и замене его демократической республикой, в срыве войны и т. д., и т. п., с каковыми целями нами, например, осенью прошлого, 1914 года было устроено два совещания,—одно 30 сентября—1 октября в Финляндии, другое в начале ноября в Озерках, в квартире Гавриловых, т.-е. там, где мы и были арестованы.

На основании этого мы, одиннадцать человек,—пятеро депутатов: Петровский, Бадаев, Муранов, Шагов и я,—и шесть человек других товарищей: Л. Б. Каменев, Линде (Печак), Воронин, Козлов и Антипов,—привлекаемся по части 1-й ст. 102 уложения, т.-е. по обвинению в принадлежности к нелегальной партии, а Гаврилова—по ст. 63, т.-е. по обвинению в недонесении властям о происходившем в ее квартире незаконном собрании.

---

[1]) Тов. Н. Иорданский в настоящее время состоит членом ВКП (б).

На обычные вопросы о виновности все подсудимые ответили отрицательно и все, кроме Муранова, выразили желание дать объяснения. Муранов же от дачи объяснений отказался.

Начался допрос свидетелей [1]). Первым вызван был свидетель защиты Фортунатов. Он в форме военного капитана, бывший начальник конторы Путиловского завода. Фортунатов выступал свидетелем по просьбе Козлова и показывал, что Козлов работал на заводе 18 лет, что в стачках и других выступлениях рабочих не замешан, но участвовал в организации сборов в пользу ушедших на войну и их семейств и даже был одним из инициаторов этих сборов.

После этого Г. И. Петровский берет слово для объяснения и произносит небольшую речь, в которой отмечает: что наша фракция примыкает к большевистскому течению, что, как рабочие, мы нуждались в указаниях сведущих лиц, а поэтому в своей политической деятельности пользовались указаниями последних, что сотрудничали в наших рабочих газетах и всячески способствовали их распространению. Стремясь защитить интересы рабочих, мы участвовали в страховой кампании, поддерживали профессиональную и культурную деятельность рабочих и всегда старались согласовать свою деятельность с настроениями рабочих, делая им по их приглашению доклады и т. д. Чтобы быть в курсе настроений РСДРП, мы знакомились с ее литературой. На вопросы председателя по поводу тезисов о войне [2]) Петровский отвечал, что он их получил или через почту или через рассыльного,—точно не помнит.

После речи Петровского, по просьбе защитника Керенского, с разрешения председателя, осматриваются вышеупомянутые тезисы, и Керенский доказывает, что поправка, внесенная Петровским к одному из пунктов этих тезисов, смягчает его содержание. Затем пункт этот оглашается, и, сопоставляя две его редакции—с поправкой Петровского и без этой поправки,—председатель говорит, что поправка

---

[1]) Из свидетелей в суд не явилось человека 3—4, в том числе Чхеидзе и Хаустов, за что по постановлению суда на них был наложен какой-то штраф.

[2]) См. приложение № 3.

нисколько не изменяет смысла содержания данного пункта тезисов.

Дальше давали объяснения другие подсудимые. Так, Муранов заявил, что он присоединяется к сказанному Петровским и что к партии он принадлежит, поскольку состоит членом думской с.-д. фракции. После этого председатель задает вопрос Петровскому: почему по вопросу о войне мы нашли нужным совещаться именно с рабочими? Петровский отвечает, что по всем важным вопросам мы всегда совещались с представителями рабочих. Дальше говорит Бадаев. Как и Муранов, присоединяясь к сказанному Петровским, он подтверждает, что мы всегда по различным поводам выслушивали мнения рабочих и всегда вообще интересовались всеми мнениями, существовавшими в рабочей среде. Шагов заявляет, что ответственность за присоединенные к делу какие-то прокламации на нас лечь не должна, что мы их не печатали и отвечать за них не должны, и т. д.

Я объяснил, что в думу прошел под флагом с.-д. большевиков, вступил там в с.-д. большевистскую фракцию, но через несколько месяцев тяжело заболел и вынужден был уехать за границу лечиться, а по возвращении в Россию не успел еще и осмотреться вокруг как следует, как уже очутился на скамье подсудимых.

Дальше дает объяснения Л. Б. Каменев. Он заявляет, что может дать объяснения только по вопросу о его присутствии в квартире Гавриловых, и сообщает, что работал в «Правде», но фактическим руководителем ее, вопреки данному свидетелем Кудриным показанию, не был. Наша фракция его интересовала, но с членами ее он встречался только в редакции газеты. Пришел он на квартиру к Гавриловым по приглашению Петровского. Говорили там об издании рабочей газеты.

После объяснений Каменева допрашивается свидетель Кудрин. Он имеет вид больного психически человека и на вопрос председателя, кто руководил газетой «Правда», отвечает: «не знаю», несмотря на то, что на предварительном дознании по нашему делу он показывал, что фактическим редактором газеты был Л. Б. Каменев. На некоторые другие вопросы он отвечает: «не знаю», «забыл» и т. д. и

добавляет, что у него было воспаление мозга, что сейчас он находится в больнице и не помнит, что он показывал судебному следователю. Прокурор заявляет, что не придает значения показаниям Кудрина и от показаний его и дальнейшего его допроса отказывается. На вопрос председателя, подтверждает ли Кудрин свои показания, данные им судебному следователю, последний отвечает отрицательно и в дальнейшем говорит, что он теперь более или менее выздоровел и давать такие показания, какие он давал судебному следователю, не может. На вопросы защиты Кудрин сообщает, что содержится в тюремной больнице. Когда помещен, когда заболел и сколько времени сидит, он «не помнит».

Затем допрашивается пристав 2-го стана Петроградского уезда Сенько-Поповский, бывший на обыске в квартире Гавриловых, который подтверждает свои показания, данные судебному следователю об обыске у Гавриловых. Потом опрашивается Гаврилова, почему она сначала показывала, что собрались у нее гости по ее приглашению, а потом изменила свои показания. Она отвечает, что не одна она это говорила, что то же приблизительно показывали и другие.

Дальше допрашиваются: дворник дома, где помещается квартира Гавриловых, Лосунков, пристав Заремский, Конев и официант трактира «Медведь» Костин. Ничего нового, кроме того, что уже известно по обвинительному акту, они не говорят.

М. К. Муранов после них заявляет, что найденный в уборной в квартире Гавриловых его карманный блокнот был туда брошен им для того, чтобы не заставить сесть в тюрьму 58 человек рабочих, адреса которых были записаны в этом блокноте.

Затем допрашиваются свидетельница Иванова, удостоверяющая малограмотность Гавриловой, и урядники Федоров и Лебедев, которые сообщают, что им было поручено следить за депутатом Шаговым и что 30 сентября и 1 октября они Шагова видели на месте, т.-е. на его родине.

Свидетели Корнеев и Матвеев, члены правления Путиловской больничной кассы, удостоверяют, что Козлов дей-

ствительно участвовал в организации сборов в пользу ушедших на войну путиловцев и их семей.

На вопрос прокурора Воронину, который раз он приезжает в Петроград, последний отвечает, что в первый. Потом свидетель Матвеев (шпик, ехавший с Ворониным в одном вагоне в Петроград) показывает, что Воронин приехал в Петроград 1 ноября, а не 4-го, как говорил Воронин. На вопрос председателя, зачем он приехал, Воронин отвечает, что был приглашен Самойловым и, интересуясь вопросами страхования, он хотел узнать мнение об издании журнала по страхованию. На вопрос председателя, не было ли наше (других подсудимых) мнение о журнале ему интересно потому, что исходило от определенной организации, Воронин отвечал отрицательно и сообщил, что поездку он совершил за свой счет.

На вопросы председателя Яковлев, Линде (Печак) и Воронин заявляют, что в ночь с 3 на 4 ноября они ночевали у Гавриловых.

Этим заканчивается допрос свидетелей. Заседание закрывается, и стороны в присутствии председателя знакомятся с вещественными по делу доказательствами. Уже поздно ночью нас уводят по камерам.

Утром 11 февраля мы снова в прежнем порядке являемся в суд. Зал попрежнему полон публикой. После открытия заседания на вопрос председателя сторонам, чем они «желают дополнить судебное следствие», прокурор просит разрешения ссылаться на все находящиеся в деле документы, а присяжный поверенный Муравьев от имени подсудимых просит разрешения ознакомиться с вещественными доказательствами. Объявляется перерыв, и мы все, подсудимые и защитники, осматриваем вещественные доказательства. Потом возбуждается ряд ходатайств: о разрешении ссылаться на протокол осмотра и документы в деле, об оглашении и присоединении к делу некоторых новых документов и пр.

Дальше, по просьбе защиты, председатель ставит Гавриловой ряд вопросов. Она отвечает, что квартиру предоставила для совещания по просьбе Шагова, и т. д. По просьбе защиты суд удостоверяет, что свидетель Кудрин перенес тяжелую болезнь и содержание его показания су-

дебному следователю не подлежит оглашению. Затем оглашается и приобщается к делу письмо Антипова к Бадаеву, из которого видно, что Антипов обращался к Бадаеву с просьбой дать ему работу. Петровский, говоря об отобранных у него тезисах и письмах за подписью «Александр» и «Санька» (А. Г. Шляпников), объясняет, что письма были от лица, жившего в Стокгольме, которое информировало его о деятельности депутатов с.-д. фракций западно-европейских парламентов, а поправка к одному из тезисов является точкой зрения ЦК партии.

На вопросы председателя, какую газету предполагало издавать наше собрание у Гавриловых, Петровский отвечает, что легальную: «Мы предполагали,—добавляет он,—что можно пойти на ряд уступок и все-таки проводить газету через цензуру».

Оглашается дневник Петровского, в котором последний, между прочим, сетует на тяжесть нелегальной работы, на трудности объяснений с безработными редакторами наших газет, требующих уплаты за просиженное время, и т. д.

На вопрос председателя, почему ответ на телеграмму Вандервельде дает ЦК партии, Петровский отвечает, что телеграмма эта была напечатана во всех газетах. И на вопрос председателя, не является ли ответ ЦК в то же время и ответом фракции, Петровский отвечает, что мы остаемся при взгляде, выраженном в заявлении, прочитанном в государственной думе Хаустовым.

М. К. Муранов дает показания по поводу найденной у него книжки с записями по его поездке по Уралу. Он, между прочим, объясняет, что, когда была распущена государственная дума, чтобы не терять даром времени, он решил поехать к избирателям. «Я считал нужным ехать к ним даже тогда, когда они не звали,—говорит он.—Отобранные у меня в книжке адреса и были теми явками, куда я обращался по приезде в город». Дальше он говорит, что «считает позорным скрывать, что он занимался внедумской деятельностью». На вопрос председателя, развивал ли он там с.-д. программу, Муранов отвечает: «это ясно из того, что массовки были в лесу, в лесу—свобода слова». На вопрос председателя: «призывали ли вы организоваться в с.-д. партию?»

Муранов отвечает: «Я призывал организоваться. Существуют профессиональные, конспиративные и просветительные рабочие организации,—дальше говорил он,—я не скрывал, что, согласно постановлению конференции, с.-д. должны употребить все усилия, чтобы получить в этих организациях влияние. Я считал своей обязанностью создавать такие организации, а делать их социал-демократическими было дело других лиц. Свою думскую деятельность я считал совершенно автономной» («Право», 1916 г., № 9, стр. 643).

После Муранова выступает с речью обвинитель, тов. прокурора петроградской судебной палаты Ненарокомов. Прежде всего он отмечает, что «с началом войны социалистический Интернационал впал в глубокую пропасть, ввиду того, что германская социал-демократия не только не выступила с грозным протестом против войны, что она обещала, но, наоборот, германские с.-д. голосовали за военные кредиты, и ошеломленное человечество узнало, что социалисты ассигновали деньги на войну. Но германские с.-д. все же поступили лучше тех, кто отказал в средствах для самообороны страны».

«Бельгийские и французские социалисты поняли, что социалистический Интернационал дал трещину; они поняли, что под громкой фразеологией немецкие социал-демократы преследовали интересы германского правительства, и без колебаний стали под знамя короля-рыцаря и под знамя Франции», и т. д. Дальше он говорил о том, что трудно было думать, что наша фракция пойдет против родины. Затем он, разбирая прочитанное в думе Хаустовым наше общее с меньшевиками заявление о войне, делает вывод, что «этим заявлением думские социал-демократы с думской трибуны объявили открытый разрыв с правительством в тот момент, когда оно больше всего нуждалось в единении всех элементов населения». Дальше обвинитель отмечает, что «социал-демократическая фракция была полностью подчинена Центральному Комитету партии, и ему подчинялась не только фракция, но и каждый ее член в отдельности. И в этом отношении деятельность фракции давно была секретом полишинеля».

Каменева обвинитель называет уполномоченным ЦК партии и той литературной силой, в которой нуждалась наша фракция. О собрании у Гавриловых обвинитель говорит, что «не без труда удалось установить, что там происходило очень важное совещание. Обсуждались там, несомненно, более важные вопросы, чем те, о которых говорят подсудимые». Дальше идет подробный разбор дневника Петровского, из чего делается вывод, что мы, депутаты, скорее люди настроения, чем убеждения, тогда как Л. Б. Каменев является человеком с твердыми убеждениями.

Главной целью собрания у Гавриловых, по мнению обвинителя, было обсуждение резолюции из 7 пунктов (упоминаемые выше тезисы о войне). Переходя к характеристикам обвиняемых, обвинитель характеризует Антипова, как «адъютанта депутата Бадаева, выполнявшего все поручения последнего»; Козлова,—как мало подготовленного и на собрание попавшего случайно; Л. Б. Каменева,—как «главного виновника и вдохновителя всего, приведшего их на скамью подсудимых». Дальше обвинитель говорит, что Петровский был руководителем и председателем фракции, Муранов был наиболее деятельным членом ее, Бадаев был связующим звеном фракции с рабочими Петрограда; Шагов передавал приглашения на совещание, я был одним из деятельных членов, Линде тоже фигура значительная, и случайным был только Козлов. Затем прокурор снова говорит, что фракция являлась очень сплоченным сообществом и находилась в живой связи с партией, подчиняясь директивам ЦК. Заканчивает он так: «В такой момент, когда государство напрягло все свои силы в борьбе с внешним врагом, когда на границе государства неудержимым потоком льется кровь сынов отечества,—подсудимые не захотели отказаться от параграфов своей партийной программы и через головы тех, кто своей кровью защищает пределы отечества, протягивали свою руку врагам родины. Эти люди хотели нанести нашей доблестной армии удар в спину, внести в ее ряды разложение и дезорганизацию. Но они очутились на скамье подсудимых, и, когда вернутся с полей сражения наши герои, мы сможем им дать ответ, что мы сделали с теми людьми, которые в их отсутствие хотели нанести им удар в спину».

После прокурора выступает Керенский [1]). Он говорит: «За спиной тех, которые сражаются на границе, не было и нет врагов, и те люди, которые сидят на скамье подсудимых, удара в спину войскам, находящимся на границе, не наносили. Свой ответ на вопрос о войне они дали. И дали не в неграмотной прокламации, прочитанной прокурором и неизвестно от кого исходящей, а в декларации, прочитанной депутатом Хаустовым в государственной думе, т.-е. в документе, всем известном и исходившем от социал-демократов» («Право» 1915 г., № 10, стр. 734). «Вопрос не в том, были ли депутаты членами партии или нет, ибо ясно, что каждый с.-д. депутат является вместе с тем и членом партии, а в том вопрос, изменники они или нет, и на основании имеющихся в деле документов я утверждаю, что нет». Коснувшись ответа ЦК на телеграмму Вандервельде, Керенский говорит, что о разнице в политическом положении у нас и во Франции и Бельгии в этом ответе говорится верно. Дальше Керенский сказал, что содержание дневника Петровского свидетельствует о высоком сознании Петровским своего депутатского долга. Заканчивает он словами: «Судите их за то, что они принадлежали к сообществу, предусмотренному ст. 102, и вы можете их послать на каторгу, но не взваливайте на них бремя, которое им легко будет носить, потому что они знают, что они неповинны в грехах, которые пытался взвалить на их плечи прокурор, они неповинны в измене».

12 февраля, по возобновлении заседания, выступает прис. пов. М. Л. Гольдштейн (защитник Козлова). В своей речи он высказывает удивление, почему нас обвиняют по ст. 102, а говорят в то же время, что мы—изменники. «Не потому ли,—говорит он дальше,—чтобы, обвинив нас по указанной статье, заклеймить еще и незаслуженным позором?». Дальше защитник говорит, что и в пределах 102 ст. обвинение очень необычно, потому что из 11 человек, участвовавших на «съезде» (так называл прокурор наше совещание у Гавриловых), по словам самого же прокурора, Антипов был только посыльным депутата Бадаева, Козлов попал на съезд «по ошиб-

---

1) Нас, депутатов, защищают Муравьев, Соколов, Керенский и Полонский, остальных—другие защитники.

ке», а Каменев приехал только на другой день, перед арестом; остается всего 8 человек, из которых пятеро депутатов, как фракция, являются вполне законным постоянно-действующим съездом, и остаются всего 3 человека—Линде, Яковлев и Воронин». Вот эти 3 человека,—говорит Гольдштейн,—и составляют весь съезд, который должен был дать директивы всей партии. Ясно, что разговор о таком малочисленном съезде явно неправдоподобен, и вот, чтобы выйти из этого затруднения, обвинитель говорит, что это маленькое собрание хотели потом выдать за якобы настоящий большой съезд, т.-е. хотели учинить, так сказать, подлог съезда. «Но ведь для этого,—продолжает Гольдштейн,—не нужно было приглашать лишних трех провинциалов, из которых случайный Козлов мог только разнести тайну подлога, а пользы делу не дать никакой». Поэтому защитник делает вывод, что съезда никакого не было, а была просто беседа депутатов с представителями рабочих. А что она была не в квартире депутатов, так это объясняется только тем, что депутаты не желали подвергнуть этих рабочих риску попасть за связь с ними под разные преследования со стороны полиции. Подходя к вопросу о том, чем занималась наша конференция, и констатируя факт, что в материалах дела нет никаких прямых указаний на то, чем она занималась, защитник делает вывод, что это была какая-то небывало молчаливая конференция. «На конференции,—говорит защитник,—что-то обсуждали, но так и не обсудили, ибо в деле нет никаких указаний на то, были или нет приняты какие-либо решения на конференции, другими словами, налицо нет никаких доказательств «преступления», и все-таки 102 ст.». В заключение, утверждая, что Козлова нельзя обвинить по ст. 102 уложения, защитник делает предположение, что его могли бы обвинить по ст. 163 (за недонесение), но через донос Козлов не желает спасения, и защитник предпочитает видеть Козлова понесшим кару, чем присутствовать при его моральном падении. «Донести на тех, которые посланы в думу рабочими, т.-е. Козловыми всей России, и которые отдали свою жизнь этим рабочим?!—восклицает Гольдштейн.—Нет, есть чувство сильнее закона!».

После Гольдштейна выступает Муравьев. Он говорит:

«Депутаты стремились к тому, чтобы их сердца бились в унисон с их избирателями. Депутаты не могли не встретиться с партией, потому что их задачи те же, что и задачи партии». Говоря о трудности, ввиду нашей неподготовленности к выполнению депутатских обязанностей, защитник приводит слова из дневника Петровского, что «не дается ему слово», и говорит, что «оно не дается ему и здесь».

Четвертым говорил М. В. Бернштам (защитник Л. Б. Каменева). Причину того, что Каменев в своей объяснительной речи ничего не сказал о его отношении к войне, защитник объясняет тем, что Каменеву судом уже выражено недоверие отказом в вызове свидетеля Иорданского [1]). Дальше защитник, вопреки заявлению прокурора, что Каменев является душой всего нашего дела, доказывает, что Каменев такой же рядовой подсудимый, как и все остальные, и утверждает, что Каменев не может подойти под ст. 102, потому что он был только литератор, которого мы, члены думы, использовывали только как литературную силу, а не как члена сообщества. В заключение защитник просит Каменева оправдать.

А. А. Демьянов, защитник Яковлева, говорит, что против Яковлева нет никаких улик, кроме того, что он участвовал на совещании у Гавриловых, а этого для обвинения недостаточно. И если Яковлев будет осужден, то только за сочувствие идеям социализма и, в частности, за его несочувствие войне, ибо других вопросов, кроме волновавшего всех вопроса о войне, на совещании не могло быть. Однако это не преступление. Демьянов говорит, что этот процесс—политическая ошибка. «Нужно помнить,—продолжает он,—что подсудимые—избранники крестьян и рабочих, которые ими, как своими представителями, особенно дорожат, чего остальные депутаты, члены государственной думы, сказать о себе не могут».

«Народ верит своим избранникам и не откажется им верить и тогда, если они будут осуждены,—поверят не суду, а осужденным. Поэтому подсудимым нечего бояться осуждения, они недолго пробудут в ссылке и вернутся оттуда с гордо поднятой головой, и войска, народ, вернувшийся

---

[1]) См. выше стр. 67.

с войны, грозно и сурово спросит: «где наши избранники, где осужденные депутаты—наши драгоценные друзья?».

П. Н. Переверзев (защитник Линде и Воронина), касаясь вопроса об обвинении нас в измене, говорит: «С ужасом думали мы: неужели правда, что подлый враг проник в святая святых нашей государственной жизни и успел посеять там семена гибели и проклятия? Теперь мы успокоены, и мне не надо уже говорить о том, что клеймо обвинения в измене снято с имени народных депутатов. Оно уничтожено не только теми документальными данными, которые находятся в деле и о которых так много говорила защита, оно уничтожено самой постановкой обвинения. Подсудимые обвиняются по ст. 102 уголовного уложения» («Право», № 10, 1915 г., стр. 746).

Защитник, ссылаясь на документы в деле, делает вывод, что обвинение в измене сорвалось, потому что для этого не оказалось никаких данных, и доказывает, что факт деятельности фракции по директивам партии и сношения ее с ЦК партии не являются преступлением, ибо иначе значило бы отрицать свободу совести депутатов.

«Нельзя обвинять подсудимых,—говорит защитник,—в изготовлении собранных всюду в Петрограде и приобщенных к делу прокламаций, ибо если некоторые из них, кроме того, были отобраны при обыске, то ведь депутаты, имевшие право знакомиться со всякой литературой, могли их при себе держать».

«Прокурор, цитируя записи из блокнота Самойлова, утверждает, что это порядок дня конференции в квартире Гавриловых, но, читая вам эту записку, прокурор, гг. судьи, забыл прочитать ее последний параграф. А там говорится следующее: «Предстоящая конференция и порядок дня ее». Очевидно, что записка эта не имеет отношения к тому, что обсуждалось на квартире у Гавриловых 4 ноября. Она относится к моментам предшествующим, содержит в себе текущие дела, которыми занималась фракция, и если в ней говорится о какой-либо предстоящей еще конференции, порядок дня которой еще не выработан, то ясно, что 3 или 4 ноября никакой конференции не было, или то, что записано в блокноте Самойлова, никакого отношения к 4 ноября не имеет».

«Кроме этой записки, у прокурора нет никаких данных утверждать, что рабочие, сошедшиеся на квартире Гавриловых, обсуждали с депутатами вопросы революционного свойства» (там же, стр. 748).

И, констатируя факт, что главная цель—обвинить нас в измене—не достигнута, защитник делает вывод, что, значит, судить нас не за что, ибо за то, что мы только исполняли свой долг, депутатов судить нельзя. В заключение защитник говорит:

«Гг. судьи, ведь скрыть правду этого дела нельзя. Если отпадает обвинение в измене, депутаты должны быть оправданы, ибо осуждение их за их обычную деятельность является открытым нарушением их неприкосновенности».

«Приговор ваш не останется тайной этого зала, не станет он достоянием только одного Петрограда,—завтра огненной ракетой взовьется он над русской землей; дойдет он и до окопов, где бьются русские люди, защищая отечество. Конечно, временно, пользуясь военной цензурой, можно сообщить армии о вине депутатов в таком виде, что армия отвернется от них. Но, повторяю, правды этого дела не скрыть, и если она дойдет до армии, то не одни только друзья рабочих будут поражены этим приговором. Конечно, не одни только социал-демократы находятся в рядах русской армии, но я думаю, что и люди других направлений и даже правые смутятся сердцем, узнав о том, что представители народа схвачены и осуждены, как преступники, за исполнение по совести своего депутатского долга».

«Невольно возникает мысль: если можно было так поступить с одной фракцией думы, то чем же защищены другие от подобных нападений, и не является ли депутатская неприкосновенность пустым звуком... Не скажут ли вернувшиеся с полей битв: что вы здесь сделали с нашими представителями, когда мы стояли лицом к врагу, защищая Россию? И какой ответ можно будет дать на этот вопрос?».

«Можно сломать депутатскую неприкосновенность, но нельзя изгладить из народного сознания всю несправедливость и все глубокое значение этого акта».

«Депутаты погибли за то, что были верны своим обязательствам. Это будут знать все. Теперь за ними закроются,

быть может, навсегда темные врата мира отверженных, но пусть они знают,—и это не одно только наше чувство,—что их провожают туда скорбь и уважение».

«Гг. судьи, прокурор бросил депутатам упрек в том, что они люди настроения, а не знаний и убеждений. Но это не упрек,—это лучшая похвала. Все великое и прекрасное, все истинное в мире человеческом было делом настроения. Девиз «свобода, равенство и братство» был брошен в мир простыми, замученными нуждою людьми, такими, как сидящие здесь перед вами, и брошен он был задолго до того, как Карл Маркс стал писать свои книги и вожди социал-демократов—свои резолюции. Принеся в мир этот девиз, люди труда, защищая его, покрыли его своей кровью. Все это было сделано настроением и той пламенной верой, о которой в дневнике своем писал подсудимый Петровский».

«Эта пламенная вера вывела их из темных низов на светлую вершину государственной жизни, не дала им забыть об обездоленных трудящихся братьях и привела к роковому концу».

«Пройдут года, и все забудется. И то, что они были малограмотны и приглашали ученых людей для помощи в своей депутатской работе, и то, что не всегда они умели справляться с этой работой,—все это отлетит прочь, как шелуха, вместе с клеветническим обвинением в измене. Но останутся незабвенными имена их в памяти народа, останется неизменным сознание, что, поднявшись с темных, безвестных низов на вершину государственной жизни, они забыли себя и, как простые рабочие, не оторвали сердца своего от страданий и нужд своих братьев, защищали их честно и смело, как умели, и доблестно пали в неравной борьбе» («Право», 1915 г., № 10, стр. 748—749).

После Переверзева говорит Н. Д. Соколов. Отмечая важность процесса, состоящую в том, что мы—представители рабочих России и что мы—социал-демократы, и то, что во все государственные думы рабочие посылали только социал-демократов, защитник говорит, что наш вотум против военного бюджета в государственной думе есть вотум недоверия правительству и что в этом ничего нет преступного. Дальше он доказывает, что поправки, внесенные

рукой Петровского к пункту 6-му тезисов о войне, вопреки мнению председателя суда, пункт этот все-таки соответствующим образом изменяют. Говоря, что не всякий, не желающий усиления русской монархии, желает поражения ее войск, защитник попробовал сослаться на сочинения Плеханова, но был два раза остановлен председателем. Отмечая неодинаковое отношение к защите и прокурору, которому было позволено говорить все, защитник переходит к рассмотрению самого существа предъявленного нам обвинения и указывает на противоречие прокурора, выразившееся в том, что прокурор говорит, что депутаты вследствие своей малограмотности не могли ни писать себе речей для думских выступлений, ни составлять резолюций, и в то же время приписывает им составление всевозможных прокламаций. В доказательство того, что прокламации, приобщенные к делу, написаны не подсудимыми депутатами, Н. Д. Соколов ссылается на тот факт, что обвинительный акт приписывает им явно меньшевистскую прокламацию за подписью «Организационный Комитет». Рассматривая обвинение с чисто юридической стороны, защитник говорит, что один факт собрания у Гавриловых не может служить доказательством, что его участники составляют преступное сообщество. Никаких указаний на то, что фракция занималась преступной деятельностью вне думы, в деле нет. И только относительно Муранова можно было бы говорить об обвинении его в агитации за социал-демократические идеалы, да и то по ст. 129 уложения.

В. В. Беренштам (защитник Гавриловой) говорит, что Гаврилова малограмотна, что для нее, чтобы дать свою квартиру для собрания, было достаточно нашего объяснения, что «нас везде подслушивают, обо всем, что мы говорим, появляется в газетах», и т. д.; что она не могла на нас донести по тем же причинам, что и Козлов.

Последним говорит Г. Д. Кучин (защитник Антипова). Он доказывает, что данное прокурором Антипову почетное звание «адъютанта депутата Бадаева» ни на чем не обосновано, и что если его обвиняют в том, что он участвовал на конференции у Гавриловых, и при этом только в качестве посыльного, а Козлов был там «по ошибке», то это очень странная

конференция, ибо на конференциях бывают только представители от определенных организаций, с определенными мандатами. Защитник объясняет обвинение Антипова только той общественной обстановкой, «где народные представители не имеют возможности открыто встречаться со своими избирателями, и, чтобы встретиться с ними, крадутся, как воры, как рабы, в глушь Выборгского шоссе, в пустынную дачу и сидят там, спрятавшись за плотные одеяла на окнах, тогда как в союзной Англии само правительство устраивает повсюду митинги, на которых члены парламента дискутируют перед массой вопрос о войне, а член с.-д. партии, министр Бельгии, Вандервельде там на равнинах Фландрии, под открытым небом, в двух верстах от передовых позиций собирает солдатские митинги и говорит на них об объективном смысле войны...».

Председатель останавливает защитника; защитник продолжает:

«Я хочу сказать, гг. судьи, что та общественная обстановка, где нет этих далеких светлых сказок, но есть зато великолепный пристав Сенько-Поповский, который негодует и удивляется тому, с какой энергией члены государственной думы защищают свою депутатскую неприкосновенность, и есть агенты охраны, которые имеют смелость улюлюкать вслед арестованным народным представителям,—именно эта общественная обстановка, и только она, посадила Антипова на скамью подсудимых».

Дальше защитник говорит: «Прав член государственной думы Муранов в его словах, что много примеров у него было, когда за одно знакомство с с.-д. депутатом людей арестовывали и ссылали, но видно не вся еще это правда. Теперь мы можем сказать: за знакомство с социал-демократическим депутатом не только арестовывают и ссылают,—еще сажают на скамьи подсудимых по обвинению в государственном преступлении».

Прения сторон заканчиваются, и заседание закрывается. Нас снова уводят по камерам.

13 февраля мы снова являемся в суд. На этот раз нам приходится ждать судей гораздо больше, чем это было в предыдущие два дня. Между тем наступал решительный

момент процесса. Оставалось покончить с некоторыми формальностями и выслушать приговор. Поэтому наше настроение было довольно нервное и напряженное.

Среди лиц, находившихся на местах сзади судей, снова виднелся судебный следователь по особо важным делам Машкевич. У него в петлице фрака был прикреплен какой-то новый орден с цветной лентой, и на наш вопрос кто-то из наших защитников объяснил, что этот знак отличия Машкевич только на-днях получил за выполненную им работу по ведению следствия по нашему делу.

Судьи появляются в половине второго дня, и по открытии заседания председатель оглашает следующие вопросы суду:

«1) Виновен ли крестьянин Харьковской губернии, Волчанского уезда, Печенегской волости, Григорий Иванов Петровский, 36 лет, в том, что в 1914 г. в пределах Российской империи, состоя членом сообщества, заведомо для него, подсудимого, поставившего целью своей деятельности, согласно программе и уставу РСД Партии, насильственное изменение в России установленного основными законами образа правления на демократическую республику, при чем он, Петровский, в качестве члена сего сообщества и для осуществления его задач 4 ноября 1914 года участвовал на устроенном в квартире крестьян Гавриловых, в Озерках, в доме № 28, по Выборгскому шоссе, тайном собрании членов сообщества, в коем обсуждались предназначенные для посылки на места в местные организации сообщества составленные на основании директив Центрального Комитета сообщества положения о деятельности сообщества в течение настоящей войны, в коих положениях—после указания, что «с точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск»,—представляется необходимым «всесторонняя и распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и направления оружия не против своих братьев,—наемных рабов других стран,—а против реакции буржуазных правительств; безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках ячеек и групп в войсках всех наций и необ-

ходимая пропаганда, как одного из важнейших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и других, на-ряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты»?

2) Виновен ли мещанин г. Полтавы Матвей Константинов Муранов, 40 лет, в том, что тогда же и там же, состоя членом описанного в первом вопросе сообщества, зная о преследуемых им целях, при чем он, Муранов, в качестве члена сего сообщества и для обсуждения его задач 4 ноября 1914 г. участвовал в вышеупомянутом в первом вопросе собрании членов названного сообщества, с целью учреждения отдельных организаций сообщества в разных частях России,—объехал в 1914 г. Поволжье и Урал, во многих местах созывал тайные собрания народа, в которых разъяснял деятельность сообщества и призывал слушателей к революции; на Верхне-Исетском заводе создал организацию сообщества, составив для нее устав, согласно которому члены ее признают директивы Центрального Комитета сообщества; составил от имени трех отделов организации сообщества три мандата о посылке делегатов на предстоящий в Вене съезд рабочих, при чем в одном из них этих делегатов поручалось назначить Центральному Комитету сообщества, и хранил у себя в квартире, в г. Харькове, с целью распространения, заведомо зная содержание, три экземпляра воззвания, призывающего пролетариат вести борьбу как за прекращение войны, так и с обнаружившимся уже теперь стремлением русской реакции к захвату чужой территории под флагом освобождения подъяремных народов?

3) Виновен ли крестьянин Орловской губернии, Карачевского уезда, Юрьевского сельского общества, Алексей Егоров Бадаев, 31 года, в том, что тогда же и там же, состоя членом описанного в первом вопросе сообщества, зная о преследуемых им целях, при чем он, Бадаев, в качестве члена сего сообщества и для осуществления его задач, 4 ноября 1914 г. участвовал в упомянутом в первом вопросе собрании членов сообщества?»

В отношении остальных подсудимых: крестьянина Костромской губернии, Нерехтского уезда, Острецкой волости, Николая Романова Шагова, 32 лет; крестьянина Владимир-

ской губернии, Ковровского уезда, Бежневской волости, Федора Никитина Самойлова, 32 лет; потомственного почетного гражданина Льва Борисова Розенфельда [1]), 31 года; потомственного дворянина Валентина Николаева Яковлева, 22 лет; крестьянина Лифляндской губернии, Вольмарского уезда, Мецкюльской волости, Фрица-Александра Велюмова Линде, 22 лет; крестьянина Костромской губернии, Нерехтского уезда, Сорокинской волости, Ивана Алексеева Воронина, 28 лет; крестьянина Ярославской губернии, Любимского уезда, Ясинской волости, Ивана Яковлева Козлова, 35 лет; крестьянина Новгородской губернии, Старорусского уезда, Нивской волости, Николая Кириллова Антипова, 19 лет,— обвинение предъявлено по третьему вопросу.

В отношении обвиняемой Гавриловой обвинительный пункт формулирован следующим образом: «Виновна ли крестьянка Псковской губернии и уезда, Сидоровской волости, Ульяна Георгиева Гаврилова, 27 лет, в том, что, не принимая участия в описанном в первом вопросе сообществе, заведомо для нее преследовавшем описанные в том же вопросе цели, но достоверно зная участников сего сообщества, коим она 4 ноября 1914 г. предоставила устроить в своей квартире собрание членов сообщества для обсуждения касавшихся деятельности сообщества вопросов, без уважительных причин не довела об этих участниках сообщества до сведения власти?».

По оглашении этих пунктов защита ходатайствует об объявлении перерыва для ознакомления с редакцией вопросов.

После перерыва защита представила ряд ходатайств о дополнении вопросов по данным обвинительного акта, следствия и прений. Прокурор, соглашаясь на некоторые дополнения, возражает против большей их части. После повторных реплик сторон палата удалилась на совещание.

После продолжительного перерыва палата выносит следующее определение: «Обсудив замечания защиты, палата постановляет отказать в ходатайстве защитников о включении декларации фракции в государственной думе, как не

---

[1]) Л. Б. Каменева.

относящейся к делу, и статьи «Защита Интернационала» (из № 33 «Социал-Демократа») и пунктов III, IV и V. Остальные ходатайства защиты удовлетворяются, при чем в мотивах включения в редакцию вопросов цитат из статьи «Социал-демократия и война» указывается, что эта статья представляет собою окончательную редакцию отношения ЦК к вопросу о войне. В отношении подсудимых Яковлева, Воронина, Козлова и Линде-Печака поставлен дополнительный вопрос по признакам ч. 2-й ст. 164 уголовного уложения. После некоторых замечаний защиты палата признает редакцию вопросов окончательной и в 8 ч. 20 м. удаляется в совещательную комнату.

Мы остаемся ждать приговора. Зал для публики и хоры переполнены, и кажется, что вся публика вместе с нами охвачена настроением напряженного выжидания.

После удаления суда в совещательную комнату в зале суда очень скоро появляется большой наряд чинов полиции. Заняв все проходы между стульями среди публики, полицейские выстраиваются в полной боевой готовности.

— Что это значит?—задал я вопрос подошедшему к нам Н. Д. Соколову.

— А это меры предупреждения против возможной демонстрации протеста публики против приговора, — ответил он.

Проходит час, мы ждем приговора и кое о чем между собой беседуем, но беседа не очень клеится, мешает излишняя нервозность настроения. У Шагова порядочно убитый вид. У Гавриловой от излишней влажности немного больше, чем следует, блестят глаза. Стараемся их ободрить, но они поддаются этому плохо. Защитники куда-то частенько уходят и снова появляются. Вид у них кажется загадочным. Они молчаливы и на вопросы отвечают скупо и односложно. И ответы их неутешительны. Так, помню, на мой вопрос одному только что вернувшемуся откуда-то защитнику, что слышно, последний вполголоса ответил, что носятся нехорошие слухи, нужно быть готовыми к худшему, и т. д.

Время идет и идет, и, когда нервозность нашего настроения достигает довольно изрядной высоты, в $11^1/_2$ час. вечера, наконец, появляется суд, и в наступившей мертвой

тишине всего зала председатель Крашенинников читает следующий приговор суда:

«Члены государственной думы Петровский, Муранов, Бадаев, Шагов, Самойлов, а также Розенфельд [1]), Яковлев, Линде и Воронин на основании ч. 1-й ст. 102 уголовного уложения приговариваются к ссылке на поселение. Гаврилова и Антипов признаны виновными по ч. 2-й ст. 136 уголовного уложения (за недонесение) и приговорены к крепости: Гаврилова—на 1 год 6 месяцев, Антипов—на 8 месяцев с зачетом предварительного заключения обоим. Антипов и Козлов признаны по ст. 102 оправданными за недоказанностью. Приговор по вступлении его в законную силу будет представлен на высочайшее благовоззрение. В окончательной форме приговор будет объявлен 20 февраля. Мера пресечения по отношению ко всем подсудимым, кроме Козлова, оставлена без изменения. Козлов объявлен свободным».

Ожидавшие гораздо более суровой кары и довольно основательно уже приготовившиеся к этому, мы были порядочно поражены этой неожиданной «мягкостью» приговора. Стало ясно, что приходит конец тюрьме, что ссылка все же не то, что тюрьма, и наше настроение быстро меняется к лучшему. Только Гаврилова попрежнему невесела, ей предстояло еще длительное тюремное заключение.

После выслушания приговора Петровский сделал заявление, что все подсудимые уполномочивают своих защитников подать кассационную жалобу. Потом заседание суда закрывается, мы прощаемся со своими защитниками, с освобожденным Козловым, киваем головой публике, и нас снова уводят в тюрьму [2]).

Идя в тюрьму я чувствовал и полностью сознавал, что только теперь, после выслушания приговора, в нашем положении стало все ясно. Ясно, что мы больше не депутаты, «представители народа», а осужденные «преступники», побежденные пленники, попавшие в руки врага, лишенные всех прав, в том числе права свободного передвижения с места на место, права выбирать по собственному желанию

---

[1]) Л. Б. Каменев.

[2]) См. приложение № 6. „В. И. Ленин о процессе РСДРФ IV гос. думы".

себе работу и т. д. Это моментами создавало невеселое настроение, но мысль о том, что ссылка, хотя бы «вечная», все-таки не тюрьма, не угрюмые стены одиночки, а «воля», какая бы урезанная она ни была,—эта мысль немного окрыляла и не давала падать настроению.

Не предвидя, когда и где удастся и вообще удастся ли встретиться вновь, в главном коридоре тюрьмы не без волнения все мы крепко обнялись и попрощались друг с другом, и, впредь до отправки «на вечное жительство» в далекую неведомую Сибирь, тяжелые двери одиночных камер снова скрыли нас от всего внешнего мира.

IX.

СОЗЫВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К НАШЕМУ ДЕЛУ. — ПЕЧАТЬ О НАШЕМ ДЕЛЕ. — ПЕРЕВОД В «КРЕСТЫ». — ТЮРЕМНАЯ БОЛЬНИЦА.

В период, когда происходившее по нашему делу следствие было уже закончено, 27 января 1915 г., после длительного перерыва (с июля 1914 г.), правительством Николая II была созвана государственная дума для того, чтобы только получить ее согласие на расходование народных денег для ведения войны. «Народные представители» от крайних правых черносотенцев вплоть до самых левых либералов, вместо того, чтобы протестовать против произведенного правительством прямого нарушения основных государственных законов нашим арестом, не позволили даже внести запрос правительству о нашем аресте: кадеты отказались подписаться под запросом меньшевиков по поводу нашего ареста, и за малочисленностью подписей (требовалось не меньше 33) запрос не был внесен. Речи же Чхеидзе и Керенского по бюджету, главным образом благодаря тому, что в них указывалось на незаконность нашего ареста, не были разрешены к опубликованию председателем государственной думы. Таким образом государственная дума заняться нашим вопросом не пожелала, она просто обошла его молчанием, как будто ничего особенного не произошло.

Все это, имевшее определенную связь с нашим арестом, волей-неволей служило революционизирующим фактором, в той или иной мере толкавшим влево оставшихся в думе с.-д. меньшевиков и даже отчасти трудовиков, и, несомненно, это сыграло известную роль в том, что меньшевики голосовали против бюджета, за исключением Н. Манькова, заявившего с думской трибуны, что он не согласен с заклю-

чительным пунктом декларации с.-д., говорящим о голосовании против бюджета, за что тогда же и был исключен из фракции с.-д. меньшевиков [1]). А трудовики, несмотря на их ярко-патриотическую позицию по вопросу о войне, от голосования бюджета воздержались.

Вся остальная часть государственной думы после целого потока самых «архипатриотических» речей голосовала за бюджет единогласно, и, после посылки приветственной телеграммы «государю императору», 28 января государственная дума распускается до 15 октября того же года. Все ее члены от крайних правых до крайних либералов поют гимн «Боже, царя храни» и спокойно, с полным сознанием «исполненного долга перед страной», оставляют зал заседания.

Либеральные газеты (напр., «Русские Ведомости») после нашего суда писали о том, что, хотя полной гласности суда и не было, но суд над нами все же дал возможность достаточно ясно ознакомиться, что в с.-д. партии существуют большие разногласия и что нас обвиняли за причастность к внедумской организации с.-д. партии и т. п. («Русские Ведомости», № 37 за 14 февраля 1915 г.) А черносотенные газеты (напр., «Земщина»), несмотря ни на что, продолжали обвинять нас в государственной измене и приписывать нам «организацию широкого плана разгрома России» и т. д.

Когда я после приговора суда, в 12 ч. ночи, вернулся в свою камеру, мой старик еще не спал, и когда на его вопрос: «ну, как дела?» я сообщил ему содержание приговора, он повесил голову. У него почему-то была иллюзия, что нас могут оправдать, хотя я все время старался разъяснить ему, что этого быть не может, но старик с этим никак не соглашался.

— Что же это такое?—говорил он по этому поводу.— Вы ведь ничего не сделали плохого. Ну, если уж депутатов

---

[1]) Туляков от имени с.-д. фракции меньшевиков с думской трибуны заявил: „С.-д. фракции неоднократно приходилось с трибуны государственной думы излагать те принципиальные мотивы, по которым она голосует против бюджета. Исключительная обстановка, созданная политикой правительства в стране, особенно наглядно выразившейся в аресте 5 с.-д. государственной думы, еще более укрепляет нас в нашей позиции и обязывает голосовать против бюджета".

посылают на каторгу только за то, что к ним иногда приходят поговорить о разных делах несколько знакомых товарищей, так уж скоро, должно быть, будут хватать с панели и посылать в каторгу всех, чья рожа нехороша.

Когда я сказал старику, что я доволен приговором, он был крайне удивлен.

— Я не понимаю вас, Ф. Н.,—говорил он на это,—вы должны были с суда уйти на квартиру, а вас ни за что посылают навечно, бог знает куда, и вы еще спасибо за это хотите сказать.

— Нет,—возражал я,—спасибо сказать тут не за что. Я хочу тебе сказать, что я доволен уж тем, что каторгу не дали, а ведь я этого ожидал и к этому себя готовил.

Старик так и не мог утешиться этими моими доводами и продолжал быть угрюмым и печальным.

На другой день я отправился в ванну, и, когда я был уже в ванной комнате, прислуживающий уголовный, проходя мимо меня, нагнувшись к моему уху, шепнул:

— Что, картонка, что ли?

Я сначала не понял и вопросительно посмотрел на уголовного. Поняв мой взгляд, он снова тихо добавил:

— Вам дали-то картонку, что ли?

Догадавшись, что картонка на тюремном жаргоне—каторга, я ответил:

— Поселение.

— Ну, это еще хорошо, хотя тоже неправильно,—сказал он и что-то хотел еще добавить, но грозный окрик надзирателя заставил его быстро от меня отойти.

Из этого мне стало ясно, что нашим делом интересовалось, не только живущее за стенами тюрьмы «свободное население», но и население тюрьмы, «мир отверженных». И в этом мире следили за нашим процессом, интересовались нашей судьбой, стараясь так или иначе с ней ознакомиться.

В результате пережитых, в связи с судом, порядочных волнений, мое здоровье еще сильнее ухудшилось, участились мигрени, усилились по ночам сердечные припадки и изрядно испортился желудок. Поэтому через короткое время после суда, по освидетельствовании врачом, я был переведен из дома предварительного заключения в «Кресты».

Старику не хотелось расставаться со мной. Он уговаривал меня остаться и не уходить от него. Но болезнь вынудила меня оставить «Предварилку». Прощаясь со мной, старик плакал; я, утешая его, говорил, что, может быть, еще встретимся, но он высказывал в этом сомнение и был прав. Я больше его уже никогда не видал.

В «Кресты» отправили меня в закрытом автомобиле, без окон. Но, проезжая по Литейному проспекту и через Литейный мост, в маленькое отверстие впереди, через спину конвойного солдата, я все же имел возможность видеть кусочек Литейного моста и покрытой льдом и снегом Невы. Охватило сильное желание не ехать дальше, остаться тут на улице, влиться в толпу снующих с озабоченными лицами взад и вперед прохожих или, по крайней мере, подольше остаться на улице, потише ехать. Но машина идет быстро. Мост пролетели скоро, едем какими-то улицами. Вот и остановились. Открывается боковая дверка, смотрю,— уже ворота тюрьмы. Они быстро открываются, и под конвоем солдат я вхожу во двор знаменитой «одиночной тюрьмы Крестов».

Громадное крестообразное, в шесть этажей, здание тюрьмы отделено от остального мира высокими каменными стенами, такими же, как и дом предварительного заключения. Здесь тот же особый мир, в котором тысячи людей живут особой жизнью, в тех же особых условиях строгого подчинения регламентирующим эту жизнь особым тюремным законам, указаниям и распоряжениям тюремного начальства.

Меня привели в тюремную больницу и здесь записали, переписали мои вещи, и затем, в сопровождении надзирателя, я отправился в больничную палату. Пройдя довольно большое расстояние по коридору, мы остановились у палаты, кажется, № 6 с железно-решетчатой дверью. Надзиратель открыл дверь, и мы вошли в помещение. Это было помещение шагов в 15 в длину и 12 в ширину, с одним выходящим во двор, на солнечную сторону, большим окном, отчего в палате было почти так же светло, как в обыкновенной жилой комнате, хотя окно было с большой железной решеткой; но то, что оно имело обычную величину и форму окна жилого помещения и что сквозь него в палату свободно

проникали лучи солнышка, после нескольких месяцев, проведенных мною в полутемных мрачных камерах «Предварилки»,—это обстоятельство произвело на меня хорошее впечатление и сразу же изменило мое настроение в лучшую сторону.

В палате было четыре койки. Все они были уже заняты. На одной из них лежал с парализованными ногами уголовный заключенный. На другой—молодой еще человек с трясущимися при ходьбе ногами. На третьей—сильно худой мужчина лет 30—32 с туберкулезом легких. Четвертую койку занимал еще паралитик с плохо двигающейся левой ногой, мужчина лет 45—50. Пятой койки не было, и меня поместили на полу у свободной стены.

Когда ушел надзиратель, я стал знакомиться с моими новыми сожителями (фамилии их теперь уж не помню). Оказалось, что все они—уголовные и сидят уже давно (некоторые уже по нескольку лет). Все заболели уже в тюрьме. Из завязавшегося общего разговора я пришел к выводу, что мои новые сожители простые, в общем, недурные люди. А между тем, сидели они все за дела предосудительные, некрасивые, и этого они и не скрывали. Так, туберкулезный сидел за какие-то кражи, безногий за кражу лошадей, сопряженную с убийством, другой пожилой паралитик—за какое-то мошенничество. Молодой парень тоже за какое-то некрасивое дело. На первый взгляд мне это показалось странным, и я объяснил себе их преступления тем, что преступниками людей делают условия, в которых они живут.

В этой новой обстановке мое душевное состояние стало значительно лучше, несмотря на мою физическую слабость.

На другой день меня отправили в амбулаторию на медицинский осмотр. Там меня освидетельствовал старший врач тюрьмы, проф. Митропольский, и прописал лекарство, после чего я снова явился в свою палату, и потянулись дни в новой больничной обстановке. Время проходило во всевозможных разговорах с соседями, и преобладающей темой этих разговоров была тема «об освобождении», о жизни «на воле»,—там, за стенами тюрьмы. Все верили в это «освобождение», от доживающего последние месяцы, а может быть, и недели моего туберкулезного соседа и безногого

паралитика, имевшего бессрочную каторгу, до молодого парня с трясущимися ногами,—все верили и мечтали об «освобождении» вслух, мечтам этим не было конца, и от этого получалось впечатление (и это совершенно верно), что люди эти живут только надеждой «на будущее»,—«на будущее», которое есть только там, за высокими стенами тюрьмы, где нет ни замков, ни решеток, и вне этого «будущего» мои соседи не мыслили жизни. Да, впрочем, этим «будущим» жили не только мои соседи по палате, а и все остальные обитатели тюрьмы. Так, напр., однажды мне пришлось встретиться в коридоре (здесь это было можно) с уголовным каторжанином, имевшим 20-летнюю каторгу, и на мои вопросы, как он себя чувствует и надеется ли отбыть свой длинный срок наказания, он отвечал, что хотя его здоровье и неважное, но что выйти на волю он все-таки надеется: «Срок весь отбыть, конечно, трудно, но я надеюсь, что будут какие-нибудь манифесты об амнистии, которые должны будут освободить меня раньше срока».

На прогулки здесь давалось минут 40, и гулять можно было на открытом дворе, тут же под окнами больницы.

В это время был март, и лучи солнышка, проникая сквозь железную решетку окна в палату, довольно долго в ней задерживались, ярко освещая помещение и создавая повышенное настроение ее обитателей. Особенно усиливались в такие часы мечты «о будущей жизни на воле». Туберкулезный, напр., говорил в такие минуты, что его положение вовсе не тяжелое, легкие его вылечить вполне возможно, что для этого стоит только перевестись на Юг в одну из крымских тюрем, и там он очень быстро может поправиться, что об этом он будет писать прошение, и т. д. Безногий мечтал о переводе в специальную лечебницу, где он может вылечить свои неподвижные ноги. Молодой парень говорил, что ему стоит только выйти на волю, как он очень быстро станет ходить, и т. д., и т. п.

На ночь туберкулезный принимал порошки от кашля и мазал иодом свою больную грудь и бока, но, несмотря на это, он по ночам очень сильно кашлял и мешал другим спать. Был он очень нервный и иногда по пустяку вступал в перебранку с безногим. Отвечая на какое-нибудь, большею

частью шуточное, замечание безногого, вроде: «ты уж, братец мой, скоро залечишься на тот свет», туберкулезный говорил:

— Какое тебе дело! Ты лежишь, как пень, и лежи.

— Сам ты пень!—отвечал на это безногий.

— Я вот хожу еще на своих ногах,—говорил дальше туберкулезный,—и не заставляю других таскать себя, как полено деревянное, и все могу делать сам, а ты только ешь да ....., и больше ни на что не способен.

— Да тебя бацилла заела, скоро она тебя совсем съест,— кричал, уже приходя в раздражение, безногий. И так продолжалось пока кто-нибудь из остальных не вмешивался в перебранку.

В коридоре, недалеко от нашей палаты, имелись палаты-изоляторы для буйных психически-больных, и в одном из этих изоляторов какой-то больной очень часто шумел, стучал и произносил бесконечно длинные, бессвязные и бессмысленные речи; он порядочно нервировал нас, и мы уже подумывали обратиться к администрации больницы с заявлением о том, чтобы убрали от нас подальше этого больного.

В этот период однажды утром к нам привели нового больного, какого-то молодого паренька, лет 18, в ученической форме. Он мне сразу показался каким-то странным. Когда ушел приведший его надзиратель, он сначала поводил вокруг себя каким-то пустым, безразличным взглядом, который как будто ничего не видел и не понимал, потом сел к окну на табуретку лицом к двери и, уставившись глазами в одну точку, как бы застыл в этом положении. Проходит несколько минут—он не двигается. Мы все смотрим на него и молчим. Прошло с полчаса—он не двигается с места и продолжает смотреть в одну точку. На окрики: «эй, земляк, ты что повесил нос?» и им подобные—ответа нет. Проходит еще несколько минут—молодой парень с трясущимися ногами слезает с койки и, со словами: «эй, товарищ», толкает его в локоть правой руки. После этого новый больной моментально вскакивает и с каким-то диким криком кидается к парню. Тот ловко увертывается и быстро вскакивает на свою койку. Тогда новый больной, неистово выкрикивая бессвязные, непонятные слова, вдруг начинает пля-

сать и прыгать по палате. Озадаченные этим, мы сначала несколько минут растерянно смотрим на него, потом кто-то предлагает вызвать надзирателя и потребовать убрать от нас нового больного. Все соглашаются с этим, и надзиратель вызывается. А больной с диким бессмысленным выражением лица и тупым, как бы остеклевшим взглядом продолжает свою страшно нервирующую всех окружающих пляску.

Вскоре является надзиратель, и на его вопросы, в чем дело, ему отвечают, указывая на пляшущего: «уберите от нас этого, нам сумасшедших не надо». При появлении надзирателя больной стал несколько тише, но все-таки продолжал свое дикое веселье. На уговоры надзирателя перестать шуметь он вначале не обращал внимания, но потом все-таки прекратил пляску и затих. Мы решительно требовали, чтобы надзиратель увел его. Надзиратель вначале не соглашался, но потом, взяв его за талию, вывел из палаты, и больше мы его не видали. Что это был за больной,—точно я до сих пор не знаю, но, по полученным откуда-то моими сожителями сведениям, это был уголовный арестант, убивший из ревности какую-то девушку, и затем, в результате долгого сидения в одиночке он или действительно сошел с ума, что тогда нередко наблюдалось, или же с целью избавиться от угрожавшего ему наказания симулировал сумасшествие, что тогда в тюрьмах также нередко случалось.

Несмотря на относительную перемену обстановки, состояние моего здоровья продолжало ухудшаться. Плохой аппетит, сердечные припадки и общая слабость продолжали меня сильно беспокоить. Врач в палату заходил частенько: осматривал больных, прописывал лекарства и уходил. Кроме того, я нередко и сам ходил в амбулаторию и беседовал там с врачом. Затем меня взвешивали, и каждый раз весы показывали убавление веса, а врач говорил, что в тюрьме меня лечить очень трудно и что я мог бы поправиться только на воле, и т. д. Между тем, было еще неизвестно, сколько времени придется быть в тюрьме, так как время высылки зависело всецело от усмотрения властей, и это обстоятельство, в связи с моей болезнью, сильно меня беспокоило и еще больше усугубляло мое болезненное состояние.

Старшего врача, повидимому, тоже начало несколько

беспокоить мое положение, ибо до известной степени он был заинтересован в том, чтобы заключенные больные, хотя бы известный процент их, вылечивались. И вот однажды утром, в установленное время, к нам в палату явился старший врач и, осмотрев меня, сказал:

— Ну, вас придется перевести отсюда в другое место, вы все слабеете и слабеете и, чего доброго, схватите здесь цынгу, тогда придется за вас отвечать. Сегодня вас переведут в хирургическое отделение.

— Почему в хирургическое, разве мне нужна какая-нибудь операция?—спрашиваю я.

— Нет, вам операции никакой не нужно, но там почище, воздуху побольше, поудобнее и кормежка получше,—отвечает он.

— Ну, хорошо,—говорю я, и врач уходит.

Некоторые из хорошо осведомленных в этом деле моих сожителей, по уходе врача, сообщили мне, что в хирургическом отделении действительно лучше, и что очень хорошо, что меня туда переводят.

После обеда пришел надзиратель и сказал:

— Кто тут Самойлов?

— Я.

— Собирайтесь и пойдемте со мною в хирургическое отделение.

Я собрался, распростился с моими сожителями, и мы с надзирателем вышли из палаты и, пройдя коридором через широкий двор тюрьмы, направились в другое здание. Это здание оказалось еще новым, недавно сложенным из красного кирпича, и в нем-то и находилось хирургическое отделение тюремной больницы. Когда мы вошли в помещение, еще в коридоре я убедился, что тут действительно гораздо лучше. Помещение очень высокое, пол коридора был каменный, из разноцветных плиток, стены чистые, белые,—светло. Пройдя по коридору, мы остановились у двери последней палаты в конце коридора. Надзиратель открыл дверь, и мы вошли в довольно большую комнату (шагов десять в длину и восемь в ширину), с высоким потолком и большим окном с решеткой, выходящим на двор, на солнечную сторону. Через окно было видно несколько находящихся по

соседству деревянных помещений больницы (как оказалось позднее, это были специальные бараки для туберкулезных). Пол комнаты был деревянный, окрашен в темно-красный цвет, стены и потолок белые, у боковых стен две койки, одна против другой, с расстоянием шага в два-три между ними.

При появлении в палате нас с надзирателем лежавший перед этим на одной из коек высокий, богатырского сложения, лет сорока пяти мужчина встал и, сделав шага два нам навстречу, остановился и с любопытством окинул меня взглядом. «Здравствуйте!»—сказал надзиратель, обращаясь к мужчине. «Здравствуйте»,—ответил тот. «Вот вам нового соседа привел»,—добавил надзиратель. «Очень приятно»,—ответил богатырь. Надзиратель, обращаясь ко мне и указывая на стоящую у левой стены свободную койку, сказал: «Вот вам койка. Раздевайтесь и ложитесь». С этими словами он повернулся, вышел из палаты, и дверь тотчас же закрылась.

По уходе надзирателя новый сожитель-богатырь подошел ко мне и, протягивая мне руку, сказал:

— Ну, будем знакомы, сосед,—меня зовут Леонтий Николаевич (он назвал и фамилию, но я теперь ее уже не помню), а вас как?

В свою очередь, я подал ему руку и назвал себя.

— За что сидите?—спрашивает меня Л. Н. Я объяснил ему.

— Ага!—воскликнул он.—Значит, мы одного поля ягоды.

— Разве вы тоже политический?—спрашиваю я.

— А как же, как же, я тоже политик, политик, политик, Ф. Н.

— А по какому делу сидите?—спрашиваю я.

— Я церковных канонов не признаю, я—диакон, диакон, и сижу за незаконные венчания. Принимал участие в нескольких так называемых незаконных венчаниях.

— Так,—говорю я,—но за это ведь вам, наверное, деньги платили?

— Да, да, платили, платили, как же не платили,— отвечает он.

— Где же тут политическое-то преступление? Вы просто зарабатывали хорошие деньги на этом деле и все,—говорю я.

— Нет, что вы!—возражает он.—Я это делал вопреки церковных канонов, значит, я тоже политик.

Я засмеялся, он тоже здоровенным басом громко захохотал, повторяя:

— Политик я, хо-хо-хо, политик тоже, хо-хо-хо, одного с вами поля ягода, хо-хо-хо.

Из этого первого моего разговора с моим новым сожителем я понял пока только то, что он—человек веселый и простодушный, и я не ошибся. В дальнейшем Л. Н. оказался именно таким и по-своему честным, добрым и хорошим человеком. Главными его хорошими качествами были постоянная, неизменная веселость и простодушие. Поэтому я с ним очень скоро недурно сжился. Он был осужден на три с половиной года арестантских рот и до момента моего прибытия в хирургическое отделение в тюрьме просидел уже около двух лет, и ему предстояло еще немало сидеть. Тем не менее, за все время сидения с ним в одной палате (около трех месяцев) на его лице я ни разу не замечал ни малейшей тени уныния, напротив, оно всегда было неизменно оживленным и веселым. Он вечно шутил и смеялся, и его веселый заразительный хохот хорошо действовал и на меня. Болен он был сужением мочевого канала и находился на излечения в больнице несколько месяцев еще до меня. В хирургическом отделении было несколько палат, и все они были наполнены больными уголовными. Из политических заключенных за все время моего пребывания в тюремной больнице я встретился только с одним,—это был некий товарищ Гвоздев. У него была тяжелая опасная болезнь сердца, от которой, как я узнал позднее, он там и умер.

Некоторые палаты, в том числе и наша, были открыты целый день и запирались только на ночь. Поэтому мы с соседом днем могли свободно ходить по коридору.

На прогулки полагался один час, и они были общие, т.-е. все могущие двигаться больные гуляли вместе на открытом дворе и, наблюдая во время этих прогулок за этой публикой «из мира отверженных», приходилось встречать немало интересных по-своему типов. На дворе стоял конец марта. Светило солнышко. Среди дня сильно капало с крыш, и по двору кое-где текли ручейки. Кое-где на

крышах и деревьях звонко чирикали воробьи и ворковали голуби. Словом, обстановка для прогулок была недурная, но ее портили деревянные бараки для туберкулезных, вблизи которых приходилось гулять. Бараки эти были полны тяжелыми больными, среди которых смертность была очень высокая. Из окна нашей палаты мы с сожителем часто видели, как из бараков выносили гробы с умершими, а на прогулках было видно много страшно худых и бледных людей, выглядывавших из окон бараков. Это были слабые туберкулезные больные, уже не могущие выйти на прогулку, и их наружный вид совершенно ясно говорил о том, что их «песня уже спета», что они доживают свои последние дни. Между ними и гуляющими из нашего хирургического отделения уголовными всегда происходил какой-нибудь наводящий жуть разговор вроде:

— Эй, Иванов, здравствуй,—кричали со двора.

— Здравствуй,—отвечал слабый голос из окна бараков.

— Еще жив?

— А ты не видишь?

— Вижу, вижу!

— Ну, так что же спрашиваешь?

— А почему не видно Петрова?—слышалось со двора.

— Умер вчера, уже вынесли,—отвечают из окна.

— Умирал-то весело?—спрашивают со двора.

— С плясом,—слышится из окна.

Эти сцены всегда наводили на тяжелые размышления и сильно портили настроение. На прогулках всегда было несколько человек кандальников, и вид и звон тяжелых кандалов тоже производили невеселое впечатление, но это было только с непривычки, а потом ничего, тем более что и сами кандальники никакого особого упадка духа или недовольства своей судьбой ничем не выказывали.

Из медицинского персонала в хирургическом отделении были два фельдшера, сменявшие друг друга, и лишь изредка бывал в отделении врач; из охраны были два надзирателя, также сменявшие друг друга, и изредка же заглядывали в отделение еще двое старших надзирателей.

Как с медицинским персоналом, так и с низшими агентами охраны у Леонтия Николаевича, моего сожителя, были

налажены хорошие отношения. Поэтому с их стороны он пользовался большим вниманием и разными льготами; наприм., фельдшера к нему заходили гораздо чаще, чем в другие палаты, и были вообще более внимательны к нему, чем к остальным больным. Надзиратели также делали Л. Н. всякие льготы, напр., приносили незаметно газеты (что было строго воспрещено), покупали и приносили по его просьбе разные продукты и т. д. Это расположение низших чинов медицинского персонала и охраны было куплено разными подачками, в виде передаваемых в тюрьму Л. Н. от его семьи разных продуктов. И это благожелательное отношение низшей администрации и медицинского персонала по необходимости до некоторой степени распространялось и на меня, как соседа Л. Н., и я чувствовал себя в обществе его довольно свободно и удобно. Но если Л. Н. жил мирно с низшей тюремной администрацией, то с высшей он вел постоянную борьбу за право на некоторые свои привилегии, вроде нескольких лишних минут свидания с членами его семьи и т. д. По такого рода поводам он особенно упорно воевал с одним из помощников начальника тюрьмы. Он писал на него жалобы высшему тюремному начальству, требовал его увольнения и т. д., а ему самому посылал ругательные письма и пр. В этой борьбе Л. Н. пользовался поддержкой каких-то «сильных мира сего», находившихся в Петрограде и в других местах, и в разговоре со мной Л. Н. часто хвалился тем, что он скоро покажет его противнику, что такое он, Л. Н., и т. д. Но в действительности вышло другое. В конечном результате Л. Н. потерпел полное поражение и из больницы был снова переведен в тюремную камеру. Я остался один, и стало снова скучнее без веселого, жизнерадостного соседа. Моя палата стала как бы мрачнее и однообразнее, и настроение мое значительно ухудшилось.

Среди уголовных хирургического отделения был человек, занимавшийся доносами тюремному начальству на заключенных, своих сожителей. Это был здоровый, высокого роста, лет 45 мужчина (фамилии его уже не помню). Про него заключенные говорили: «Он стучит», т.-е. доносит, его все ненавидели и иногда открыто угрожали ему расправой.

И вот этого «стуколку», как его называли заключенные, через несколько дней после перевода в тюрьму Л. Н. посадили ко мне в палату. Я был этим очень недоволен, но делать было нечего,—пришлось мириться. Разговаривать с ним было не о чем, да и не было к этому никакой охоты, и сидеть с ним было очень неприятно и скучно. Был он очень дикий и грязный, сморкался прямо на пол и, несмотря ни на какие мои замечания, палату он очень скоро сильно загрязнил. Он часто приносил какие-то так называемые «духовного содержания» книги и, не справляясь, хочу я этого или нет, читал эти книги вслух. Я пробовал ему дать понять, что я человек не религиозный, и что поэтому его книги никакого интереса для меня не представляют, но он продолжал свое чтение и порой очень мне этим надоедал, и я с нетерпением ждал того момента, когда, наконец, будут закончены последние формальности с нашей кассационной жалобой и нас отправят в Сибирь.

X.

НАША КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА В СЕНАТЕ. — СНОВА В «ПРЕДВАРИЛКЕ».—НОВЫЙ СОЖИТЕЛЬ.—СБОРЫ И ОТПРАВЛЕНИЕ В СИБИРЬ.

Жалоба наша была подана в сенат 9 марта от 9 человек, так как Гаврилова и Антипов подчинились приговору и к нашей жалобе не присоединились. Главными нашими соображениями, по которым жалоба была подана, были протянуть время и лишний раз напомнить о себе в печати. О каких-либо благоприятных результатах для нас от нашей жалобы мы, конечно, и не думали. И вот 14 апреля в четвертом отделении уголовно-кассационного департамента сената наша жалоба была рассмотрена. Никто из нас, жалобщиков, несмотря на наше заявление о желании присутствовать при разборе жалобы, в суд вызван не был. Наши главные защитники в судебной палате, Соколов и Керенский, на этот раз находились только среди публики, ввиду временного запрещения им адвокатской деятельности за известную, вынесенную советом присяжных поверенных резолюцию по делу Бейлиса.

Председательствовал на суде сенатор Бахтиаров, в качестве членов были сенаторы: Глищинский и Глиднер, докладчиком был сенатор Руадзе, заключение давал товарищ обер-прокурора Резников, жалобу поддерживали два присяжных поверенных—петроградский М. Л. Гольдштейн и московский А. Р. Ледницкий. Кассационными поводами было отсутствие состава преступления, так как никаких решений, принятых на нашем совещании в Озерках, в нашем деле не было, и т. д. После довольно продолжительного совещания жалоба наша была «оставлена без последствий», о чем в скором времени нам и было официально объявлено, и с этого момента мы

уже официально перешли в разряд бесправных, «вечных поселенцев» Сибири, и оставалось только нас туда отправить. В ожидании этого я продолжал оставаться в больнице.

Прошли апрель и май, а время отправки мне все еще было неизвестно. Между тем мое здоровье все ухудшалось и ухудшалось. Вес убывал, и здоровье было очень плохо. На мои вопросы врачу, как быть, последний отвечал: «Все зависит от того, как скоро вас отправят в Сибирь: если недолго ждать, то в Сибири вы можете поправиться, а если долго, то дело будет очень плохо». Когда прошла половина июля, нам стало известно, что нас скоро отправят. Ввиду особой физической слабости, я думал просить разрешения ехать на свой счет в сопровождении хотя бы фельдшера, но присутствовавший на моих свиданиях жандармский офицер советовал мне ехать вместе с остальными моими сопроцессниками. Я так и решил поступить.

Недели за две до нашей отправки меня снова переправили в дом предварительного заключения и при отправке сначала привели в помещение какой-то тюремной конторы, где я встретил еще нескольких лиц, отправляемых в разные места из «Крестов». Среди них было двое политических (к сожалению, не помню их фамилий). Они отсидели в «Крестах» по нескольку лет и, кажется, уже выходили на волю. Я спросил одного из них:

— Ну, как вы себя чувствуете?

— Да я ничего, только грудь побаливает, а вон товарищ-то мой не очень хорош,—ответил он.

— А что же такое?—спрашиваю я.

— Да что-то с мозгами нехорошо, серьезно заболел психически,—ответил он.

Я посмотрел на больного: у него был какой-то безучастный ко всему вид. Глаза его блуждали вокруг, перескакивая с предмета на предмет. Я хотел у него что-то спросить, но в этот момент пришел надзиратель и их обоих увел, а меня скоро, вместе с несколькими другими заключенными, в закрытом автомобиле отправили в дом предварительного заключения. Я так был утомлен этим переездом, что, по прибытии туда, еле держался на ногах. И когда конвойный солдат скомандовал: «Забирай вещи и марш вперед!»—я за-

явил, что я не могу итти с вещами. На последовавший на это окрик конвойного: «Слушать и не разговаривать!» я категорически повторил свое заявление. Солдат сделал свирепое лицо, но, видя особо решительное выражение моего лица, отвернулся и крикнул находившимся тут же нескольким уголовным: «Возьми и тащи вещи!». Один из последних взял мои вещи и понес, а я медленно пошел вслед за ним. Меня провели сначала в контору, потом в камеру и оставили одного. Было уже далеко за полдень; я лег на койку и не вставал до утра следующего дня. Утром на другой день, проснувшись рано, я оделся, умылся и, получив кипяток и напившись чаю, стал тихо шагать по камере. В это время явился надзиратель и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ну, господин Самойлов, пойдемте переодеваться.

— То-есть как это переодеваться?—спрашиваю я, немного недоумевая и не понимая, в чем дело.

— В казенную одежду,—ответил он.

Я понял, что на меня хотят одеть арестантскую одежду, и быстро вышел вместе с надзирателем из камеры. Скоро мы пришли в кладовую, где из множества серых парусиновых арестантских брюк, бушлатов и фуражек надзиратель предложил мне выбрать самому брюки, бушлат и фуражку. Примеривая вещи, я быстро выбрал для себя наиболее подходящие, и мы снова отправились в мою камеру. Там я переоделся во все казенное и приобрел, наконец, вид «настоящего арестанта». И в этот же день я на практике убедился, что значит на деле этот арестантский вид. Когда я вышел в сопровождении надзирателя во двор и вошел в один из прогулочных треугольников, старший надзиратель вдруг неожиданно закричал: «Снять фуражку!». В недоумении я оглядываюсь кругом и в одной стороне двора, сквозь частокол треугольника, вижу удаляющееся какое-то тюремное начальство. «Когда подходит начальство, нужно фуражку снимать!»—кричит дальше надзиратель. Этого никогда раньше не было. Я молча стоял и внешне никак не реагировал на всю эту историю, но вполне понял, что причиной такого отношения ко мне представителя тюремной стражи был мой арестантский костюм «лишенного всех прав».

Самочувствие мое продолжало оставаться очень скверным,

и по ночам продолжали бывать сердечные припадки. Поэтому день на третий по прибытии из «Крестов» ко мне в камеру посадили уголовного. Это был молодой парень лет 22-х, по фамилии Кулагин. Он в нужную минуту мог оказывать мне необходимую помощь.

В обращении со мной он был довольно недурным человеком, но сидеть с ним пришлось недолго, так как 3 июня 1915 г. я вместе со всеми моими товарищами-сопроцессниками был вызван в контору, где нам объявили, что на следующий день (4 июня) мы будем отправлены в Сибирь, прямо из «Предварилки». Нашим женам было сообщено, что нас отправят числа 6-го. Нам стало ясно, что это было сделано для избежания каких бы то ни было проводов, могущих быть устроенными нашими товарищами.

Еще за несколько дней до этого мы писали заявления о разрешении нам ехать в Сибирь в своей одежде и обуви. Но нам в этом было отказано. Разрешено было иметь только свои ботинки или сапоги, вместо обычных тюремных «котов», и нижнее белье, а верхнее платье (арестантский халат из серого казенного сукна, брюки и фуражку) пришлось одеть казенное. Всем остальным нашим товарищам не было разрешено даже и этого, и им пришлось одеться во все казенное.

Утром на другой день мы были подвергнуты дактилоскопии, т.-е. при помощи туши произведены были снимки форм наших пальцев, рук и всей кисти. Потом после обеда явился врач и осмотрел все наружные части тела, с целью выяснения, нет ли каких «особых примет».

После этого я уложил в переданный мне женой мешок (или, по-тюремному, «майдан») белье, одел новое арестантское платье и, в ожидании вызова в контору тюрьмы, стал медленно шагать из угла в угол по камере. Размышляя о предстоявшем дальнем путешествии, которое должно было навсегда оторвать нас от родных мест, я все-таки чувствовал себя довольным тем, что так или иначе предстояло, наконец, вырваться из мрачных стен одиночки.

Скоро явился надзиратель и сказал:

— Ну, господин Самойлов, готовы?

— Да,—ответил я.

— Так забирайте свои вещи и пойдемте в контору,— добавил надзиратель.

Я взял на плечи свой мешок и вместе с надзирателем вышел из камеры. Ну, прощай тюрьма! Может быть, больше уже не встретимся,—думал я, идя по коридору за надзирателем. Надзиратель шел быстро, мне со своим мешком на плечах поспевать за ним было трудно, и я уже собирался ему об этом сказать. Но в это время в коридоре, впереди нас, я увидел только что вышедшего из камеры Шагова, также идущего с мешком на плечах за надзирателем. Почти в этот же момент надзиратели встретились и остановились. Остановились и мы с Шаговым, поздоровались и обменялись несколькими словами.

— Тебе трудно тащить свой депутатский портфель?— смеясь, спрашивает меня Шагов.

— Да, брат, этот портфель мне тащить нелегко. Оно и ничего бы, да вот здоровьишко сильно изменяет,—отвечаю я.

— Ну, давай, я тебе помогу,—говорит он и, взяв у меня мешок, вместе со своим легко взваливает их себе на плечи.

— А не тяжело тебе будет?—спрашиваю я.

— Нет, нет, силенка-то у меня еще есть, и самого тебя могу взять на плечи.

В это время подошли еще некоторые из наших (не помню уж, кто именно), и мы снова двинулись по коридору.

Скоро нас привели в находившуюся близ конторы большую комнату, где обыкновенно собирали всех отправляемых из тюрьмы и где скоро собрались все мои товарищи-сопроцессники. Это было, кажется, около 9 или 10 часов вечера. Здесь нас, с наклеенными на грудь номерами, сфотографировали каждого в отдельности в нескольких видах. Потом через некоторое время были принесены ручные кандалы, и пришли конвойные солдаты, а вскоре явился какой-то полковник. Обращаясь к нему, конвойный унтер-офицер, вытянувшись в струнку, спросил:

— Прикажете надеть наручни, ваше высокоблагородие?

— Ну, обойдемся без наручней,—ответил полковник.

— Но я ведь отвечаю за это, ваше высокоблагородие,— снова говорит унтер-офицер.

— Это уж будет на ответственности начальника конвоя, а не вашей,—говорит полковник.

— Слушаюсь,—говорит унтер.

На этом их разговор кончился, и нам стало ясно, что нам делают «льготу», мы поедем без кандалов.

Скоро явился конвойный офицер. Было отдано распоряжение приготовиться к отправке. Солдаты приступили к осмотру содержимого наших мешков и, выкладывая из них вещи, начали было тщательно рыться в них, но конвойный офицер сказал солдатам, чтобы они осмотрели мешки только снаружи. После осмотра, завязав мешки и взяв их на плечи, мы отправились, под конвоем солдат, на двор тюрьмы. Там ожидал нас большой закрытый автомобиль. Вместе с конвойными солдатами мы быстро в него уселись и двинулись в путь.

В автомобиле не было никаких отверстий, и потому во время езды мы ничего не видели. Скоро мы прибыли на Николаевский вокзал. Нас тотчас же поместили в арестантский вагон (обыкновенного типа вагон третьего класса, но окна и двери были с решетками), при чем в наше распоряжение,—нас было девять человек,—было предоставлено 2 купе, а остальную часть вагона занял конвойный офицер со своей командой.

Ввиду неожиданного изменения срока отправки, вначале было опасение, что провожать никто не явится. Однако жены наши об этом были осведомлены и на вокзал явились. Близко к нам их не пустили, но перекинуться с ними несколькими словами через окна вагона нам все-таки удалось. Конвойный офицер разрешил передать нам принесенные ими продукты и некоторую сумму денег. Кем-то были принесены цветы, но конвой передать их нам не разрешил. Из немногих провожающих нас лиц были двое или трое случайно попавших неизвестных нам рабочих, которые, несмотря на охрану, все-таки подошли к окну вагона и, узнав, кто мы, крикнули стоявшему у окна М. К. Муранову: «Не горюйте, товарищи, выручим».

На вокзале нам пришлось пробыть около часу. Потом вагон наш был прицеплен к отправляющемуся на Вологду поезду, и мы двинулись в путь. Это было в ночь с 4 на 5 июня 1915 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

ТОВ. Г. Е. ЗИНОВЬЕВ ОБ АРЕСТЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ФРАКЦИИ.

На боевом посту [1]).

Правительство Николая Романова решило повторить то преступление, которое оно в 1907 г. совершило по отношению к втородумской с.-д. фракции. По случаю «освободительной» войны царская шайка находит благовременным освободить себя от представительства рабочего класса в государственной думе.

С. Петербургское телеграфное агентство специальной депешей передает следующее правительственное сообщение:

„С самого начала войны народ русский, объединившись в сознании необходимости защитить достоинство и целость родины, дружно, с патриотическим подъемом, помогал государственной власти в осуществлении ее задач, вызванных военными действиями.

Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены социал-демократических обществ, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды. В октябре правительство получило сведения о предполагаемом созыве тайной конференции представителей социал-демократических организаций для обсуждения мероприятий, направленных к разрушению русской государственности и к скорейшему осуществлению мятежных социалистических задач.

4 ноября полиция выяснила, что заседание упомянутой конференции происходит в одном из домов на Выборгском шоссе, в 12 верстах от Петрограда; прибывший на место наряд полиции застал там одиннадцать человек, среди коих были, как потом оказалось, члены государственной думы Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов и Шагов. Так как противогосударственное значение конференции не подлежало сомнению, то участники собрания, застигнутые на месте преступления, после обыска были задержаны, а члены государственной думы отпущены.

По поводу описанного судебный следователь петроградского окружного суда по особо важным делам Машкевич немедленно приступил к производству предварительного следствия

---

1) Эта статья помещена в сборнике „Против течения“ (статьи Н. Ленина и Г. Зиновьева), издание третье. Госиздат, Москва—Петроград 1923; напечатана впервые в „Социал-Демократе“, № 34, от 5 декабря 1914 г.

Ознакомившись с бумагами, найденными при обыске, судебный следователь постановил всех участников конференции привлечь в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 102 (ч. 1-й) угол. улож. и заключить под стражу (О. Б).

Вечером 8 ноября в гос. думу на имя председателя М. В. Родзянко поступило сообщение министра юстиции, что члены гос. думы Бадаев, Самойлов, Муранов, Шагов и Петровский привлечены к судебной ответственности по ч. 1-й ст. 102 уг. улож. и после допроса их судебным следователем по особо важным делам при петроградском окружном суде Машкевичем подвергнуты, по постановлению следователя, личному задержанию".

Мы не знаем еще, в какой мере лживо официальное сообщение СПБ агентства, каким провокатором подброшены уличающие «документы» и т. д. Мы не знаем еще также, какими «юридическими» доводами защищает черносотенное правительство то явное издевательство даже над своими собственными законами, которые оно совершило, нарушивши депутатскую неприкосновенность и арестовавши наших товарищей из РСДР Фракции. Но ясно одно: правительство создает «обстановку» для нового каторжного процесса против с.-д. депутатов, оно готовит новое дело о «заговоре». Меч занесен над нашей Российской Социал-Демократической Рабочей Фракцией.

Вместе с тем ясно и другое: Росс. Соц.-Дем. Рабочая Фракция заслужила особенно почетную для нее ненависть правительства тем, что она действительно шла с рабочим авангардом и выполняла свой долг перед русским рабочим классом, перед социализмом и демократией. Вся деятельность молодой фракции была поистине прекрасной, блестящей страницей в истории русского рабочего движения. В течение одного неполного года РСДРФ сумела связаться с самыми широкими рабочими массами России, несмотря на все неблагоприятные условия, сумела стать единственным выразителем пролетарских чаяний и мыслей, сумела заслужить постоянную поддержку и горячую любовь со стороны всей лучшей части российского пролетариата. И эта фракция осталась на своем боевом посту и в тяжелое время войны. Она и тут осталась плотью от плоти русского рабочего движения. Она и тут не перестала быть выразительницей всего, что есть в нашем движении мыслящего, героического, светлого, готового к самопожертвованию...

Заслуга РСДРФ тем больше, что ей пришлось теперь действовать при особо тяжелых внешних обстоятельствах.

Развал Интернационала, печальное поведение многих представителей международного социализма, удар в спину со стороны некоторых «авторитетных» русских социалистов, внезапно ставших «патриотами»,—все это должно было неимоверно затруднить выполнение социалистического долга. Было

время, когда и германская социал-демократия находила в себе мужество выполнять свой долг, несмотря на военный режим. В сентябре 1870 г. все деятели Брауншвейгского Центрального Комитета Герм. СДП были арестованы за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии и выражение братских чувств французским рабочим. Было время, когда германских с.-д. депутатов—Либкнехта, Бебеля—сажали в тюрьму за мужественное слово против династических войн, за выражение солидарности с незабвенными героями Парижской Коммуны. Так было в 1872 г., когда в Лейпциге Бебель и Либкнехт были присуждены к двум годам тюрьмы. Это время—увы!—миновало. Германская социал-демократия прошла длинный, слишком длинный этап от «солдата революции» Вильгельма Либкнехта до... Geschäftsozialist'а г-на Зюдекума. В нынешнюю тяжелую, слишком тяжелую годину честь международного социализма спасает юное, но полное духовных сил русское рабочее движение и его герои...

Золотую страницу вписывает РСДРФ не только в историю нашего русского движения, но и в историю всего Интернационала. Пролетарии России справедливо гордились своими рабочими депутатами. И мы действительно в праве гордиться тем, что в нашей стране наши товарищи и друзья, вышедшие из недр самой рабочей массы, продолжают славнейшие, благороднейшие традиции международного социализма.

Шовинизм сделал и в России опустошительные завоевания. У залитого кровью романовского трона столпились «жадной толпой» не только алчное дворянство, не только разбойники и проходимцы из военной партии, но и вся буржуазия, весь цвет российского либерализма. Даже многие «демократы» уверовали в освободительную миссию царского оружия. «Россия едина», «Россия поддерживает, как один человек, освободительную войну»,—кричат со всех крыш и нововременцы и либералы.—Вы лжете, господа, вы бесстыдно лжете,—отвечаем мы им.—Нет, Россия не едина. И в эти дни, когда поля Польши, Галиции и Пруссии обильно поливаются кровью сотен тысяч сынов России, русских рабочих, русских пахарей; и в эти дни, когда в разгаре шовинистической оргии палачи свободы куют цепи для Украины, для Галиции и, вместе с тем, для самого русского народа; и в эти дни, когда, забывши честь и совесть, все спешит на службу к денежному мешку и разнузданной власти солдатчины; и в эти дни, когда в нашей стране окончательно задушено всякое свободное слово и героями дня являются лакеи и холопы печати; и в эти дни есть две России: Россия Меньшиковых, Романовых, Милюковых, Бобринских и—Россия рабочая, Россия пролетарская, Россия, которая выдвинула из

своих рядов Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова. Своим официальным правительственным сообщением царская Россия сама красноречиво подтвердила, что это именно так.

Мы не знаем, как откликнется сейчас российский пролетариат на покушение против его думской фракции. При иных условиях ответом были бы стотысячные, если не миллионные, стачки и демонстрации... Мы не знаем, удастся ли даже русским прокурорам и судьям, при всех подлогах и подтасовках, «обвинить» по суду Росс. Соц.-Дем. Раб. Фракцию, которая даже при русских законах или русском беззаконии имела самое бесспорное право совещаться с рабочими группами. Но мы твердо знаем, что все оставшееся верным социалистическому знамени во всем мире всеми помышлениями будет с Российской Социал-Демократической Рабочей Фракцией...

* *
*

Из первых откликов иностранной социалистической печати на покушение против РСДРФ швейцарская с.-д. газета пишет:

«Обвинение, брошенное русским товарищам, является блестящим свидетельством того, что они выполняют свой революционный долг при самых тяжелых условиях, какие только можно себе представить. К сожалению, этого же нельзя сказать о социалистических партиях других воюющих государств. И преследования против русских товарищей, подавление революционного движения в России ни в коем случае не оправдывают «борцов против московского ига». Ибо эти «борцы» подвергались бы у себя тем же гонениям, если бы и они исполнили свой революционный долг и выступили бы против империалистической войны, которая в каждой стране направлена против интересов рабочих».

Приложение 2.

ВТОРОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

К аресту депутатов.

При производстве предварительного следствия о лицах, съехавшихся вблизи Петрограда с разных мест на совещание с некоторыми членами государственной думы, обнаружено, что совещание было посвящено обсуждению проекта резолюции, в котором признается «наименьшим злом поражение царской монархии и ее войск» и выдвигается лозунг «всесторонняя, распространенная на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции» и «организация для таковой пропаганды нелегальных ячеек в войсках».

Все задержанные лица, по постановлению судебного следователя, заключены под стражу.

(„День“, № 311, суббота, 15 ноября 1914 года.)

Приложение 3.

Объяснительная речь Петровского на суде.

Господа судьи, так как здесь судят фракцию, то я должен сказать несколько слов о ней. Когда нас выбирали рабочие и уполномоченные, то мы проходили в думу под флагом социал-демократии. Когда мы вошли в думу, мы образовали РСД Фракцию, примыкающую к большевистскому течению партии. Мы увидели, что перед нами громадные задачи и ответственность, а наши знания не соответствуют этим задачам. Мы стали поэтому изучать материалы по разным экономическим и политическим вопросам. Мы не разрывали своих связей и с лицами, более нас подготовленными к политической деятельности. Не обладая ораторскими способностями, так как в положении рабочих нельзя развивать эти способности, мы обращались к сведущим лицам за советами.

Мы поддерживали, сотрудничали и распространяли рабочие газеты, участвовали в страховой кампании и больничных кассах, стремясь защитить интересы рабочих. Мы поддерживали профессиональную, культурно-просветительную деятельность рабочих.

Мы работали так, что согласовали свою деятельность с настроениями рабочих. По приглашению рабочих мы делали им доклады о нашей деятельности в государственной думе, но каждый раз по добровольному нашему соглашению. Это не было нашей обязанностью. В своей деятельности фракция примыкала к рабочей газете «Правда», пользовалась советами сведущих лиц. Чтобы быть в курсе настроения РСДР Партии, мы знакомились с ее литературой. Но мы не получали директив от Центрального Комитета этой партии. Так проходила вся наша деятельность.

Объявление войны и созыв думы застигли меня в Екатеринославе. Я сейчас же приехал в Петроград, где мы обсуждали вопрос, как отнестись к возникшей войне. После прекращения думской сессии товарищи по фракции разъехались, и я остался один в Петрограде.

В начале августа я получил телеграмму Вандервельде. Я написал Шагову и Муранову, чтобы они приехали для обсуждения ответа на эту телеграмму, но они отнеслись к

моему предложению индиферентно, как видно из их ответов. Убедившись в этом и считая, что с ответом мы уже запоздали, что дело это серьезно, я все-таки просил их приехать для обсуждения других вопросов. Когда они съехались, то было признано уже несвоевременным отвечать Вандервельде. После этого мои товарищи по фракции снова разъехались, и в Петрограде остались я, Бадаев и Шагов.

В начале декабря появились слухи о созыве думы. В это время я получил ответ Центрального Комитета РСДРП на телеграмму Вандервельде. Я снова написал товарищам, чтобы они приехали в Петроград обсудить возникшие вопросы, и предложил им захватить по рабочему из их городов. Но по каким вопросам у нас состоится совещание, я не писал, и рабочие, приехавшие в Петроград, этого не знали. На совещание, которое было в квартире Гавриловой, я просил притти Розенфельда [1]), сказав ему, что будет обсуждаться вопрос об издании новой газеты. В первую очередь в порядке дня стоял вопрос о том, можно ли по условиям на местах приступить к изданию новой газеты. Затем предполагалось обсудить вопрос о постановлении с.-д. конференции о нашем отношении к резолюции об автономии Польши. Резолюции по всем этим вопросам не предлагались, за исключением резолюции по вопросу об оказании помощи семьям рабочих, ушедших на войну. В настоящий момент закрыты рабочие газеты, и мы не знаем настроения на местах. Мы поэтому должны обращаться к рабочим, чтобы узнать их мнение. Собрание 4 ноября вызывалось этой потребностью. На этом собрании я предполагал обсудить резолюцию из семи пунктов. Когда я получил эту резолюцию, ко мне пришел один социал-демократ и предложил руководствоваться ею в своей думской деятельности.

...Резолюцию из семи пунктов нам не пришлось обсуждать: нас арестовали. На наш протест не обратили никакого внимания, хотя мы предъявили документы, удостоверяющие, что мы—члены государственной думы. После... нас освободили. На завтра я заявил протест председателю государственной думы...

...Он обещал поговорить по этому поводу с председателем совета министров. Однако за нашими квартирами был установлен надзор охранной полиции. Затем был произведен обыск на квартире и у меня взяли документы и дневник.

(„Право“, № 9, 1915 г.)

---

[1]) Л. Б. Каменева. Примеч. автора.

Судебный приговор в окончательной форме, вынесенный 20 февраля 1915 года особым присутствием петроградской судебной палаты.

Особым присутствием судебной палаты, с участием сословных представителей, подсудимые: члены государственной думы Петровский, Муранов, Бадаев, Шагов и Самойлов, а также Розенфельд [1]), Яковлев, Линде, преданный суду под чужим именем Карла-Иоганна Янова Печака, Воронин, Антипов и Гаврилова признаны виновными:

Петровский, Бадаев, Шагов, Самойлов, Розенфельд [1]), Яковлев, Линде и Воронин—в том, что они в 1914 г. в пределах Российской империи состояли членами сообщества, заведомо для них поставившего целью своей деятельности, согласно программе и уставу Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, насильственное изменение в России установленного законами основными образа правления на демократическую республику, при чем они, подсудимые, в качестве членов сего сообщества и для осуществления его задач, 4 ноября 1914 г. участвовали на устроенном в квартире крестьян Гавриловых, в Озерках, в доме № 28 по Выборгскому шоссе, по инициативе членов социал-демократической фракции государственной думы, тайном собрании части этих членов и представителей провинциальных организаций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, в коем обсуждались, между прочим, предназначенные для посылки на места, в местные организации сообщества, составленные на основании директив Центрального Комитета сообщества положения о деятельности сообщества в течение настоящей войны, в каковых положениях после указания в § 6, что «с точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск», выставляется в § 7 необходимость всесторонней, распространяющейся на войска и на театр военных действий пропаганды

[1]) Л. Б. Каменев. Примеч. автора.

социалистической революции и направления оружия не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств, безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках ячеек и групп в войсках всех наций, и необходимость пропаганды, как одного из ближайших лозунгов республики немецкой, польской, русской и других на-ряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты, а равно обсуждались: а) поправки, сделанные к этим положениям рукой Петровского, проектировавшего § 6 положений заменить словами: «с точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России особенно опасно усиление победоносной царской монархии», а в § 7 перед словами: «на войска и на театр военных действий» вставить слово «также» и устранить из этого § возможность понятия о частичном выступлении; б) тезисы, приведенные в передовой статье № 33 газеты «Социал-Демократ», окончательно отредактированные, как сказано в том же №, Центральным Комитетом сообщества, в каковых тезисах значится, что для русских социал-демократов не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение из воюющих наций царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций, и говорится, что ближайшими лозунгами должны быть образование Соединенных Штатов Европы, по революционном низвержении монархий германской, австрийской и русской, социалистическая революция, создание нелегальных форм агитации и организации, что требуется условиями военного времени, и превращение современной империалистической войны в гражданскую войну, с обращением оружия против правительства и буржуазии каждой страны, и последовавший на телеграмму Вандервельде, призывавшего русских социалистов стать на ту же точку [зрения], на какую стали социалисты Бельгии и Франции, решившие использовать во всей полноте свое право на законную оборону родины, ответ Центрального Комитета сообщества, помещенный в том же № «Социал-Демократа», в коем говорится: «Русский пролетариат не может ни при каких условиях итти рука об руку с нашим правительством, не может заключать с ним никаких перемирий, хотя бы и временных, и не может оказывать ему никакой поддержки. Здесь не может быть речи ни о какой лойяльности. Напротив, мы считаем своей неотложной задачей вести с ним самую непримиримую борьбу, стоя на почве старых требований, столь единодушно выдвинутых и поддержанных русским рабочим классом в революционные дни 1905 г. и снова встретивших широкое признание

в массовом политическом движении русского рабочего класса за последние два года. Нашей (ближайшей) задачей во время войны, в которую втянуты миллионы крестьян и пролетариев, является только противодействие бедствиям, вызываемым войной, путем расширения и энергичного развития классовых организаций пролетариата и широких слоев демократии и использование военного кризиса для подготовки народного сознания, (облегчающего) скорейшее осуществление народными массами задач 1905 г. Нашим очередным лозунгом остается созыв учредительного собрания. После войны неизбежно наступит эпоха дальнейшего строительства европейской демократии. И тогда русское правительство, которое выйдет из победоносной войны с возросшими силами и престижем, явится одной из сильнейших преград и угроз для этой демократии. Вот почему всестороннее использование нами его затруднительного положения в интересах российской свободы составляет наш долг и в конечном счете окажется выгодным как раз для того дела демократии, которое нам столь же близко, как и всем членам Интернационала. Таким образом, со всех точек зрения история налагает на нас задачу дальнейшей борьбы с господствующим в России режимом за очередные революционные лозунги».

Муранов—в том, что тогда же и там же состоял членом вышеописанного сообщества, зная о преследуемых им целях, при чем он, Муранов, в качестве члена сего сообщества и для осуществления его задач 4 ноября 1914 г. участвовал в вышеупомянутом собрании членов названного сообщества; с целью учреждения отдельных организаций сообщества в разных частях России, объехал в 1914 г. Поволжье и Урал, во многих местах созывал тайные собрания народа, на которых разъяснял деятельность сообщества и призывал слушателей к революции; на Верхне-Исетском заводе создал организацию сообщества, составил для нее устав, согласно которому члены ее признают директивы Центрального Комитета сообщества; составил от имени трех отдельных организаций сообщества три мандата о посылке делегатов на предстоящий в Вене съезд рабочих, при чем в одном из них этих делегатов поручалось назначить Центральному Комитету сообщества, и хранил у себя в квартире, в гор. Харькове, с целью распространения и заведомо о содержании, три экземпляра воззвания, призывающего пролетариат вести «борьбу как за прекращение войны, так и с обнаружившимся уже теперь стремлением русской реакции к захвату чужих территорий под флагом освобождения подъяремных народов».

Антипов—в том, что в ноябре 1914 г. в Петроградском уезде, достоверно зная участников вышеозначенного сообщества, заведомо для него преследовавшего вышеописанные це-

ли, без уважительных причин не довел до сведения властей о сих участниках, и

Гаврилова—в том, что, не принимая участия в вышеозначенном сообществе, заведомо для нее преследовавшем вышеописанные цели, но достоверно зная участников сего сообщества, коим она 4 ноября 1914 года предоставила устроить в своей квартире, расположенной в Петроградском уезде, в доме № 28 по Выборгскому шоссе, собрание членов сообщества для обсуждения касавшихся деятельности сообщества вопросов, без уважительных причин не довела об этих участниках сообщества до сведения подлежащей власти.

Преступление, вмененное в вину первым девяти подсудимым, предусмотрено 1-й ч. 102 ст. угол. улож. и влечет за собой, по закону, определенную в 16 ст. того же уложения каторгу на срок от 4 до 8 лет. Усматривая в деле наличность обстоятельств, смягчающих вину подсудимых, особое присутствие признает возможным, согласно 53 ст. угол улож., перейти от нормального наказания к ссылке на поселение по 17 ст. того же уложения и это наказание назначить сим подсудимым с лишением их прав по 25 и 28—30 ст.ст. угол. улож. с последствиями по 34 и 35 ст.ст. того же уложения.

Антипов и Гаврилова признаны виновными в преступлении, предусмотренном 2-й ч. 164 ст. угол. улож. и караемом ссылкой на поселение. В порядке смягчения наказания и руководствуясь 53 ст. угол. улож., особое присутствие признает справедливым перейти для них от нормального наказания к определенному в 19 ст. того же уложения заключению в крепости на срок от одного года до шести лет, и это наказание назначить Гавриловой на срок в один год и шесть месяцев, а Антипову в низшей мере, с сокращением для него сего срока на одну треть, в силу 3-го п. 57 ст. угол. улож., ввиду его несовершеннолетия, так как ему во время совершения преступления было 19 лет отроду. Кроме того, особое присутствие, согласно 54 ст. угол. улож., нашло возможным зачесть Антипову и Гавриловой в срок присужденного им наказания по три месяца из времени, проведенного ими в предварительном по сему делу заключении, так что, в конечном выводе, они подлежат заключению в крепости: Антипов—на пять месяцев, а Гаврилова—на один год и три месяца, с заменою сего наказания каждому из них, в случае надобности, по прим. 2 к ст. 19 угол. улож.

Подсудимого Козлова, обвиняемого по 1-й ч. 102 ст. угол. улож., а также подсудимого Антипова в отношении обвинения в том же преступлении, особое присутствие признало невиновными за недоказанностью совершения ими сего преступного деяния. Вследствие сего и на основании 1-го п.

771 ст. уст. угол. суд., они оба должны быть по суду оправданы: Козлов в предъявленном ему обвинении, а Антипов по обвинению в преступлении, предусмотренном 1-й ч. 102 ст. угол. улож.

Судебные по делу издержки надлежит, согласно 977—999 ст. уст. угол. суд., возложить на имущество главных виновных, лишенных по суду прав по имуществу, Петровского, Муранова, Бадаева, Шагова, Самойлова, Розенфельда, Яковлева, Линде и Воронина, поровну и с круговой друг за друга ответственностью сих имуществ, а в случае отсутствия или недостачи сих имуществ судебные издержки следует возложить на осужденных за недонесение Антипова и Гаврилову поровну и солидарно. При несостоятельности же сих последних судебные издержки должны быть приняты на счет казны.

Ввиду того, что осужденный Яковлев—потомственный дворянин, а Петровский, Муранов, Бадаев, Шагов и Самойлов, как члены государственной думы, высочайше удостоены права ношения медали в память трехсотлетия царствования дома Романовых (Собр. Уз. 1913 г., № 372), настоящий приговор в отношении названных лиц должен быть, на основании 1-го п. 945 ст. уст. угол. суд., по вступлении его в законную силу, но до обращения его к исполнению, представлен на благоусмотрение его императорского величества.

А потому особое присутствие судебной палаты, с участием сословных представителей, о п р е д е л я е т: крестьянина Харьковской губ., Волчанского у., Печенегской вол., Григория Иванова П е т р о в с к о г о, 36 лет; полтавского мещанина Матвея Константинова М у р а н о в а, 40 л.; крестьянина Орловской губ., Карачевского у., Юрьевского сельского общества, Алексея Егорова Б а д а е в а, 31 г.; крестьянина Костромской губ., Нерехтского у., Острецовской вол., Николая Романова Ш а г о в а, 32 л.; крестьянина Владимирской губ., Ковровского у., Лежневской вол., Федора Никитина С а м о й л о в а, 32 л.; потомственного почетного гражданина Льва Борисова Р о з е н ф е л ь д а, 31 г.; потомственного дворянина Валентина Николаева Я к о в л е в а, 32 л.; крестьянина Лифляндской губ., Вольмарского у., Мецкюльской вол., Фрица-Александра Вилюмова Л и н д е, 22 л., и крестьянина Костромской губ., Нерехтского у., Сорохтской вол., Ивана Алексеева В о р о н и н а, 28 л., на основании 1-й ч. 102 ст. угол. улож., лишить прав и сослать на поселение; крестьянку Псковской губ., Псковского у., Сидоровской вол., Ульяну Георгиеву Г а в р и л о в у, 27 л., и крестьянина Новгородской губ., Старорусского у., Нивской вол., Николая Кириллова А н т и п о в а, 19 л., на основании 2-й ч. 164 ст.

уг. улож., заключить в крепость: Гаврилову—на один год шесть месяцев, Антипова—на восемь месяцев, с зачетом каждому из них трех месяцев предварительного заключения и с заменою остального наказания, в случае надобности, согласно 2 прим. к 19 ст. угол. улож. Того же Антипова и крестьянина Ярославской губ., Любимского у., Яинской вол., Ивана Яковлева Козлова, 35 л., по обвинению в деянии, предусмотренном 102 ст. уг. улож., признать по суду оправданными за недоказанностью совершения ими сего преступления.

(„Право“, № 11, 1915 г.)

Приложение 5.

Обвинительный акт по делу Российской Социал-Демократической Рабочей Фракции IV государственной думы.

Когда началась настоящая война России с Германией и Австро-Венгрией, Эмиль Вандервельде, «делегат бельгийской рабочей партии в Международном Социалистическом Бюро», со дня объявления войны вступивший в кабинет министров Бельгийского королевства, обратился по телеграфу с воззванием к членам государственной думы Российской империи, входящим в состав социал-демократической фракции. Ссылаясь на то, что «демократы, республиканцы и социалисты Бельгии и Франции решили использовать во всей полноте свое право на законную оборону родины, и что успех военных действий союзных наций против Германии в значительной степени «будет зависеть» от российского революционного пролетариата», Эмиль Вандервельде призывал членов социал-демократической фракции государственной думы «стать на общую точку зрения положения социалистической демократии в Европе», признающей, что «против опасности (торжества германского милитаризма) настоятельно необходима коалиция всех живых сил Европы».

Среди членов социал-демократической рабочей фракции государственной думы это воззвание не имело успеха, и отделению по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде стало известно, что 30 сентября—1 октября 1914 года членами этой фракции совместно с некоторыми «партийными работниками», принадлежащими к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, устроено было в Финляндии совещание, на котором был выработан отрицательный ответ на телеграмму Вандервельде.

Независимо от этого, в Петрограде стали распространяться прокламации различных организаций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, посвященные оценке военных событий и возбуждающие широкие круги населения к бунту.

Так, пристав 2-го участка Выборгской части Зарембский удостоверил, что еще в августе месяце 1914 года на заводе Лесснера были распространены:

1) Прокламация от имени «Петербургского Комитета РСДРП», начинающаяся словами: «Алчная, кровожадная политика царского правительства и капиталистов обрела (очевидно, обрекла) на смерть миллионы самых лучших сынов отечества». Авторы прокламации стремятся доказать, что у «крестьян и рабочих», призываемых в действующую армию, «нет врагов по ту сторону границы». «Крестьяне и рабочие,— говорится далее в прокламации,—вы ответственны за всю эту кровь и слезы, которые теперь проливаются, потому что вы являетесь мощным рычагом всего государства, от вас зависит повернуть его в пользу войны или в пользу мира. Так поверните его в пользу мира, остановите дикую вакханалию. Вы должны помнить, что это «спасение родины» будет продолжаться до тех пор, пока вами будут управлять эти паразиты, которые расстреливают голодных рабочих даже тогда, когда те с прошениями в руках идут просить человеческого существования за свой каторжный труд. Так свергните их, возьмите управление государством в свои руки и вместо строя тиранов водрузите над землею красное знамя труда. Организуйтесь в политические партии, запасайтесь оружием: время не ждет. Долой войну!»

2) Прокламация от имени «Петербургской междурайонной комиссии РСДРП», начинающаяся словами: «Товарищи рабочие. Свершилось. На границах трех великих держав уже грохочут пушки и льется народная кровь...». В этой прокламации проводится мысль, что, «вступая в конфликт с Австрией», российское правительство «прикрывало свои истинные намерения лицемерными речами об угнетенной Сербии», так как «не о Сербии болела (его) душа. Наложить свои лапы на Балканы хотело и хочет правительство». «Наш враг—капитал и самодержавие,—говорится далее в прокламации,—и с ними мы будем неустанно бороться... Войну войне объявим беспощадную... Довольно крови, нужно сломить власть кучки авантюристов, смести с лица земли царское самодержавие». В заключительной части прокламации содержится следующий призыв к «товарищам рабочим»: «Мы, объединенные с.-д., зовем вас на общую работу. За дело, товарищи! В организацию! На борьбу за демократическую республику! Придет девятый вал революции, и вооруженный народ разобьет вековые оковы рабства. Мы придем и скажем свое последнее слово. Пусть в ответ на крик: «Да здравствует царь, да здравствует война, долой Австрию и Германию!»—из наших грудей вырвется клич: «Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует международная солидарность пролетариата! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика!».

В августе месяце один из рабочих лесопильного завода

Шмудера принес мастеру Гавриилу Ильину один экземпляр распространенной на заводе прокламации от имени «ПК РСДРП», начинающийся словами: «Товарищи. Надвинулись мировые события чрезвычайной важности». В ней говорится, что «общая задача пролетариата как России, так и Германии и Австрии—смести остатки феодализма и крепостничества, разметать все монархические осколки, освободить свои страны от политического гнета и ввести демократическую республику», почему «сознательные рабочие» должны «сейчас внести эту пропаганду в широкие массы, в войска, в среду призываемых запасных... всеми силами укреплять партийную организацию, усиливать ряды численно, усиливать партийную кассу, запасать оружие, чтобы пролетарская армия была готова в момент окончательного расчета с самодержавным режимом».

В октябре месяце официант ресторана «Медведь», в д. № 74 по Садовой ул., Михаил Гурдяев нашел под скатертью одного из столиков экземпляр прокламации, напечатанной «в типографии Петроградского Комитета» Российской Социал-Демократической Партии и обращенной к запасным, призванным в действующую армию.

В октябре же месяце городовой Суворов доставил приставу 3-го участка Петроградской части Коневу 14 экземпляров, подобранных игравшими на пустыре завода Лангензиппена мальчиками той же прокламации, начинающейся словами: «Товарищи. Снова вас оторвали от ваших семей, дали в руки ружье, одели в серую шинель, послали защищать престол-отечество от врагов». В этой прокламации развивалась мысль, что солдата обманывают «царские лакеи и холопы», утверждая, что «враг—немец, и что с ним должно бороться», тогда как в действительности враг, с которым надо бороться,—русское самодержавное правительство, потому что, «как ни плохи германские порядки, там живется гораздо лучше, чем у нас»; далее говорилось, что «в интересах русского народа—прежде всего низвергнуть преступное правительство и завоевать для России полную политическую свободу, а для всех трудящихся—свободу экономическую». «Нет,—говорилось в прокламации,—если уж нужно умирать, то умрем за народное дело, а не за дело Романовых и черносотенных дворян. Она дают нам в руки ружье: будем же людьми и воспользуемся этим оружием для того, чтобы завоевать русскому рабочему классу новые условия жизни, жизни прекрасной и свободной... А пока вы, братья, будете страдать там, на передовых позициях, ожидая расплаты с нашими угнетателями, мы будем просвещать наших товарищей, открывать им глаза на истинных виновников войны и на истинных врагов рабочего люда. Мы будем сплачивать наши силы, объ-

единяться между собою, основывать рабочие союзы, усиливать свою рабочую партию, которая осталась нам верна в эти тяжелые дни, тоже будем готовиться к решительному часу. И когда наше преступное правительство, наконец, захлебнется в пролитой им крови, когда вспыхнет революция, вспомните, братья-солдаты, что ваше место не против нас, а рядом с нами. Придите тогда подкрепить наши ряды, и общими силами грянем на врагов народа и завоюем для всего русского народа новую жизнь. Царское правительство не дало нам амнистии. Мы тоже ему ее не дадим. За горло его и колено ему в грудь».

Когда все эти меры к использованию военных событий в революционных целях не достигли цели среди широких слоев населения, на которые они были рассчитаны, среди членов госуд. думы, входящих в состав ее социал-демократической рабочей фракции, созрело решение созвать в Петрограде «партийный съезд», иначе называемый в социал-демократических кругах «конференцией», для обсуждения дальнейших мер революционной борьбы в военное время. На съезд были приглашены представители партийной организации с разных концов империи. Однако такие представители съехались в Петроград в весьма незначительном числе. Для совещания была избрана квартира крестьянина Александра Гаврилова, помещавшаяся в уединенном флигеле дачи Иванова, в Озерках, в районе 2-го стана Петроградского уезда, в доме № 28 по Выборгскому шоссе. Этот флигель расположен в саду; ближайшие к нему постройки—дачи, пустующие в зимнее время.

Около 5 часов дня квартира Гаврилова была окружена полицейским нарядом. На стук обе наружные двери не были открыты, и начальствовавший нарядом пристав 2-го стана Сенько-Поповский распорядился открыть их силой. Наряд вошел во флигель. В одной из его комнат, оба окна которой были завешены одеялами, вокруг стола с закуской наряд застал 11 мужчин; хозяйка квартиры—Ульяна Георгиева Гаврилова—стояла тут же у дверей. Муж ее—Александр Гаврилов—отсутствовал из дому.

Из числа лиц, застигнутых в квартире Гавриловых, пятеро оказались членами государственной думы: от Екатеринославской губернии—Григорий Иванов Петровский, от Петроградской губернии — Алексей Егоров Бадаев, от Харьковской губернии—Матвей Константинов Муранов, от Владимирской губернии—Федор Никитин Самойлов и от Костромской губернии—Николай Романов Шагов; пять лиц предъявили виды на жительство: на имя дворянина Валентина Николаева Яковлева, сына коллежского секре-

таря Льва Борисова Розенфельда [1]) и крестьян Карла-Иоганна Янова Печака, Николая Кириллова Антипова и Александра Сергеева Волкова; наконец, последний оказался рабочим Путиловского завода Иваном Яковлевым Козловым.

Впоследствии выяснилось, что лицо, предъявившее паспорт на имя Волкова,—в действительности крестьянин Иван Алексеев Воронин.

Все застигнутые полицией лица объяснили, что они собрались в квартире Гавриловых на празднование восьмилетия свадьбы хозяев. Когда же вернулся домой хозяин квартиры Александр Гаврилов, служивший конторщиком на заводе Парвиайнен, то он опроверг это объяснение и заявил, что ни с кем из лиц, собравшихся на его квартире, он не знаком, что он венчался летом, а не 4 ноября.

Яковлев, Печак, Антипов и Воронин, предъявивший паспорт на имя Волкова, объяснили, что они приехали в столицу в день задержания: Яковлев—из Харькова, Печак—из Риги, Антипов—со станции Лигово и Воронин—из Иваново-Вознесенска.

Все собравшиеся в квартире Гавриловых лица, не выходя из нее, были подвергнуты обыску.

У Петровского и Бадаева при личном обыске отобрано по экземпляру приведенной выше телеграммы Эмиля Вандервельде, скопированной на пишущей машине при помощи копировальной бумаги.

У Петровского, Бадаева, Самойлова и Миронова было отобрано по экземпляру № 33 газеты «Социал-Демократ», от 1 ноября 1914 года, как видно из текста ее, издающейся в Женеве «Центральным Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» и являющейся «центральным органом» этой партии. В этом номере помещен «Ответ Вандервельду» за подписью «Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии», в котором высказывается мысль, что в войне, которую ведет Россия, «русский пролетариат не может ни при каких условиях итти рука об руку с правительством, не может заключать с ним никаких перемирий, хотя бы и временных, и не может оказывать ему никакой поддержки; здесь не может быть речи ни о какой лояльности»; «напротив», авторы ответа считают «своей неотложной задачей вести» с русским правительством «самую непримиримую борьбу, стоя на почве старых требований, столь единодушно выдвинутых и поддержанных русским рабочим классом в революционные дни 1905 г. и снова встретивших широкое признание в массовом политическом движении русского рабочего

[1]) Л. Б. Каменев. Примеч. автора.

класса за последние два года»; что ближайшей задачей во время войны является «противодействие бедствиям, вызываемым войной, путем расширения и энергичного развития классовых организаций пролетариата и широких слоев демократии, и использование военного кризиса для подготовки народного сознания к скорейшему осуществлению народными массами задач 1905 года», при чем «очередным лозунгом является созыв учредительного собрания», что поэтому «всестороннее использование затруднительного положения (правительства) в интересах российской свободы составляет прямой долг» Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и в конечном счете окажется выгодным как раз для того дела демократии, которое авторам письма «столь же близко, как и всем членам Интернационала», и что «со всех точек зрения история налагает» на них «задачу дальнейшей борьбы с господствующим в России режимом за очередные революционные лозунги».

В помещенной за подписью того же Центрального Комитета статье под заглавием: «Война и российская социал-демократия», между прочим, сказано, что «наше парламентское представительство—Росс. С.-Д. Раб. Фракция в государственной думе—сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть зал заседаний думы»; что «товарищи рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом»; что хотя «при данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение какой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма», «но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что, с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии», что «ближайшим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, при чем... с.-д. будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской»; что «превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный базельской (1912 г.) резолюцией», и что «социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом». Наконец, в «хронике» приведено «письмо рабочего» из Петрограда, в котором сказано: «С месяц тому назад вышла прокламация с призывом к вооруженной борьбе с войной».

У Бадаева отобран скопированный на пишущей машине с помощью угольной бумаги приведенный выше «Ответ Э. Вандервельду», за подписью «Бюро ЦК Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

У Петровского и Бадаева отобрано по экземпляру отбитой на пишущей машине резолюции из семи параграфов, начинающейся словами: «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны». Кроме того, у Петровского оказался сделанный карандашом набросок изменений, видимо, относящихся к этой резолюции. Так, во 2-м параграфе резолюции сказано: «Поведение вождей немецкой социал-демократической рабочей партии II Интернационала (1889—1914 гг.), голосовавших за военный бюджет и повторяющих буржуазно-шовинистские фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму. Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости и подчинения воле буржуазного большинства наций, поведение вождей немецкой соц.-демократ. партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национал-либеральную политику». В наброске Петровского сказано: «2) Относит. крах. Интер. разработать, чтобы не угнетающе действовало». В § 3 резолюции сказано: «Такого же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской соц.-дем. партий, которые предали социалистов, вступая в буржуазные министерства», а в наброске Петровского: «3) Относительно порицан. начин. лучше наших «союзник.» и перейти к немецким и притом в общей форме». В 6 § сказано, между прочим: «С точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск», а в наброске Петровского имеется вставка, намеченная между словами «Россия» и «наименьшим», следующего содержания: «особенно опасно усиление победоносн. царск. монархии». Седьмой параграф резолюции такого содержания: «Лозунгами соц.-демократии в настоящее время должны быть: во-1-х, всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев—наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войсках всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и патриотизмом мещан и буржуа всех без исключения стран... В-2-х, пропаганда как одного из ближайших лозунгов республики немецкой, польской, русской и других, на-ряду с превращением всех

отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты».

Как установлено произведенной экспертизой, набросок изменений в этой резолюции писан также рукою Петровского.

У Бадаева отобран рукописный оригинал прокламации, адресованной «К студенчеству» и посвященной оценке настоящей войны с Германией и Австро-Венгрией в том смысле, что военные события должны быть использованы в революционных целях. Здесь останавливают внимание следующие фразы: «Мы должны проливать свою кровь в выгодах наших эксплоататоров и «господ», мы должны итти на позиции в окопы, сознавая, что каждая пролитая капля нашей крови кует все больше и больше цепи для нас же самих, так как нам приходится сражаться с нашими товарищами «вражеской» армии за интересы истинных наших врагов. Кровью своей и телами своими давя немцев, почему-то объявленных нашими врагами, мы удобряем тем самым ту почву, на которой пышным цветком благодаря нашим трудам расцветает русский царизм, русский произвол и русский милитаризм. Товарищи. Мы не призываем вас в ряды войск, чтобы итти «за веру, царя и отечество» против наших германских товарищей. Вы идите к «страждущим братьям», организуйтесь и организовывайте массы и подготовляйте их к революции. Время не терпит. Близок день. Вспомните, что было после русско-японской войны... Мы повторяем, что идем сражаться, идем в солдаты только потому, что против нас идет сила штыков, и мы объявляем царям и их правительствам, что берем оружие против своей воли. Пусть же знают они, что мы его употребим и против них. Товарищи. Не возвращайте оружия, храните его. А вы, уходящие на позиции, ждите, когда мы дадим вам знать, и помните, что ваше место не против нас, а с нами». Прокламация заканчивается словами: «Долой войну! Да здравствует социализм! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует международная революционная соц.-демократия! Да здравствует РСДРП! Да здравствует новая российская революция!».

У Петровского и Бадаева отобрано по экземпляру брошюры: «Программа и устав Российской Соц.-Демокр. Рабочей Партии», изданной в Париже в 1909 году газетой «Социал-Демократ», ЦО РСДРП, из которой явствует, что «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой», и что эта партия «поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического строя».

Из отобранных у Петровского и Бадаева двух экземпляров брошюры «Всероссийская конференция РСДРП» видно, что конференция эта, состоявшаяся в 1908 году, ставя по-прежнему своей целью «свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва всенародного учредительного собрания и создания демократической республики», признала в числе своих главных задач для осуществления указанной цели: «всестороннее изучение и широкую популяризацию опыта массовой борьбы, в 1905—1907 годах давшего незаменимые уроки, подтвердившие правильность революционной социал-демократической тактики» и «использование (государственной) думы и думской трибуны для революционной социал-демократической пропаганды и агитации». Из отдела, озаглавленного «О думской с.-д. фракции», видно, что эта фракция является одним из служебных органов, подчиненных партии и ее Центральному Комитету, при чем конференцией признано, что «в своей дальнейшей деятельности фракция должна служить партии в духе, указанном Лондонским съездом, и в согласии с директивами ЦК (т.-е. Центрального Комитета) партии».

У Бадаева отобран экземпляр брошюры «Всероссийская конференция РСДР Партии 1912 года», а у Бадаева и Самойлова—по экземпляру брошюры «Извещение и резолюции летнего 1913 года совещания Центрального Комитета РСДРП с партийными работниками», в издании Центрального Комитета этой партии. Из содержания этих брошюр усматривается, что «конференция 1912 года» и «летнее совещание 1913 года» подтвердили как приведенные выше основную цель и ближайшие задачи партии, так и факт признанного «конференцией 1908 года» подчинения думской фракции партии и ее Центральному Комитету. В брошюре, излагающей резолюции 1913 года, приведено следующее положение: «Все решения, принятые совещанием, утверждены Центральным Комитетом и, таким образом, приобрели обязательную силу для нашей партии».

У Петровского отобран отбитый на пишущей машине через угольную бумагу список фабрик и заводов Петрограда и его окрестностей, на 3 страницах, с указанием адресов различных предприятий.

В блокноте, отобранном у Самойлова, имеются записи, повидимому, представляющие программу доклада: «1) О поездке в Швейцарию; 2) по приезде в Россию: а) поездка в Питер, б) совещание в Финл., в) доклад Муранова, телеграмма Вандервельде и ответ на нее наш и ликвидаторский, г) наше отношение к сборам в пользу запасных и их семей

(резолюция), д) выпуск листков в Питере (листок)» и на обороте того же листка блокнота: «Кое-что о работе ф-кции во время моего отсутствия: 1) уход Малиновского, 2) третейский суд по этому делу, 3) поведение с.-д. в историческом заседании думы, 4) предстоящая конференция и порядок дня ее». В том же блокноте отмечено: «попросить секрет. дать ночевку, прислали депутаты». Наконец, на листке, вырванном из блокнота: «Поправки к докладу, прибавить: 1) организации существ. еще в Шуе; 2) недоумевали иван. (вероятно, иваново-вознесенские) рабочие не по поводу движения в Питере, а по поводу очень быстрого прекращения его».

У Козлова отобрана полоска писчей бумаги, среди записей на которой имеется фраза: «о правомочиях конференции», а затем: «харьковец о выпуске листка, распространенного среди призывных... существует студенческая организация всех с.-д-х течений. Недостаток проп. сил. в южнорусском центре. О помощи раненым или посланы докладчики во все организации. Отношение отрицательное».

Кроме того, у Бадаева был обнаружен годовой паспорт на имя крестьянина Рязанской губернии, Зарайского уезда, Дединовской волости Александра Павловича Кочкина.

Ульяна Гаврилова, Розенфельд, Яковлев, Печак, Воронин, Козлов и Антипов были задержаны полицией, а члены государственной думы Петровский, Муранов, Бадаев, Самойлов и Шагов были отпущены полицией после производства у них личного обыска. Петровский, Шагов и Бадаев, занимавшие по квартире: первые двое—в доме № 17 по Кирилловской улице, а последний—в доме № 2/3 по Малой Болотной улице, возвратились к себе 5 ноября в 4 часа утра. Муранов и Самойлов останавливались в Петрограде в меблированных комнатах.

На возникшем предварительном следствии Петровскому, Шагову, Бадаеву, Муранову и Самойлову были вручены повестки о приводе их к следствию 5 ноября около $11^1/_2$ часов вечера и тогда же приняты меры к охране полицией квартир первых трех до прибытия следственной власти для производства обыска, 8 ноября был произведен обыск в квартире Петровского, а 9 ноября—в квартирах Бадаева и Шагова. Квартира Муранова в гор. Харькове была обыскана в ночь на 14 ноября.

Когда следственная власть приступила к обыску в квартире Петровского, в печке в его комнате оказалось значительное количество пепла от бумаги, сожженной настолько тщательно, что необгоревших частей не обнаружено. В других печах квартиры не было следов сожженной бумаги. Обыск дал следующие результаты:

В блокноте у него оказались записанными среди других

фамилий, следующие: «Яковлев В. Н. Козло Воро Антипова».

В обнаруженной у него тетради оказался дневник, начинающийся 14 сентября. Из записей в нем имели значение следующие: Под 16 сентября: «Был вчера у Бадаева, не застал дома. Надо было ехать в Фин., но он не приходит, дело стоит, время бежит, вероятно скоро будет заседать бюджетная комиссия». Под 21 сентября: «Двое суток был у Л. Б. и С-ва (вероятно, у Льва Борисовича Розенфельда)». Под 22 сентября: «Нелегальная работа отравляет жизнь, нужен железный характер, холодную логику, непоколебимую веру среди всякой подозрительности и внешних и внутренних врагов. Благо что меня спасает положение от этой злой русской участи». Под 13 октября: «За это время приехал Шагов, чувствует себя угнетенным, к моменту вызова не приехал, будто извинялся». На 23 октября дневник прекращается, но вслед за этим, судя по обнажившемуся корешку, было вырвано значительное число листов.

У Петровского обнаружено адресованное ему открытое письмо с почтовым штепелем от 17 сентября 1914 года, в котором Шагов сообщал: «по поводу ответа на телеграмму на имя Вандервельде я присоединяюсь заочно и надеюсь, что разногласия у нас в этом не будет, если это скоро будет, а если не экстренно, тогда обсудим».

В подписанном лишь инициалом «Ж» письме от 29/X 1914 неизвестный автор просил «Гр. Ив. (очевидно, Григория Ивановича Петровского) сообщить, «как обстоит дело относительно предполагаемого в первых числах XI м.: будет ли что и когда?».

На отрывном календаре на 1914 год оказались записи в местах, предназначенных для заметок, под 25 августа: «послал письма Муранову, Шагову, Самойлову» и под 6 сентября: «посланы письма Муранову и Шагову о их приезде».

Затем было найдено открытое письмо с портретом Карла Маркса, без адреса и подписи, а равно без марок и почтовых штемпелей. Текст письма следующий: «Сегодня приехал т. Муранов, двумя днями раньше приехал Самойлов, нехватает вас, было бы хорошо всем поговорить обо всем, конечно уже ответ Вандервельду запоздал и быть не может, своевременно мы не могли съехаться и обсудить его. Теперь мы совсем отказались брать на себя ответственность, дело слишком серьезное, чтобы решиться на это. Если вы не думаете приехать в ближайшем будущем, то сообщите, но страшно хотелось бы всем вместе собраться, вопросов очень много». Как установлено экспертизой, текст этот написан Петровским.

Также рукою Петровского оказался написаниым проект резолюции «группы рабочих Заднепровья», содержащей при-

зыв, обращенный к «российскому пролетариату», «всеми средствами бороться против затеянной войны и братски протянуть руку пролетариату всех стран», и кончающейся словами: «долой войну, да здравствует единство международн. с.-д.! Перед лицом всего мира мы заявляем, что будем работать для завершения мира не буржуазн. пр-ми, а революционными народами».

Затем был найден отбитый на пишущей машине на 14 полулистах текст конспекта доклада о заседании «Международного Социалистического Бюро» в Лондоне 1—3 ноября 1913 года. Из этого доклада видно, что социал-демократическая фракция в государственной думе распалась на два толка или «линии», «последовательно-марксистскую» и «ликвидаторскую», при чем к первой принадлежала «шестерка»—6 членов государственной думы, а после отказа Малиновского от своих полномочий—пять (т.-е. Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов и Шагов), а к «ликвидаторской»—«семерка». Различие между этими двумя «линиями» определилось в том, что «последовательно-марксистская линия» считает «внедумскую деятельность» своей важнейшей задачей, отстаивает «полное и бесповоротное» признание «подполья», вхождение в его ячейки на деле всех желающих работать в духе социал-демократии, безусловное подчинение на деле всем решениям этих марксистских ячеек и обязательство ни в каком случае не допускать на страницах печати каких бы то ни было нападков на «подполье», а также отказ от борьбы против массовых стачек, и признать думскую фракцию «органом, безусловно подчиненным марксистской организации в целом».

Наконец, у Петровского обнаружена подписанная лишь одной буквой «Г» записка, в которой автор ее сообщает Петровскому: «есть неотложная просьба к вам—один товар. нуждается в явке в Уфу, если сможете, пришлите по условленной книжице—стр. 25». Доказательство того, что Петровский действительно вел шифрованную переписку, является то, что у него в книге «Спутник рабочего» на 1914 год найдена зашифрованная заметка и к ней на лоскутке бумаги дешифрант: «посылаю на совещание будуамию». Заметка эта была расшифрована охранным отделением на основании страницы 19-й «Спутника рабочего», и получился текст: «Посылая на совещание буду 31-го м.м».

При обыске, произведенном 9 ноября в квартире Бадаева, в доме № 2/3 по Малой Болотной улице, обнаружено несколько протоколов социал-демократической фракции: «27 октября (год не указан) председателем избран Малиновский, а казначеем—Самойлов; во втором заседании произведены выборы в одно важное международное учреждение». В отчете о том же заседании сказано: «Собрание переходит к вопросу

о важном учреждении. После продолжительных дебатов принимается определенное решение». Какое именно решение было принято,—из протокола не видно, так как далее следуют точки, за которыми следует фраза: «заседание закрывается». Из отчета о 10-м заседании фракции 5 декабря 1913 года, видно, что «собрание нашло необходимым ехать на места ввиду большой важности вопросов, стоящих на очереди», к числу которых отнесено «общее положение дела в организациях последовательных марксистов». В отчете заседания фракции 7 мая 1914 года упомянуто, что «формулу перехода поручено составить секр. с Л. Бор.». Из нескольких приходо-расходных тетрадей, чековых книжек с корешками и значительной переписки, заключенной в регистраторы, видно, что через руки Бадаева, как казначея фракции, проходили разного рода сборы в пользу бастующих рабочих, осужденных кронштадтских матросов, «втородумцев», содержащихся в доме предварительного заключения, политических ссыльных и лиц, высылаемых в административном порядке. Из большой конторской книги и двух алфавитов часть листов оказалась вырезанной и вырванной. В обеих печах квартиры Бадаева в момент обыска было выметено, и пепла в них почти не оказалось.

В квартире Бадаева была обнаружена пишущая машина «Ремингтон № 9» с фабричным клеймом № 2789. В приходо-расходной «книге для казначея фракции» под 18 ноября 1913 года выведены в расход 65 рублей на покупку пишущей машины. Произведенной экспертизой установлено, что на этой машине были отбиты отобранные при личном обыске у Петровского и Бадаева два экземпляра «телеграммы Вандервельде».

При производстве обыска 9 же ноября в квартире Шагова, помещающейся в том же доме, что и квартира Петровского (Кирилловская, № 17), обнаружено 7 чековых книжек и несколько оправдательных документов, подтверждающих, что через его руки проходили сборы, аналогичные с теми, которые принимал Самойлов.

При производстве обыска в ночь на 14 ноября в квартире Муранова в Харькове, обнаружены, между прочим:

1) Записная книжка, в которую рукою Муранова занесены: список заводов на Урале и маршрут от этих заводов на Челябинск, Златоуст, Уфу, Самару, Сызрань, Пензу, Саратов, Астрахань, Баку, Ростов и Таганрог; список заводов и рудников в Пермской и Вятской губерниях; адреса разных лиц с отметками против их фамилий: «связь с трубочниками и печатниками», «сейчас же дать связь с ЦК», «багажн. квит. для посылок», «для организ.», «для подробных записей». Останавливают внимание следующие: «Не было ли

попытки связаться с кк.ц.к.т. и с самар., саратов. Распад орг. потому, что отсутст.», «1-е мая 800 экземпляров багажем 22-го апреля «Путь Правды» просьба указать контрагентов в «Путь Правды». Конфисков. №№ прибав. 25 Колчаковская 83 Израилю Терлецкому для посылок, 1-е мая листок сейчас же. Если будет послан от ЦК для шахтерского объезда, просьба заехать в Харьков».—«Подпись для корреспонденции после фамилии Х-в».

2) На двух полулистах и четвертушке бумаги рукою Муранова записано 90 адресов разных лиц на заводах и фабриках в Харькове и Харьковской губернии.

3) Писаный рукою Муранова «устав Верх-Исетской организации РСДРП», из которого видно, что «членом В.-Исетской организации РСДРП признается всякий, принимающий партийную программу и постановления партийных съездов, признающий директивы ЦК, поддерживающий организацию материальными средствами»; «признавая контроль ЦО, организация поддерживает ЦК в размере 10% всех своих поступлений» и «посылает своего представителя в Екатеринбургский исполнительный комитет».

4) Писаный рукой Муранова текст следующего содержания: «С.-д. заводский комитет Верх-Исетского завода в Екатеринбурге Пермской губ. постановляет делегировать в качестве своего представителя на венский международный конгресс товарища. Если этот товарищ почему-либо не сможет присутствовать на конгрессе, поручаем ЦК РСДРП назначить своим делегатом, кого он найдет нужным».

5) Изданная в Париже брошюра под заглавием: «Извещение и резолюции совещания Центрального Комитета РСДРП с партийными работниками. Февраль 1913. Издание ЦК РСДРП». Среди резолюций обращает на себя особое внимание следующее: «Организации партии, расширяя и усиливая агитацию за ближайшие требования РСДРП... должны выдвинуть на одно из первых мест в своей деятельности всестороннюю поддержку революционных массовых стачек, а также развитие и организацию всякого вида революционных выступлений масс. В особенности необходимо выдвинуть, как очередную задачу, устройство уличных революционных демонстраций, как в их сочетании с политическими стачками, так и в качестве самостоятельных выступлений», «главной очередной задачей в части организационного строительства в настоящий момент является создание на всех фабриках и заводах чисто партийных нелегальных заводских комитетов, состоящих из наиболее активных рабочих элементов»; «совещание указывает, что теперь вполне назрела необходимость создания из разрозненных местных групп одной руководящей организации в каждом центре. Как тип общегород-

ской организации, выдвинулся, например, в Петербурге руководящий городской комитет, созданный путем сочетания принципа выборности от районных ячеек и принципа кооптации»; «в целях направления и объединения партийной работы совещание считает настоятельно необходимой организацию областных центров в главных районах рабочего движения. Как одна из важнейших практических задач в деле установления живой связи между ЦК и местными соц.-дем. группами, а также в деле создания гибких форм руководства местной работой в крупных центрах рабочего движения, выдвигается система доверенных лиц. Доверенные лица должны рекрутироваться из рабочих руководителей местной работы. Совещание высказывает пожелание, чтобы ЦК организовал возможно чаще совещания с местными партийными работниками, действующими в разных отраслях с.-д. работы». «Признавая единственно правильною установившуюся в нашей партии традицию, в силу которой думская фракция с.-д. является органом, подчиненным партии, как целому, в лице ее центральных учреждений, совещание находит, что в интересах политического воспитания рабочего класса и правильной постановки думской работы партии необходимо внимательно относиться к каждому шагу с.-д. фракции и таким образом осуществлять контроль партии над фракцией». Среди резолюций, принятых на совещании, четыре обозначены, как не подлежащие опубликованию.

6) Пятнадцать экземпляров изданной в 1914 году брошюры: «Письмо депутатов Российской Соц.-Демократической Рабочей Фракции к товарищам рабочим», за подписью Бадаева, Малиновского, Муранова, Петровского, Самойлова и Шагова. Излагая в этом письме историю происхождения раскола среди социал-демократических депутатов, автор говорит в конце: «Вы должны помнить и знать, товарищи, что все наши стремления и силы направлены к тому, чтобы выполнять лежащие на нас обязанности, чтобы выполнять волю пославших нас организованных товарищей-марксистов».

7) Писаная рукою Муранова резолюция «Харьковской организации РСДРП», обсуждавшей «поведение и обращение Эмиля Вандервельде к российскому пролетариату»; в резолюции сказано, что «пролетарии всех стран, в частности и России, исходя из классовой точки зрения и постановлений международных социалистических конгрессов, манифеста Интернационала, резолюции базельского конгресса (24—25/XI 1912 г.)», могут отнестись лишь отрицательно к предложению Вандервельде оказать активную поддержку правительствам держав, находящихся в состоянии войны с Германией, считая «это обращение деморализующей и дезорганизующей выходкой недостойного члена рабочей семьи».

8) Несколько экземпляров прокламаций различного содержания, из которых три экземпляра одной и той же, начинающейся словами: «Европейская война стала фактом» и изданной «Организационным Комитетом» в сентябре 1914 года. В ней проводится мысль, что «международный социализм» должен «в полной мере использовать созданное войной положение», для чего «сейчас борьба за прекращение войны должна вестись пролетариатом солидарно во всех странах», и «пролетариат каждой отдельной страны... должен усиленно организовываться и готовиться к нему, чтобы мировые вопросы, поставленные остро войной, были разрешены при самом деятельном его участии в интересах демократии и социализма. Для России это значит—борьба с шовинизмом, панславизмом и германофобией, просвещение широких народных масс насчет истинного характера и роли (в войне) правительства и господствующего класса, борьба с обнаружившимся уже теперь стремлением русской реакции к захвату чужих территорий под флагом освобождения подъяремных народов, усиленная организация для борьбы с бедствием войны и, наконец, борьба за демократизацию страны». Прокламация заканчивается словами: «Да здравствует мир! Да здравствует братство народов! Да здравствует международный социализм!». Каждый экземпляр представляет отпечаток на множительном аппарате текста, отбитого на пишущей машине; в одном из них не вышедшие при копировании окончания нескольких строк и одна целая строка вписаны рукой Муранова.

9) Письмо Муранова своей жене, отправленное из Петрограда 5 ноября 1914 года, в котором, сообщая ей о том, что 4 ноября полицейский наряд подвергнул его обыску в числе других лиц, собравшихся в Озерках, он следующим образом обозначает квартиру, в которой происходило собрание: «Меня пригласили в одно место погостить»...

10) Записная книжка, в которой, среди других, имеются такие записи: «для ЦК письма 40»; «на поездку в ЦК КПБ—20 р.».

5 ноября дворник дачи Иванова, в которой накануне происходил социал-демократический партийный съезд, Василий Ласуков, прочищая клозет, помещающийся в коридоре квартиры Гавриловых, заметил брошенную в люк записную книжку с несколькими листками в ней. Он доставил все это полицейскому уряднику Трофимову, после чего приставом 2-го стана Сенько-Поповским был произведен осмотр того же отхожего места и были найдены еще другой экземпляр той же прокламации и отдельные листы и обрывки бумаги. Среди обнаруженного в клозете Гавриловых оказалось следующее:

1) Записная книжка Муранова, исписанная его рукой. Среди помещенных в ней записей оказался конспект доклада Муранова об его поездке по Уральскому краю и Поволжью. Из конспекта видно, что Муранов объездил следующие пункты: Пермь, Мотовилиху (под Пермью), Лысьвенский завод (Пермского уезда), ст. Чусовую, Надеждинский завод (Верхотурского у.), Екатеринбург, Верх-Исетский завод (под Екатеринбургом), Нижне-Тагильск, Калатинский завод, Невьянский завод, Тюмень, Челябинск, Златоуст, Миньярский завод (Уфимского уезда), Уфу, Самару, Сызрань и Саратов, куда приехал в момент мобилизации. Как видно из конспекта, в Мотовилихе Муранов прочитал два доклада. В Перми им был разыскан «Али-бей, как ответственный организатор», здесь было устроено собрание и «начата стройка железнодорожного союза». На Лысьвенском заводе, после «собрания для передовых», на котором Муранов говорил о «партийном съезде», была устроена «массовка», относительно которой Мурановым сделана такая запись: «массовка 200 человек, где мне пришлось развить нашу программу, призвал к организации и революции, где была резолюция принята, доверяющая защиту своих интересов РСДРП, так и мандат на имя РСДРП». На заводе близ станции Чусовой, «где имеется чистое с.-д. ядро», после собрания, на котором было решено принять участие «в выборах на съезд», была устроена «массовка», и здесь «также были даны мандаты, как в Лысьве, так в Перми и Чусовой». Посетив затем с Али-беем Надеждинский завод, где его снабдили «адресами и явками», Муранов «с большой трудностью созвал ячейку в 11 человек, которые все же решили принять участие по посылке делегата»; деятельность этой «ячейки» Муранову удалось «оформить и закрепить, выбрав для явки лицо и секретаря». Миновав несколько верхотурских заводов, так как имевшиеся для них «адреса» оказались непригодными, Муранов в Екатеринбурге занялся «стройкой организации, положив в основу программный устав; создали Верх-Исетский заводский комитет, который должен был начать строить Екатеринбургский, а дальше, может, и Уральский. В Екатеринбурге до 100 человек участвовало в массовке, устроенной для выслушания доклада Муранова. В Нижне-Тагильске он «добыл 1 адрес на случай связи»; в Невьянском заводе «розыскал 2 лиц», вполне надежных и энергичных; один из них взялся сейчас строить страховую (кампанию)», а другого «надо бы завербовать, с организаторскими способностями, но применить их не удается пока». После неудачи с созывом собрания на Калатинском заводе, Муранов вернулся в Невьянский завод, где на собрании «передовой публики» говорил «о политическом моменте, о партии и ее значении для

рабочих, о деятельности фракции, газете «Правда», страх. камп.», но, несмотря на присутствие среди слушателей двух «с.-д. большевиков», «построить организацию не удалось ввиду отсутствия с.-дека». Заехав в Екатеринбург «для встречи с Али-беем», он прибыл в Тюмень, но здесь «массовка была так неудачно организована, что провалилась, я же,—сказано в конспекте,—удрал обратно в Екатеринбург и, пропустив несколько заводов для того, чтобы затереть следы, отправился в Челябинск». Не добившись ничего в последнем пункте, Муранов в Златоусте устроил «массовку», на которой был «довольно дружелюбно» встречен собравшимися 165 слушателями, из которых «некоторые энергично взялись за работу». На Миньярском заводе, где оказалась действующей «полная с.-д. организация—заводский комитет», «массовка» не была устроена, так как бастующие рабочие разъехались по полевым работам. По поводу этой организации, насчитывающей 16 участников, Мурановым сделана сокращенная запись: «орг. пост. завидн. отв. орг. челов. как с пр., так и бывш. бун. школы». По адресу, добытому на Миньярском заводе, Муранов остановился в Уфе «у двух довольно видных большевичек», пригласивших сейчас же «человека, носящего кличку «Маркс», который ознакомил его «с положением дел в Уфе». Сделать доклад на собрании Муранову не пришлось, так как в Уфе «вся организация оказалась разбитой, именующие себя большевиками на деле плетутся в хвосте ликвидаторов». В Самаре «после всех мытарств» Муранов отыскал «ответственного организатора и ему одному сделал доклад». После слова «сделать» в записной книжке Муранова имеется выноска: «сделали «Зарю Поволжья» большевистской». Вечером, около 60 человек, собравшихся на берегу Волги, выслушали доклад Муранова. В Сызрани Муранов нашел вполне оформленную организацию—«исполнит. комит., который ведет работу, и, кроме того, работает около «Зари Поволжья»; но... больше ведется работа легальная путем нелегальным». В Сызрани Мурановым также была созвана «массовка», на которую собралось до 70 человек,—«по-тамошнему—это целое событие».—В записную книжку Муранова занесено несколько адресов, в том числе Гавриловых—«Выборгское шоссе, 28, левой стороны, уезд, Гаврилов, прислал депутат» и, повидимому, адрес для «явок» к Розенфельду, записанный следующим образом: «Мустамяки дер. Нейвола, дача Давида, спр. Вера Руфовна Косинская у нее спр. Л. Б.»; ряд адресов и явок относятся к «докладу» о поездке по Уральскому краю и Поволжью. Кроме того, сделано несколько заметок для конспиративных и шифровых сношений, а именно:

«Для Сызранской организации, но если уже есть, то уничтожить адрес: Кузнецкая, № 33, Зинаиде Лазаревне Юр-

ковской с загран. марк.—шифр: множитель книжки пер. Произведение стр. подпись Симбирск».

«Спб., Разъезжая, 20, магазин шляп Варваре Мурашевой шифр или хими... для Бадаева».

«Уфа, Биржевой комитет. Запрос о ценах на хлеб. От кого подпись. Грохольский книга 1-я дробь вычесть из знаменателя 2 числитель 1 ст. сумма дальше по обыкновению.

«Числитель книжк. Просвещ. С. улица страница от Сызрани для ЦК отд. лицо без подписи видный работник».

«Сибирская железная дорога в алфавите 28 букв писать поперек строк, идут подряд, каждый раз шифр идет с левой стороны».

В записной книжке Муранова оказалось 3 листка бумаги с зашифрованными записями, писаными рукой Петровского, в том числе:

а) с надписью «Пермь»,—повидимому, шифр, для сношения с Пермью,

и б) с надписью «Шагов, Бадаев и Петровский»,—повидимому, для сношения с этими лицами.

2) Три почти аналогичных по содержанию «мандата», написанных рукою Муранова: первый—«от с.-д. ячейки среди рабочих Надеждинского завода на Урале, Пермской губернии», за 11 подписями; второй—от «организованных рабочих Верх-Исетского завода в Екатеринбурге», без подписи, и третий—от «организованных рабочих Лысьвенского завода», в числе, как сказано в тексте, 170 человек, но всего за 3 подписями. Во всех трех мандатах говорится, что перечисленные организации постановили «приветствовать предстоящий в Вене международный съезд рабочих и принять в нем участие через особого делегата», при чем «ячейка» среди рабочих Надеждинского завода поручает «ЦК РСДРП назначить делегатов, кого он найдет нужным», а в остальных двух мандатах такое право дано РСДР Фракции».

3) Девять листков, исписанных Петровским различными заметками, номерами телефонов и адресами, среди которых останавливают внимание записи:

«Посылка Александра Стокг. Лен.».

«5 Общ. Больничная касса, Плавучий пер., № 4, Н. Печаку, для явки к Предкальну. Суворов., 37».

4) Письмо на имя «уважаемого товарища», содержащее сообщение о том, что в правление «харьковского общества конторщиков и бухгалтеров» являлся какой-то Архипцев, назвавшийся бывшим секретарем закрытого общества металлистов, и просил ознакомить его с положением дел в обществе, но эта просьба не была удовлетворена. На письме рукой Петровского сделана заметка карандашом: «Требуется следств. комис. более подробные срочные сведения от пра-

вления конторщиков. Какие сведения именно он хотел иметь?».

5) Семь визитных карточек, в том числе 4 Петровского и 3 Муранова.

6) Два экземпляра прокламации, напечатанной в типографии «Петроградского Комитета» и начинающейся словами: «Снова вас оторвали от ваших семей».

Экземпляры этой прокламации тождественны с экземплярами, найденными Гурдяевым в ресторане «Медведь» и подобранными мальчиками на пустыре завода Лангензиппена.

В связи с обнаруженной у Муранова записью «Мустамяки, дер. Нейвола, дача Давида, спр. Вера Руфовна Косинская у нее спр. Л. Б.» должно поставить найденный при обыске произведенном в селе Неуволи (Нейволе), на даче у Розенфельда [1]), вскрытый конверт от письма со следующим адресом: «Е. В. Б. В. Р. Косинской (для О. Д.). Деревня Нейвола, дача Давида Растава, Мустамяки». Из дела видно, что жену Розенфельда зовут Ольгой Давидовной.

Для разъяснения же записи, сделанной Петровским на одном из 9 листков, найденных в клозете при квартире Гавриловых: «Посылка Александра Стокг. Лен.», могут служить 5 открытых писем, полученных уже после привлечения к следствию Петровского в Таврическом дворце на имя «его превосходительства Г. И. Петровского» или по его домашнему адресу на Кирилловскую улицу. Все эти письма отправлены из Стокгольма, писаны одним лицом; в одном из них имеется подпись: «ваш племяш Санька». В первом из этих писем, помеченном 11 ноября 1914 года (очевидно, нового стиля), автор сообщает Петровскому, что получил от него 151 крону, и что «шестого декабря назначена конференция в Копенгагене». В письме от 15 ноября подтверждается, что «конференция всех нейтральных стран соберется 6 декабря н. ст. в Копенгагене; делегаты «воюющих стран» будут допущены по 2 человека, как «гости», но им поручено принести письменный доклад по вопросу о положении партий в момент объявления войны. В письме от 18 ноября автор извещает Петровского, без более точного указания, о чем идет речь,— что «в шведской газете опублик. от имени ЦК». Наконец, в письме от 24 ноября говорится: «Вчера открылся местный конгресс. Были гости от России, Финляндии, Дании, Норвегии и больше ниоткуда. Даже немцы никого не прислали».

При обыске, произведенном у Яковлева, в комнате, которую он снимал в Харькове, отобран план «лекции», посвященной «общей характеристике современного состояния России». В плане имеются следующие рубрики: «Приближение

---

[1]) Л. Б. Каменева. Примеч. автора.

финансового банкротства правительства. Периодическое повторение голода и вообще недоедание. Неисполнение правительством обещаний и усиленная реакция. Лагерь охранников в России. Положение в армии. Недовольство правительством во всех слоях населения». За планом идет конспект, в одном из пунктов которого сказано: «Армия пополняется все послереволюционное время лицами, переживавшими подавление революции, как и самую революцию 1905 г. Пополнение кадров армии таким элементом при безвыходном положении деревни—залог возможности революционизирования армии. Запасных же можно рассматривать, как пороховой погреб». В другом плане лекции или статьи, также взятом при обыске у Яковлева, имеются рубрики: «Капитализм, экономич. матер. Монизм. Программа-максимум. Программа-минимум. История револ. и раб. движ. (проф. движ.) и партии. Организационные вопросы. Дум. комм. Отношение к партиям и их характеристика. С.-д. тактика».

Обысками, произведенными в комнатах, занимаемых Яковлевым в Харькове, Печаком—в Риге и Ворониным—в Иваново-Вознесенске, обнаружено довольно значительное количество печатных трудов по экономическим и политическим вопросам, преимущественно авторов, разделяющих социалистические учения.

Изложенные данные послужили основанием к привлечению к следствию членов госуд. думы Петровского, Муранова, Бадаева, Шагова и Самойлова, потомственного почетного гражданина Розенфельда, потомственного дворянина Яковлева и крестьян Печака, Воронина, Козлова и Антипова по обвинению их в участии в сообществе, заведомо для них поставившем целью своей деятельности насильственное изменение в России установленного основными государственными законами образа правления, и крестьянки Гавриловой—по обвинению ее в предоставлении своей квартиры для собрания перечисленным лицам, заведомо для нее участвовавшим в указанном преступном сообществе, и недонесении о том подлежащим властям без уважительной причины.

Обвиняемые не признали себя виновными в приписываемых им тяжких преступлениях. К этому Петровский, Бадаев, Шагов и Самойлов прибавили, что они состоят, Петровский—председателем, а Бадаев, Шагов и Самойлов—членами социал-демократической фракции госуд. думы, но с русской социал-демократической партией не имеют ничего общего, и в этом не видят противоречия.

Муранов отказался отвечать на предложенные ему вопросы. Когда же ему было объявлено на предварительном следствии, что в клозете квартиры Гавриловых обнаружены

его записная книжка и писаные его рукой «мандаты» от рабочих Надеждинского, Лысьвенского и Верх-Исетского заводов на посылку делегатов на международный рабочий съезд в Вене, Муранов, подтверждая свой отказ давать показания, заявил, что он отказывается подписать протокол допроса его в качестве обвиняемого.

Впоследствии, по предъявлении ему следственного материала, Муранов объяснил: 1) что в день обыска у Гавриловых, 4 ноября, он был в меблированных комнатах «Белград» между 7 и 8 часами утра, 2) что «разные самозванцы выдавали себя за членов госуд. думы», и потому ему «приходилось прибегать к устранению такого самозванства путем явочных паролей».

Объяснения остальных обвиняемых сводятся к следующему.

Ульяна Гаврилова показала, что из числа собравшихся у нее лиц она знала только члена государственной думы Шагова, так как однажды по поручению лица, назвать которое она отказывается, она отнесла письмо по указанному ей адресу во «фракцию», помещавшуюся на Песках, и там видела Шагова. Остальных же собравшихся у нее лиц она раньше не видела и фамилии их узнала лишь по приходе полиции. В пятницу 31 октября известный ей по фамилии знакомый ее бывшего жильца Пфафорда, раз или два посетивший последнего на ее квартире, предупредил ее, что к ней зайдет «человек» переговорить о том, не предоставит ли она ему на день или два свою квартиру. Действительно, 2 ноября к ней в Озерки приехал Шагов и спросил, согласна ли она предоставить ему комнату, куда с ним соберется «человек восемь». Несмотря на то, что Шагов не предупредил ее ни о цели этого собрания, ни о том, кто примет в нем участие,—она согласилась исполнить его просьбу, прибавив, что «кстати, четвертого ноября у нее праздник», так как решила отпраздновать годовщину своей свадьбы 4 ноября, хотя в действительности венчалась в летнее время. Она уговорилась с Шаговым, что приглашенные им лица соберутся у нее в понедельник с вечера, и получила от него 10 рублей на расходы по угощению гостей. 3 ноября, в девятом часу вечера, первыми явились Шагов и Петровский, а за ними постепенно сошлись и остальные застигнутые у нее полицией лица, за исключением Розенфельда и Антипова, приехавших лишь на следующее утро, часов в одиннадцать. Для собрания она отвела комнату отсутствовавшего жильца Митревича, которую раньше занимал Пфафорд. Здесь они просидели часов до двух ночи, в этой же комнате все переночевали, и туда же она подала им в понедельник вечером чай с закуской, а во вторник—и обед, но разговор их слы-

шала урывками и усвоила лишь то, что они беседовали о войне. Окна в комнате, служившей для собрания, действительно, были завешены одеялами, но она не знает, кто их завесил таким образом. По словам Гавриловой, она не говорила своему мужу о приезде к ней Шагова и не предупреждала его о предстоящем собрании. Во вторник, т.-е. в день, назначенный ею для празднования годовщины свадьбы, Александр Гаврилов рано утром ушел на работу.

Впоследствии Гаврилова, в противоречие с данными ею объяснениями, стала утверждать: а) что 2 ноября у нее Шагов сам не был, а прислал к ней лицо, которое она отказывается назвать, с письмом, предупреждавшим ее о том, что он, Бадаев и Петровский будут у нее 4 ноября; б) что никто из обвиняемых не провел у нее ночи на 4 ноября и в) что Шагов не давал ей денег на расходы по закуске, а уже 4 ноября послал ее в лавочку и дал ей разменять 10 рублей.

Шагов показал, что он совершенно не знает Александра Гаврилова, а Ульяну Гаврилову видел однажды в помещении думской социал-демократической фракции, куда она явилась по какому-то делу. 3 ноября, случайно встретив его на улице, она пригласила его, а через него—и остальных членов думской фракции, к себе на 4 ноября «провести время, попить чаю». Раньше он у нее бывал. Приехал он к ней 4 ноября утром, вместе с Петровским, но, вопреки ее утверждению, у нее накануне не ночевал. Никакого совещания в ее квартире не происходило, никаких резолюций там не вырабатывалось, и все разговоры между собравшимися лицами ограничивались беседой о больничных кассах и желательности издания рабочих газет взамен закрывшихся.

Каким образом у Гавриловой оказались съехавшиеся с разных мест неизвестные ему рабочие,—он не знает.

По поводу найденного при обыске в квартире Петровского открытого письма от 17 сентября из Родников, в котором он «заочно присоединился к ответу на телеграмму Вандервельде», Шагов объяснил, что он из газет узнал о присылке Эмилем Вандервельде телеграммы социал-демократической фракции госуд. думы. Петровский написал ему на родину—в с. Родники, Юрьевского уезда,— что нужно обсудить эту телеграмму. Его открытое письмо и представляет ответ на письмо Петровского. Обсуждалась ли в действительности телеграмма Вандервельде,—он не знает. На совещании представителей думской фракции с партийными работниками он не был и не знает ничего о таком совещании. В Петроград он вернулся 4 ноября из поездки по Волге.

Бадаев показал, что знаком с Гавриловой, но не помнит, где с ней познакомился, и 4 ноября был у нее по приглашению, переданному ему через Шагова. Какого рода было это

приглашение,—он считает «неважным для дела». Кажется, что он у нее раньше не бывал: он не помнит, ночевал ли у нее с 3 на 4 ноября, но, кажется, не ночевал. Никакого совещания у нее на квартире не происходило, а была просто беседа собравшихся знакомых, посвященная вопросам страхования и рабочей прессы. Какие бы то ни было резолюции здесь не обсуждались.

То обстоятельство, что при личном обыске у него оказался паспорт Александра Кочкина, Бадаев объяснил тем, что рабочие приносили ему свои виды на жительство, например, прося достать им пропуск на заседание госуд. думы, и бывало, что эти документы подолгу оставались у него на руках.

По словам Бадаева, Антипова он знал до 4 ноября; как безработный, Антипов приходил к нему с просьбой помочь ему устроиться где-нибудь. Он, действительно, посылал Антипова к Козлову с приглашением притти в квартиру Гавриловых, так как хотел переговорить с Козловым об издании рабочей газеты по вопросам страхования. С Розенфельдом он познакомился в редакции рабочей газеты, в которой тот сотрудничал, и раз или два раза, в сентябре или октябре 1914 года, был у него на даче в Нейволе и там встретился у него с Петровским и Самойловым, но не помнит, одновременно или в разное время. Муранова и Шагова он, кажется, не встречал у Розенфельда.

По поводу обнаруженной в его квартире пишущей машины Бадаев объяснил, что она принадлежит социал-демократической фракции Государственной думы и находилась на его квартире с июня 1914 года по день ее отправки в магазин для починки. Как видно из расписки торгового дома «Пишущая Машина» в приеме этого аппарата для починки буквы «р», счета и дубликата накладной, аппарат этот был взят в починку 5 ноября и возвращен на следующий день.

Петровский показал, что приглашение к Гавриловой «на пирушку» он получил через посредство лица, которое отказывается назвать. По какому поводу была эта «пирушка»,—он не помнит; до этого он не был знаком с Гавриловой. Из числа собравшихся у нее лиц он знал только членов государственной думы—своих товарищей по фракции, и Розенфельда. На вопросы, от кого он получил сведения о квартире Гавриловой, не было ли заранее назначено состоявшееся у нее собрание, как собрались у нее незнакомые ему ранее лица, и где он провел ночь на 4 ноября, Петровский отказался отвечать.

По предъявлении Петровскому девяти листков, найденных в клозете при квартире Гавриловых, он признал, что за-

писи на этих листках сделаны им, но отказался объяснить, как листки попали в клозет. По поводу документов, отобранных у него при личном обыске, Петровский объяснил, что они в разное время были доставлены ему по почте и через посыльных от неизвестных ему лиц. Поправки в тексте отобранного у него экземпляра резолюции из 7 пунктов и набросок изменений к ней сделаны его рукой, но придуманы лицом, которое он отказывается назвать; он записал эти исправления, рассчитывая воспользоваться ими в своей думской деятельности. Петровский добавил, что его точка зрения на настоящую войну не соответствует высказанной в № 33 газеты «Социал-Демократ» и в упомянутой резолюции.

По поводу обнаруженной при обыске в его квартире записи в блокноте фамилий обвиняемых Яковлева, Козлова, Воронина и Антипова, Петровский объяснил, что запись эта была сделана им во время обыска, производившегося в квартире Гавриловых 4 ноября, карандашом, взятым им у пристава 2-го стана Петроградского уезда Сенько-Поповского. Блокнот этот был осмотрен чинами полиции и возвращен ему.

Самойлов показал, что застигнутые полицией лица встретились у Гавриловой случайно. Кто-то из них был с ней знаком. То обстоятельство, что у нее собрались лица, приехавшие одновременно из разных мест, он также объясняет случайностью. Дело в том, что членов государственной думы посещали рабочие частью за справками, частью доставляя им материал для думских запросов, а так как соприкосновение рабочих с членами государственной думы угрожало первым из них неприятностями со стороны полиции, то, естественно, приходилось устраивать встречи с рабочими у третьих лиц. Так было и в данном случае. Кто-то из членов государственной думы пригласил их к Гавриловой отчасти чай пить, а отчасти для встречи с рабочими. 3 ноября он приехал в Петроград из Кинешмы и ночь на 4 ноября провел на квартире у Бадаева, тоже ночевавшего дома.

Самойлов прибавил, что с января 1914 года он провел несколько месяцев на излечении в Швейцарии и вернулся в Иваново-Вознесенск, место своего постоянного жительства, 13 сентября. Оттуда он приехал в Петроград около 24 сентября без вызова с чьей бы то ни было стороны, для того только, чтобы получить от казначейства государственной думы причитавшееся ему содержание, хотя раньше последнее получал по его доверенности и пересылал ему Бадаев. В Петрограде он прожил около недели безвыездно, в Финляндию не ездил и ни в каком совещании там не участвовал. Розенфельда он знает только по наслышке и у него в Финляндии не бывал: ему непонятно, почему Бадаев утвер-

ждает, будто встретил его в Нейволе у Розенфельда. Из Петрограда он поехал в Иваново-Вознесенск, затем в Кинешму и вернулся в Петроград 3 ноября—снова без вызова, исключительно для получения содержания и свидания с другими членами думской фракции. По поводу отобранного у него при личном обыске блокнота с программой какого-то доклада, Самойлов объяснил, что он, действительно, рассчитывал сделать доклад во фракции относительно намеченных в программе пунктов. Впрочем, по поводу пункта «Совещание в Финл.», он предполагал спросить членов фракции, не знают ли они что-нибудь о каком-то совещании в Финляндии, так как сам он слышал от каких-то рабочих, что в Финляндии состоялось какое-то совещание, но кто принимал в нем участие, и какие вопросы на нем обсуждались, ему не было известно. По поводу пункта: «Доклад Муранова, телеграмма Вандервельде и ответ на нее наш и ликвидаторский» он не может дать объяснений, так как не помнит, к чему относится эта запись, как не помнит, о «выпуске каких листков в Питере» говорится в программе. Наконец, доклад его фракции по поводу пункта «Наше отношение к сборам в пользу запасных и их семей (резолюция)» сводился к тому, что он рассчитывал опросить товарищей, была ли вынесена какая-либо резолюция по этому вопросу. Точно так же запись «Предстоящая конференция» обозначает, что он хотел разузнать, для обсуждения каких вопросов созывается международная социалистическая конференция не то в Амстердаме, не то в Копенгагене, не то в Лондоне, так как о созыве такой конференции он читал в газете.

Козлов объяснил, что он работает на Путиловском заводе, где состоит членом больничной кассы и, кроме того, входит в состав столичного присутствия по делам страхования рабочих. 1 ноября Бадаев вызвал его для переговоров по страховым вопросам куда-то в Коломенский район; приглашение Бадаева было ему передано через Антипова, фамилию которого он узнал только при аресте. Чувствуя себя усталым, он отказался от приглашения. 2 ноября Антипов снова передал ему приглашение от лица Бадаева, уже на квартиру Гавриловых. По указанному адресу он явился в назначенный ему день—3 ноября—около 10 часов утра и застал уже 2—3 пришедших. Часам к 8 вечера собрались постепенно все лица, застигнутые на следующий день полицией, за исключением Розенфельда. Козлову стало ясно, что это—не простое свидание с Бадаевым, а какое-то собрание, но вникать в происходившие разговоры он не был в силах, так как страдал от зубной боли и флюса. Когда же он высказал желание уйти, ссылаясь на эту боль, остальные собравшиеся лица объяснили ему, что всем придется пере-

ночевать у Гавриловой, чтобы дождаться прихода какого-то лица, которое они называли «Каменевым». На ночь все они расположились на полу, для чего Гаврилова дала им несколько подушек. Впрочем, когда зажгли свет, Гаврилова завесила одеялами окна в той комнате, в которой происходило собрание, и сама прибила гвоздями эти одеяла. На следующее утро, часов в 10, явился Розенфельд. Все присутствовавшие, видимо, знакомые с ним, стали упрекать его за то, что он опоздал и не приехал накануне. Бегая от зубной боли по комнате и не принимая участия в разговорах, Козлов все же видел, что у нескольких лиц в руках был № 33 газеты «Социал-Демократ», по 1 экземпляру было отобрано при личном обыске у Бадаева, Петровского, Самойлова и Муранова. Кто-то читал этот номер, но Козлов, по его словам, не помнит ни того, какие статьи оглашались из этого номера, ни того, какими разговорами сопровождалось чтение. Во всяком случае, вопрос о страховании рабочих не подымался, хотя Козлов и пришел, рассчитывая переговорить по этому вопросу с Бадаевым.

Розенфельд показал, что по профессии он публицист. С 1908 по 1914 год он жил за границей и оттуда в 1912 году посылал корреспонденции в рабочую газету «Правда», а в 1914 году работал в рабочей же газете «Путь Правды», но его сотрудничество в этих изданиях носило совершенно частный характер и не было связано с участием в какой-либо организации. Из числа лиц, застигнутых вместе с ним в квартире Гавриловых, он до этого был знаком лишь с двумя членами государственной думы—Петровским и Бадаевым, которые в разное время, но не одновременно, были у него на даче в деревне Нейволе, на даче Лейне, близ станции Мустамяки, куда он в конце августа или начале сентября переехал на дачу с женой Ольгой Давидовной, до того в течение месяца проживавшей в Финляндии же, в Куоккале. И Петровский и Бадаев приезжали к нему в Финляндию для переговоров об издании рабочей газеты в Петрограде. Был ли он раньше знаком с членом государственной думы Самойловым,—он не помнит, как не помнит, бывал ли у него Самойлов в Нейволе. Петровский условился с ним встретиться еще раз для тех же переговоров об издании рабочей газеты и назначил местом свидания дом № 28 по Выборгскому шоссе, где, по словам Петровского, он 4 ноября рассчитывал быть у своих знакомых. Выбор места свидания на квартире третьих лиц объяснялся опасением со стороны Розенфельда посетить Петровского на его собственной квартире. В назначенный день, 4 ноября, Розенфельд приехал в Озерки и у ворот дачи, в которой помещалась квартира Гавриловых, встретил ранее известного ему Антипова.

У Гавриловых он застал нескольких лиц, произведших на него впечатление случайно сошедшихся людей. Разговор носил злободневный характер; ни заседания, ни совещания при нем не происходило; никаких резолюций политического характера присутствующие не оглашали и не обсуждали и никаких постановлений не выносили. По словам Розенфельда, ему было совершенно неизвестно, что среди собравшихся лиц находятся такие, которые съехались к 4 ноября в Петроград. О том, чтобы присутствующие переночевали в квартире Гавриловых, разговора не было. Розенфельд прибавил, что он не подписывал своих статей псевдонимом «Каменев» и такой клички никогда не носил.

В заключение он заявил, что содержание приобщенных к делу документов, в которых излагается отношение Российской Социал-Демократической Рабочей Партии к военным событиям, решительно противоречит его взгляду на текущую войну.

Антипов показал, что в январе 1914 года он был выслан из столицы за участие в забастовке на заводе Однера, после чего поселился в Озерках и работал на заводе «Новый Айваз» до апреля месяца, затем жил на родине—в Старорусском уезде—и в Лигове. Не найдя работы, 4 ноября утром он зашел на квартиру к Бадаеву, которого знал раньше, с просьбой устроить его где-нибудь на место. Бадаев направил его в дом № 28 по Выборгскому шоссе, куда должны были прибыть еще и другие лица, при помощи которых Бадаев рассчитывал достать ему работу. Из числа собравшихся у Гавриловой лиц он знал лишь Козлова, так как видел его раньше в больничной кассе Путиловского завода, и Петровского и Шагова; последних двух—только по наружности. Никаких поручений от Бадаева Козлову он не передавал и не сообщал ему адреса квартиры Гавриловых.

Воронин показал, что, желая проститься с братом, принятым на военную службу, он 31 октября пешком пошел в Нерехту из Иваново-Вознесенска, где он работал на ситцевой фабрике Гарелина. Уходя из Иваново-Вознесенска, он «захватил» с собой паспорт своего квартирного хозяина Волкова, без ведома последнего, так как его собственный паспорт был в конторе фабрики. Не разыскав в Нерехте брата, он 3 ноября выехал по железной дороге в Петроград, где рассчитывал посоветоваться с членом государственной думы от Костромской губернии Самойловым относительно срока выборов в правление фабричной больничной кассы, в котором он сам состоит членом. В столицу приехал 4 ноября утром и прямо с вокзала отправился разыскивать Самойлова, расспрашивая о нем прохожих. Однако никто из них не знал Самойлова. Когда же кто-то из прохожих назвал ему другого члена

государственной думы—Петровского—и указал адрес последнего, он пошел по указанному ему адресу. Узнав от него, что он хочет видеть Самойлова, Петровский вызвал последнего. Оставив Петровского дома, он ушел с Самойловым к Гавриловым, где они застали девять человек—тех самых, которые позднее были вместе с ними задержаны полицией. В квартире Гавриловых разговор шел только о больничной кассе и издании рабочей газеты.

Яковлев показал, что, будучи уволен из Харьковского технологического института за невзнос платы, он решил искать работы в Петрограде. Из Харькова он выехал 28 октября и, заехав по дороге «в одно место, которого не может указать по чисто интимным соображениям», он приехал в Петроград 4 ноября утром. Встретив на Невском проспекте члена государственной думы Муранова, с которым был знаком еще до избрания его в думу, он принял приглашение «сопровождать его, чтобы побыть вместе с ним». Оставив свои вещи в номере, который Муранов занимал в меблированных комнатах «Белград», на Невском проспекте, он вместе с ним поехал в квартиру Гавриловых, где никого из знакомых не встретил.

По поводу планов лекций, обнаруженных при обыске на его харьковской квартире, Яковлев объяснил, что записки эти списаны им с какой-то брошюры. Лекций по этому плану он не читал и не собирался читать, а сделал записки лично для себя, интересуясь вопросами, которых они касались.

Печак показал, что он служил конторщиком в общей больничной кассе № 51 в г. Риге. Интересуясь вопросами страхования рабочих, он решил ознакомиться с постановкой этого дела в Петрограде и, взяв недельный отпуск, приехал в столицу 4 ноября утром. Почерпнув из справочной книжки «Спутник рабочего» сведения об адресе члена государственной думы Петровского, он прямо с вокзала приехал к нему на квартиру. Узнав от него, откуда он, Петровский предложил ему взять его с собой на свидание со своими товарищами, членами государственной думы. В квартире Гавриловых, куда они приехали, они застали несколько человек, и Петровский объяснил ему, что все это—его знакомые. Печаку было известно из «Спутника рабочего», что те члены государственной думы, которых он встретил у Гавриловых, принадлежат к «социал-демократической фракции большевиков». В квартире Гавриловых «заседания официально не было»; читались газеты, кажется, «Новое Время», «Речь», но № 33 «Социал-Демократа» Печак не видел.

В подтверждение того, что он приехал в Петроград утром 4 ноября, а следовательно, не мог ночевать в квартире

Гавриловых, Печак сослался на свою квартирную хозяйку в Риге Марту Крустыньсон и привел то соображение, что в воскресенье 2 ноября он провел вечер в латышском театре, где давали пьесу «Путвейн», что значит в переводе «Ветерочек». При проверке этих объяснений выяснилось, что указанная Печаком пьеса была представлена в Новом латышском театре в Риге 31 октября. Как удостоверили Марта Крустыньсон и ее сестра Эмилия, Печак ушел из дому 31 октября, предупредив, что отлучится на несколько дней к больной сестре. Кроме того, секретарь общей больничной кассы № 51 Лифляндской губернии Ян Буцен показал, что 30 октября он выдал месячное жалованье Печаку, и с 31 октября Печак уже не являлся на службу.

По предъявлении этих данных Печаку он признал, что действительно выехал из Риги 31 октября, но продолжал утверждать, что в Петроград он приехал только 4 ноября, так как заезжал по дороге в место, которое отказывается назвать.

Точно так же рассказ обвиняемого Воронина о пути, по которому он приехал в Петроград, и о времени его приезда в столицу, опровергнут показанием Ивана Матвеева, удостоверившего, что он ехал с Ворониным в одном поезде от Иваново-Вознесенска до Петрограда. Воронин сел в вагон 3-го класса утром 31 октября, доехал до Ярославля, где взял новый билет до Петрограда, и прибыл в столицу 1 ноября утром.

Допрошенный в качестве свидетеля Александр Кочкин объяснил, что члена государственной думы Бадаева он не знает и не понимает, как принадлежащий ему паспорт оказался в руках Бадаева. Этот паспорт был им потерян летом 1914 года.

Свидетель Михаил Кудрин удостоверил, что Розенфельд, которого он знал лишь как Льва Борисовича Каменева, фактически руководил газетой «Трудовая Правда», в которой сам Кудрин служил конторщиком. «Трудовая Правда» заменила закрытую газету «Путь Правды», где также руководящую роль играл Каменев, т.-е. Розенфельд. Редакции обеих этих газет часто посещали члены государственной думы Петровский, Бадаев, Муранов и Шагов. Самойлов же там редко бывал, так как постоянно хворал.

Осмотром соответствующих домовых и книг меблированных комнат установлено:

1) что Петровский прибыл 31 июня 1914 года из Екатеринослава в дом № 17 по Кирилловской улице и проживал в нем до заключения под стражу;

2) что Шагов прибыл в тот же дом 6 октября из Костромы;

3) что Самойлов прибыл из Москвы в меблированные комнаты Концевича в доме № 77 по Невскому проспекту 24 сентября и значится выбывшим 1 октября в Москву же, после чего он отмечен прибывшим в меблированные комнаты Бражнова в доме № 81 по Невскому пр., 5 ноября;

4) что Муранов значится прибывшим из Харькова в меблированные комнаты Петровой в д. № 2/70 на углу Пушкинской улицы и Невского пр. 28 сентября 1914 г. и выбывшим 10 октября в Харьков. Вместе с тем, он прописан прибывшим 1 октября из Полтавы в меблированные комнаты Балясниковой в том же доме и выписан выбывшим в Москву 2 ноября;

и 5) что Бадаев отмечен прибывшим в дом № 2/3 по Малой Болотной улице и Смольному пр. 1 сентября 1914 года и отмечен выбывшим в день привлечения к следствию.

На основании изложенного, крестьянин Харьковской губернии, Волчанского уезда, Печенегской волости, Григорий Иванов Петровский, 36 лет; полтавский мещанин Матвей Константинов Муранов, 40 лет; крестьяне: Орловской губернии, Карачевского уезда, Юрьевского сельского общества Алексей Егоров Бадаев, 31 года; Костромской губернии, Нерехтского уезда, Острецовской волости, Николай Романов Шагов, 32 лет, и Владимирской губернии, Ковровского уезда, Лежневской волости, Федор Никитин Самойлов, 32 лет; потомственный почетный гражданин Лев Борисов Розенфельд, 31 года; потомственный дворянин Валентин Николаев Яковлев, 22 лет, и крестьяне: Лифляндской губернии, Рижского уезда, Магнусовской волости Карл-Иоганн Янов Печак, 22 лет; Костромской губернии, Нерехтского уезда, Сорохтской волости Иван Алексеев Воронин, 28 лет; Ярославской губернии, Любимского уезда, Яснинской волости Иван Яковлев Козлов, 35 лет; Новгородской губернии, Старорусского уезда, Нивской волости Николай Кириллов Антипов, 19 лет, и Псковской губернии, того же уезда, Сидоровской волости Ульяна Георгиева Гаврилова, 27 лет, обвиняются:

Первые одиннадцать—в том, что в 1914 году они участвовали в преступном сообществе, которое, подчинив свою деятельность руководству и контролю Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, поставило целью насильственное ниспровержение, посредством вооруженного народного восстания, установленного в России основными государственными законами образа правления и замену его иным, на началах демократической республики, и, зная о преследуемых сообществом целях, в видах осуществления таковых, действуя как в совокупности, так

и в отдельности в качестве членов сообщества, входили в непосредственные сношения как с отдельными существовавшими в разных местах империи тайными организациями, так и с объединяющим их деятельность Центральным Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и содействовали возникновению новых таких организаций, созывая их членов на совещания, посвящая их в цели, преследуемые указанным выше преступным сообществом, вырабатывая для них уставы и облагая их сборами в пользу Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, руководили деятельностью таких организаций, присутствуя на их собраниях, знакомя их с положением дел в других тайных организациях, вырабатывая план их дальнейшей деятельности, побуждая их к составлению и выдаче на имя Российской Социал-Демократической Рабочей Фракции в государственной думе и на имя Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии мандатов на участие представителей от них в порайонных тайных комитетах и на предстоящем социалистическом международном съезде в Вене и принимая участие в составлении резолюции от этих организаций; устраивали тайные массовые собрания рабочих, на которых призывали слушателей к образованию тайных организаций и к вооруженному восстанию; сносились друг с другом и с членами различных тайных организаций посредством шифров; принимали участие, после возникновения настоящей войны с Германией и Австро-Венгрией, в размножении, с целью распространения, прокламации, начинающейся словами: «Европейская война стала фактом» и составленной от имени «Организационного Комитета», в которой проводилась мысль, что «международный социализм» должен «в полной мере использовать созданное войной положение», в силу чего «пролетариат должен сейчас солидарно во всех странах вести борьбу за прекращение войны» и «усиленно организоваться и готовиться к тому, чтобы мировые вопросы, поставленные остро войной, были разрешены при самом деятельном его участии в интересах демократии и социализма», при чем рабочим классом должна вестись «борьба с обнаружившимся уже стремлением русской реакции к захвату чужих территорий под флагом освобождения подъяремных народов»; составили, с целью распространения, прокламацию, обращенную к студенчеству, заключающую в себе призыв «организоваться и организовать массы и подготовить их к революции» и содержащую следующие выражения: «Мы идем сражаться, идем в солдаты только потому, что против нас идет сила штыков, и мы объявляем царям и их правительствам, что берем оружие против своей воли. Пусть же знают

они, что мы его употребим и против них. Товарищи. Не возвращайте оружия, храните его. А вы, уходящие на позиции, ждите, когда мы дадим вам знать, и помните, что ваше место не против нас, а с нами»; приняли участие в происходившем в конце сентября или 1 октября сего года в Финляндии совещании, на котором выработали, с целью распространения, ответ на телеграмму бельгийского социалиста Эмиля Вандервельде, обращенную к социал-демократическим депутатам России, в каковом ответе, разъясняя план дальнейшей своей деятельности на время войны Российской империи с Германией и Австро-Венгрией, указали, что они ставят своей задачей «всестороннее использование военного кризиса» ради «дальнейшей борьбы с господствующим в России государственным строем за очередные революционные лозунги» и «скорейшее осуществление народными массами задач 1905 года», т.-е. «созыв учредительного собрания»; приняли участие в происходившем 3 и 4 ноября 1914 года в квартире Гавриловых в доме № 28 по Выборгскому шоссе, в районе 2-го стана Петроградского уезда, партийном съезде членов Российской Социал-Демократической Рабочей Фракции государственной думы и представителей от провинциальных организаций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, на каковом съезде обсуждали: «резолюции», заключавшие в себе программу ближайших действий членов сообщества в течение военных действий с Германией и Австро-Венгрией, в каковых резолюциях заключалось утверждение, что «лозунгами социал-демократии в настоящее время должна быть всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев—наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран», для каковой пропаганды должно организовать «нелегальные ячейки и группы в войсках», при чем должна вестись пропаганда республики немецкой, польской, русской и других, на-ряду с превращением всех государств Европы в республиканские Соединенные Штаты; указанный выше ответ Российской Социал-Демократической Рабочей Фракции государственной думы на телеграмму Вандервельде; вопрос об отказе от сборов в пользу запасных, призванных в действующую армию; доклад Муранова об объезде им существующих тайных организаций и открытие новых в Уральском крае и в Поволжье, и на вопрос о распространении прокламаций среди призывных и о «студенческих социал-демократических организациях всех течений» в Харькове, т.-е. в преступлении, предусмотренном 1-й ч. 102 ст. угол. улож.

Гаврилова — в том, что 3 и 4 ноября 1914 года, в районе Петроградского уезда, предоставила свою квартиру в доме № 28 по Выборгскому шоссе для собрания членов описанного выше преступного сообщества, при чем, зная как о том, что в квартире ее собираются члены составившегося преступного сообщества, так и о том, что цель такого состоит в насильственном ниспровержении, путем народного восстания, установленного в России основными государственными законами образа правления и замене его иным, на началах демократической республики, равно и о том, что это собрание устраивается для обсуждения вопросов, связанных с практическим осуществлением намеченных сообществом преступных целей,—без уважительной причины не довела об этом до сведения подлежащих властей, т.-е. в преступлении, предусмотренном 3-й ч. 163 ст. того же устава.

Вследствие сего и на основании 2 п. 1032 ст. уст. угол. суд., названные Петровский, Муранов, Бадаев, Шагов, Самойлов, Розенфельд, Яковлев, Печак, Воронин, Козлов, Антипов и Ульяна Гаврилова подлежат суду особого присутствия петроградской судебной палаты с участием сословных представителей.

(„Право“, № 8, от 22 февраля 1915 г.)

В. И. ЛЕНИН О ПРОЦЕССЕ РСДРФ IV ГОС. ДУМЫ.

Что доказал суд над РСДР фракцией?

Царский суд над пятью членами РСДР Фракции и шестью другими социал-демократами, захваченными на конференции под Питером 4 ноября 1914 г., окончился. Все приговорены к ссылке на поселение. Легальные газеты поместили судебные отчеты, из которых цензура вырезала места, неприятные царизму и патриотам. Расправа с «внутренними врагами» проведена быстро, и на поверхности общественной жизни опять не видно и не слышно ничего, кроме бешеного воя тьмы буржуазных шовинистов да подпевания ему горсток социал-шовинистов.

Что же доказал суд над РСДР Фракцией?

Во-первых, он показал недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной социал-демократии России. Подсудимые преследовали цель затруднить прокурору раскрытие того, кто был членом ЦК в России и представителем партии в известных сношениях ее с рабочими организациями. Эта цель достигнута. Для достижения ее и впредь должен быть применяем на суде давно и официально рекомендованный партией прием—отказ от показаний. Но стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом, г. Иорданским, как делал тов. Розенфельд [1]), или свое несогласие с Центральным Комитетом есть прием неправильной и, с точки зрения революционного социал-демократа, недопустимый.

Заметим, что по отчету «Дня» (№ 40),—официального и полного отчета о суде не имеется,—тов. Петровский заявил: «В тот же период времени (в ноябре) я получил резолюцию Центрального Комитета... и, кроме того, мне были представлены резолюции рабочих из семи пунктов об отношении рабочих к войне, совпадающие с отношением Центрального Комитета».

Это заявление делает честь Петровскому. Шовинизм кругом был очень силен. Недаром в дневнике Петровского имеет-

---

[1]) Розенфельд — это Л. Б. Каменев, бывший в те времена членом ЦК и уполномоченным ЦК для работ в России. Примеч. автора.

ся фраза о том, что даже радикально-настроенный Чхеидзе с воодушевлением говорит об «освободительной» войне. Этому шовинизму депутаты РСДРФ давали отпор, когда они были на воле, но отгородиться от него было их задачей и на суде.

Кадетская «Речь» холопски «благодарит» царский суд за то, что он «рассеял легенду» о том, что социал-демократические депутаты желали поражения царским войскам. Пользуясь тем, что социал-демократы в России связаны по рукам и ногам, кадеты делают вид, будто принимают всерьез мнимый «конфликт» между партией и фракцией, уверяя, что подсудимые давали свои показания совсем не страха ради судейска. Какие невинные младенцы! Они, будто бы, не знают, что в первой стадии дела депутатам угрожали военным судом и смертной казнью.

Товарищам надо было отказаться от показаний по вопросу о нелегальной организации и, поняв всемирно-исторический момент, воспользоваться открытыми дверями суда для прямого изложения социал-демократических взглядов, враждебных не только царизму вообще, но и социал-шовинизму всех и всяческих оттенков.

Пусть бешено набрасывается на РСДР Фракцию правительственная и буржуазная печать, пусть злорадно «ловят» проявления слабости или мнимого «несогласия с Центральным Комитетом» социал-революционеры, ликвидаторы и социал-шовинисты (надо же им бороться принципиально! [1]). Партия революционного пролетариата достаточно сильна, чтобы открыто критиковать самое себя, чтобы назвать без обиняков ошибку и слабость ошибкой и слабостью. Сознательные рабочие России создали такую партию и выдвинули такой передовой отряд, которые во время всемирной войны и всемирного провала международного оппортунизма проявили больше всех способности исполнить свой долг интернациональных революционных социал-демократов. Путь, по которому мы шли, испытан величайшим кризисом и оказался—еще и еще раз—единственно верным путем; пойдем по нему еще решительнее, еще тверже, выдвинем новые передовые отряды, добьемся не только выполнения ими той же работы, но и более правильного доведения ее до конца.

Во-вторых, суд развернул невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма революционной социал-демократией. Пример такого использования лучше всяких речей будет апеллировать к уму и сердцу пролетарских масс, убедительнее всяких доводов будет опровергать оппортунистов-легалистов и

[1] В „С.-Д.“ напечатано: „Надо же им бороться с нами хоть как-нибудь если они не могут бороться принципиально!“.

фразеров анархизма. Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского останутся надолго образцом той работы депутатов, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России. В такое время, когда почти все «социалистические» (извините за поругание этого слова!) депутаты Европы оказались шовинистами и слугами шовинистов, когда пресловутый «европеизм», прельщавший наших либералов и ликвидаторов, оказался тупой привычкой к рабской легальности, в России нашлась одна рабочая партия, депутаты которой блистали не краснобайством, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны, не деловой ловкостью «европейского» адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора. Подняться выше—к званию влиятельного в «обществе» депутата или министра—таков на деле был смысл «европейского» (читай: лакейского) «социалистического» парламентаризма. Спуститься ниже — помочь просветить и объединить эксплоатируемых и угнетенных— вот какой лозунг выдвинут образами [1]) Муранова и Петровского.

И этот лозунг получит всемирно-историческое значение. Ни один мыслящий рабочий ни в одной стране мира [2]) не согласится на старое удовлетворение легальностью парламентаризма буржуазии, после того как эта легальность во всех передовых странах была сразу отмечена росчерком [3]) пера и повела лишь к теснейшему фактическому союзу оппортунистов и буржуазии. Кто мечтает об «единстве» революционных социал-демократических рабочих с «европейскими» легалистами с.-д. вчерашнего—и сегодняшнего — типа, тот ничему не научился и все позабыл, тот на деле союзник буржуазии и враг пролетариата. Кто не понял до сих пор, почему и зачем РСДР Фракция отделилась от социал-демократической фракции, мирившейся с легализмом и оппортунизмом, тот пусть учится теперь на отчете судебного процесса о работе Муранова и Петровского. Эту работу вели не только эти двое депутатов, и лишь безнадежно-наивные люди могут мечтать о соединимости подобной работы с «дружелюбным, терпимым отношением» к «Нашей Заре» или к «Северной Рабочей Газете», к «Современнику», к ОК или к Бунду.

[1]) В „С.-Д. напечатано: „образцами“.
[2]) В „С.-Д.“ напечатано: „ни для одной стороны“.
[3]) В „С.-Д.“ напечатано: „почерком“

Правительство надеется запугать рабочих отправкой в Сибирь членов РСДР Фракции? Оно ошибается [1]). Рабочие не испугаются, а лучше поймут свои задачи,—задачи рабочей партии, в отличие от ликвидаторов и социал-шовинистов. Рабочие научатся выбирать в думу только таких людей, как члены РСДР Фракции, для такой же и еще более широкой, а вместе с тем еще более неоткрытой деятельности среди масс. Правительство думает убить «нелегальный парламентаризм» в России? Оно только закрепит связь пролетариата исключительно с подобным парламентаризмом.

В-третьих,—и это самое главное,—суд над РСДР Фракцией впервые дал открытый, в миллионном числе экземпляров распространенный по России, объективный материал по важнейшему, основному, существеннейшему вопросу об отношении к войне разных классов российского общества. Не довольно ли уже смертельно надоевшей интеллигентской болтовни о соединимости «защиты отечества» с «принципиальным» (читай: словесным или лицемерным) интернационализмом? Не пора ли взглянуть на факты, относящиеся к классам, т.-е. к миллионам людей жизни, а не к десяткам героев фразы?

Прошло более полугода со времени начала войны. Высказалась легальная и нелегальная печать всех направлений, определились все думские партийные группы—очень недостаточный, но единственный объективный показатель наших классовых группировок. Суд над РСДР Фракцией и отклики печати подвели итог всему этому материалу. Суд доказал, что передовые представители пролетариата в России не только враждебны шовинизму вообще, но в частности разделяют именно позицию нашего ЦО. Депутаты арестованы 4 ноября 1914 года. Более двух месяцев, следовательно, вели они свою работу. С кем и как они вели ее? Какие течения в рабочем классе они отражали и выражали? Ответ на это дает тот факт, что материалом для конференции являлись «тезисы» и «Социал-Демократ», что Питерский Комитет нашей партии выступал неоднократно с листками того же содержания. Других материалов на конференции не было. О других течениях в рабочем классе депутаты не собирались докладывать конференции, ибо других течений не было.

Может быть, члены РСДР Фракции выражали лишь мнение меньшинства рабочих? Мы не вправе сделать такого предположения, ибо за $2^1/_2$ года, с весны 1912 г. по осень 1914 г., около «Правды», в полной идейной солидарности с которой работали эти депутаты, сплотились $^4/_5$ сознатель-

---

1) В „С.-Д." напечатано: „ошибется".

ных рабочих России. Это—факт. Будь сколько-нибудь значительный протест среди рабочих против позиции Центрального Комитета,—этот протест не мог бы не найти выражения в проектах [1]) резолюции. Ничего подобного не обнаружил суд, хотя он «обнаружил», можно сказать, многое из работы РСДР Фракции. Поправки рукой Петровского никакого даже оттенка не показывают.

Факты говорят, что в первые же месяцы после войны сознательный авангард рабочих России на деле сплотился вокруг ЦК и ЦО. Как бы ни был неприятен тем или иным «фракциям» этот факт, он неопровержим. Цитируемые в обвинительном акте слова: «Необходимо направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран»—эти слова, благодаря суду, разнесут и разнесли уже по России призыв к пролетарскому интернационализму, к пролетарской революции. Классовый лозунг авангарда рабочих России дошел теперь до самых широких масс, благодаря суду.

Повальный шовинизм буржуазии и одной части мелкой буржуазии, колебания другой части и такой призыв рабочего класса—вот фактическая, объективная картина наших политических деяний [2]). С этой фактической картиной, а не с благопожеланиями интеллигентов и основателей группок надо сочетать свои «виды», надежды, лозунги.

Правдистские газеты и работа «мурановского типа» создали единство $^4/_5$ сознательных рабочих России. Около 40.000 рабочих покупали «Правду», много больше читали ее. Пусть даже впятеро, вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он один стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплоатируемых, угнетенных. Он один устоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои от социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, «Нашей Зари» к социализму. Его существование, его идеи, его работу, его обращение к «братству наемных рабов других стран» показал всей России суд над РСДР Фракцией.

С этим слоем надо работать, его единство против социал-шовинистов надо отстоять, по этому единственному пути может развиваться рабочее движение России в направлении к социальной революции, а не к национально-либеральному «европейскому» типу.

(Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII.)

---

[1]) В „С.-Д." напечатано: „в проекте или..."
[2]) В „С.-Д." напечатано: „делений".

Государ. публичная Историческая библиотека РСФСР 1963

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От автора	3
I. Возвращение из-за границы и первое совещание с.-д. рабочей фракции с партийными работниками в Финляндии	5
II. Второе совещание фракции с представителями с.-д. организаций в Озерках.—Арест и привлечение к ответственности всех участников совещания	8
III. Первый допрос у следователя	20
IV. Тюремное заключение и мои литературные опыты	27
V. Записка Петровскому.—Первое свидание с женой.—Болезнь.—Сожитель по камере	43
VI. Дальнейшие допросы у следователя.—Окончание следствия	54
VII. Организация защиты.—Ознакомление с делом.—Наши главные показания.—Неудачное обвинение нас в государственной измене	57
VIII. Суд и приговор	66
IX. Созыв государственной думы и ее отношение к нашему делу.—Печать о нашем деле.—Перевод в „Кресты".—Тюремная больница	89
X. Наша кассационная жалоба в сенате.—Снова в „Предварилке".—Новый сожитель.—Сборы и отправление в Сибирь.	103

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. Тов. Г. Е. Зиновьев об аресте РСДР Фракции. На боевом посту	111
2. Второе правительственное сообщение. К аресту депутатов	115
3. Объяснительная речь тов. Г. Петровского на суде	116
4. Судебный приговор в окончательной форме, вынесенный 20 февраля 1915 г. особым присутствием петроградской судебной палаты	118
5. Обвинительный акт по делу РСДРФ IV гос. думы	124
6. В. И. Ленин о процессе РСДРФ IV гос. думы. Что доказал суд над РСДРФ?	158

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

(ИСТПАРТ)

БИОГРАФИИ, АВТОБИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ.

Александрова, Н. Артем. Стр. 174. Ц. 50 к.

Антонов-Саратовский, В. П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 по 1918 г. Том I. Стр. 310. Ц. 2 р.

Бобровская, Ц. Записки рядового подпольщика. (1894—1914 г.г.)
Часть I. Стр. 81. Ц. 20 к.
Часть II. (1905—1914 г.г.) Стр. 88. Ц. 35 к.

Борец за освобождение работницы К. Н. Самойлова. Сборник. 2-е изд. Стр. 80. Ц. 40 к.

Бош Е. Год борьбы (1917—1918 г.г.) на Украине. Стр. 270. Ц. 1 р. 80 к.

Ганецкий, Я. В. В. Воровский. Биографический очерк. Стр. 102. Ц. 60 к.

Деготь, В. В свободном подполье. (Воспоминания о подпольной работе за границей в 1919—1924 г.г.) Стр. 87. Ц. 25 к.

Лепешинский, П. Н. На повороте. Воспоминания от конца восьмидесятых годов к 1905 г. Попутные впечатления участников революционной борьбы. Стр. 237. Ц. 75 к.

Медведева, С. Герой революции „товарищ Камо". Стр. 63. Ц. 20 к.

Моисеенко, П. А. Воспоминания. 1873—1923 г.г. Стр. 214. Ц. 1 р.

Новиков, В. Воспоминания подпольщика. (1900—1913 г.г.) Стр. 83. Ц. 60 к.

От группы Благоева к „Союзу Борьбы" (1886—1894 г.г.) Статьи и воспоминания. Стр. 127. Ц. 20 к.

Памяти Инессы Арманд. Сборник под ред. Н. Крупской. Стр. 109. Ц. 30 к.

Парфенов, П. (П. Алтайский). Гражданская война в Сибири. 1917—1918 г.г. Изд. 2-е исправл. и дополн. Стр. 168. Ц. 1 р.

Раскольников, Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. Стр. 280. Ц. 2 р.

Рябинин, А. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1911). С приложением статьи Д. Бутина. (Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске.) Стр. 71. Ц. 20 к.

Самойлов, Ф. Н. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении.
Часть I. (1903—1905 г.г.) 2-е издание. Стр. 90. Ц. 60 к.
Часть II. (1906—1911 г.г.) Стр. 124. Ц. 1 р.
Часть III. 1911—1914 г.г.) Стр. 112. Ц. 80 к.

Яков Михайлович Свердлов. Сборник статей и воспоминаний. Стр. 202. Ц. 2 р.

Федосеев, И. Е. Один из пионеров революционного марксизма в России. Сборник воспоминаний. Стр. 184. Ц. 40 к.

Фурманов, Д. Чапаев. С предисловием А. Луначарского. Стр. 216. Ц. 1 р. 25 к.

Фишер, А. В России и Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего. 1890—1921 г.г. Стр. 104. Ц. 20 к.

Шаповалов, А. И. По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего революционера.
Часть I и II. 2-е издание. Стр. VIII + 165. Ц. 1 р. 25 к.
Часть III. Ц. 1 р. 25 к.
Часть IV. (Печ.)

Яковенко, В. Г. Записки партизана. Стр. 107 + I карта. Ц. 1 р.

1 р. 40 к./р

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

(ИСТПАРТ)

МАТЕРИАЛЫ, СПРАВОЧНИКИ и др.

Соц.-демократические издания. Указатель соц.-демокр. литературы на русском языке 1893—1905 г.г. Под ред. Л. Б. Каменева. Стр. 58. Ц. 30 к.

Третий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии. 1905 г. Полный текст протоколов с предисл. под ред. М. Н. Лядова. Стр. 569. Ц. 2 р. 30 к.

Протоколы объединительного съезда РСДРП, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г., со вступительной статьей О. А. Варенцовой. Стр. 404. Ц. 4 р.

Отчет Российской социал-демократической рабочей партии VIII Международному Социалистическому Конгрессу в Копенгагене. (28 августа—3 сентября 1910 г.). Перев. с франц. под ред. Л. Б. Каменева. Стр. 106. Ц. 45 к.

„Вперед" и „Пролетарий". Вып. I—IV. (Распространяется по подписке.)

Памятник агитационной литературы РСДРП. Том VI (1914—1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. Стр. XXIV + 345. Ц. 2 р.

Петроградская Общегородская и Всероссийск. Конференция РСДРП (б). Апрель 1917 г. Стр. 175. Ц. 85 к.

Седьмой Съезд Российской Коммунистической Партии Большевиков. 6—8 марта 1918 г. Стенографический отчет. Стр. 212. Ц. 1 р.

„Искра", вып. I—III.

„Новая Жизнь", вып. I—V.

Революция и ВКП в материалах и документах, т. IV, V, VI.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

„Искра", вып. IV—VII.

Революция и ВКП в материалах и документах Тт. II и VII, 2-е, перераб. издание.

РКП в резолюциях ее съездов и конференций. 3-е переработанное изд.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Протоколы I—XIII съездов, конференций и совещаний всероссийского характера.

Хроника революции 1918 г.

Адрес ИСТПАРТА: Москва, Старая площадь, 4. Тел. 2-50-71.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР: Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 1-91-49, 5-04-56 и 3-71-37. Ленинград, „Дом Книги", проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-34-18 и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР.

Москва, 9, Госиздат, „Книга Почтой" высылает все книги немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.